

**ПАМЯТЬ
И СКОРБЬ**

 1939—1940

Вспомним

всех

поименно,

горем

вспомним своим.,.

Это нужно —

не мертвым!

Это надо — живым!

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

АДМИНИСТРАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
г. ПИТКЯРАНТЫ И ПИТКЯРАНТСКОГО РАЙОНА

**ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ
ВОЙНЫ 1939—1940 гг.
в Северном
Приладожье**

Петрозаводск 1999

АДМИНИСТРАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
г. ПИТКЯРАНТЫ И ПИТКЯРАНТСКОГО РАЙОНА

ПАМЯТЬ И СКОРБЬ

Петрозаводск 1999

**Автор-составитель В. Ф. СЕБИН,
ветеран Великой Отечественной войны**

Художник М. Чумак

Администрация местного самоуправления г. Питкяранты и Питкярантского района, оргкомитет по созданию памятника жертвам советско-финляндской войны 1939—1940 гг. благодарят трудовые коллективы ОАО ЦЗ «Питкяранта», ОАО «Ладэнсо», ООО «Надежда», ГОИ, Питкярантского узла связи — филиала ОАО «Электросвязь», АО «Карелкон», оказавших помощь в издании этой книги.

© В. Ф. Себин, 1999.

ВСЕШЛАЯ ПАМЯТЬ ПЛАВУМ
Ъ БОЖЪ ЗА ОТЕЧЕСТВО

ДВЕ СТРОЧКИ

*Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.*

*Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.*

*Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...*

*Среди большой войны жестокой,
Чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый,
На той войне незначительной,
Забывший, маленький лежу.*

Война с Финляндией в 1939—1940 годах глазами наших современников

Данный сборник включает в себя воспоминания участников советско-финляндской войны, обращаясь к которой нельзя ограничиваться рамками октября 1939 — апреля 1940 годов, то есть периодом самой войны и ее кануна. Проблема безопасности северо-западных границ СССР встала в центр советско-финляндских отношений вскоре после прихода Гитлера к власти в Германии. А с весны 1938 года, в течение полутора лет, между СССР и Финляндией велись интенсивные переговоры о безопасности в районе советско-финской границы, которая проходила всего в 32 км от Ленинграда. В СССР помнили, как германские войска весной 1918 г. высадились на финском побережье и продвинулись к Петрограду на расстояние до 35 км, город оказался не защищен ни с моря, ни с суши. Это побудило тогда Советское правительство перенести столицу из Петрограда в Москву.

Секретный протокол к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 года относил Финляндию к сфере советских государственных интересов.

Финляндии было предложено заключить пакт о взаимопомощи по образцу договоров, заключенных в сентябре-октябре 1939 г. с Литвой, Эстонией и Латвией. Согласно этим документам предусматривалось размещение советских военных баз и воинских частей на территории этих стран. Соседняя страна отвергла это предложение, заявив, что такой пакт противоречил бы ее позиции нейтралитета. Новые предложения Советского Союза (отодвинуть на несколько десятков километров в сторону Финляндии границу для обеспечения безопасности Ленинграда и передать СССР ряд островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на вдвое большую территорию в Карелии и др.) также не устраивали суверенную Финляндию. В конце октября 1939 года финляндское правительство дало согласие отодвинуть границу лишь на одном участке с 35 до 45 км.

В середине ноября на Военном совете Сталин заявил: «Нам придется воевать с Финляндией». Поводом к началу военных действий послужил якобы произошедший 26 ноября 1939 года обстрел финской артиллерией подразделения Красной Армии у пограничной деревни Майнила. Финляндское правительство отвергло обвинения в свой адрес и предлагало «совместно провести расследование по поводу данного инцидента». Советское правительство расценило финские предложения по урегулированию конфликта как неприемлемые и заявило, что «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении», заключенном в 1932 году.

30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа (командующий Мерецков К. А.) перешли границу Финляндии, что фактически явилось началом войны. В тот же день президент К. Каллио заявил, что «Финляндия объявляет состояние войны».

Соотношение сил воевавших сторон по всему фронту от Финского залива до Баренцева моря было таким: советские войска — 240 тысяч человек, 1915 орудий, 1130 танков, 967 боевых самолетов; финские войска — 140 тысяч человек, 400 орудий, 600 танков, 270 боевых самолетов.

С начала декабря развернулись тяжелые бои, которые не принесли ожидаемых советским руководством значительных быстрых успехов.

Основу финских укреплений составляла так называемая «линия Маннергейма». Неоднократные попытки прорвать ее ничего, кроме больших потерь, не дали. Финская армия была готова к вооруженной борьбе в условиях диких лесов, бездорожья. Крупным соединениям Красной Армии, отяжеленным боевой техникой и обозами, противостояла высокая индивидуальная подготовка финских войск, многочисленные подвижные лыжные отряды и т. д. В целом подготовленная оборона финнов встретила неподготовленное наступление Красной Армии. Наши войска несли большие потери, в том числе и вследствие обморожений.

Не помог и политический ход — создание 1 декабря 1939 года в занятом советскими войсками финском городке Териоки «Народного правительства Финляндской Демократической Республики» во главе с секретарем Коминтерна О. В. Куусиненым, заявившего о полном одобрении действий Красной Армии на территории Финляндии. Советским правительством оно было признано, однако у финнов поддержки не получило.

Все это заставило советское командование прекратить попытки наступления и начать дополнительную серьезную подготовку к штурму линии Маннергейма.

В конце декабря 1939 г. — январе 1940 г. советские войска получили значительные подкрепления, особенно на Карель-

ском перешейке — направлении главного удара. В целом к февралю 1940 года в составе войск, дислоцировавшихся между Балтийским и Баренцевым морями, находилось до 40 дивизий с общей численностью личного состава более 950 тысяч человек.

Действия советских войск на Петрозаводско-Сортавальском направлении по отношению к боям на Карельском перешейке носили вспомогательный характер. И тем не менее к 10 декабря, когда 402-м полком 168-й дивизии был взят город Питкяранта, финское военное руководство разгадало замысел советского командования и начало перебрасывать на эти направления свои резервы. Бои до конца февраля 1940 года, как об этом свидетельствуют воспоминания участников, были крайне ожесточенными и кровопролитными. Наиболее полное их описание дано в журнале «Родина», № 12, за 1995 г.

Война, рассчитанная Советским правительством на 2—3 недели, длилась 105 дней. Победа досталась очень дорогой ценой. Только в Красной Армии убитые, умершие от ран и пропавшие без вести составили 126875 человек, что в пять раз больше аналогичных потерь в финской армии. Это объяснялось не только особенностями театра войны и недостатками в организации боевых действий, упорством финнов в обороне своих позиций, но и тем, что высшее руководство СССР тогда не считалось ни с чем во имя достижения поставленных целей. Эта война дала основание Гитлеру сказать, что «русские Вооруженные Силы — глиняный колосс без головы».

12 марта 1940 года в Москве был заключен советско-финляндский мирный договор, в основу которого легли советские условия и предложения. Новая линия границы отодвигалась от Ленинграда в сторону Финляндии на расстояние до 150 км. В состав территории СССР включались: Карельский перешеек с г. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом с островами; северо-западное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Питкяранта, Суоярви и др.; ряд островов в финском заливе; территория в районе г. Куолаярви; часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море; на 130—150 км граница удалялась и от Мурманской железной дороги.

Непредвзято прослеживая причинно-следственные связи, следует признать изначальным виновником войны 1939—1940 гг. силы, готовившие и развязавшие вторую мировую войну с их захватническими планами в отношении СССР. В то же время это не может быть оправданием ультимативных, насильственных действий советского руководства.

Причиной войны был и катастрофический дефицит доверия между двумя соседними странами, в основе которого ле-

жала ярко выраженная классовая окраска подходов каждой из сторон к оценке позиций другой стороны. Ведь и идея создания Великой Финляндии у некоторых политиков родилась не в 1941 году.

Войны 1939—1940 гг. и 1941—1944 гг. преподали нашим народам главный урок: осознание взаимозависимости безопасности обеих стран и невозможности решения этой проблемы путем военного противоборства, а также необходимости ограждать отношения наших стран от вмешательства со стороны.

Россияне обычно называют войну 1939—1940 гг. «финской», финны — «зимней», А. Т. Твардовский назвал ее «незнаменитой». Исследования ученых двух соседних стран показали, что правомерно еще одно определение: война, которой могло не быть. Теперь мы лучше понимаем трагедию нашего северо-западного соседа, не забывая и не преуменьшая собственных жертв.

Советско-финляндская война до сегодняшнего дня остается одной из малоисследованных страниц отечественной истории. Материалы, вошедшие в данный сборник, дают представление о ходе и особенностях боевых действий в районе Питкяранты, скорбный итог которых — множество братских, зачастую безымянных могил. Более 30 лет собирались эти воспоминания из различных источников. С целью уточнений были встречи со многими участниками «зимней» войны, в том числе почти со всеми авторами данной книги.

Составитель и все, кто ему помогал, надеются, что предлагаемый сборник будет интересен всем, кто не поверхностно изучает историю СССР, России, ее Вооруженных Сил, поможет людям разных поколений, и прежде всего молодежи, более глубоко осмыслить события и уроки малоизвестной войны. Думаем, что публикуемые материалы заинтересуют поисковые группы и музеи Карелии.

Пусть эта книга будет и памятью о тех, кто воевал.

В. Ф. СЕБИН,
составитель сборника

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями

26 ноября, вечером, Народный комиссар иностранных дел СССР т. В. М. Молотов принял посланника Финляндии гражданина Ирие Коскинен и вручил ему ноту Правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Принимая ноту, г. Ирие Коскинен заявил, что он немедленно свяжется со своим правительством и даст ответ. Ниже приводится текст ноты.

«ГОСПОДИН ПОСЛАННИК!»

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 15 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии, около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем.

Всего было произведено семь выстрелов, в результате чего убито три рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава.

Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела.

Советское правительство, ставя Вас об этом в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже во время недавних переговоров с г. Таннером и г. Паасикиви указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у самой границы под Ленинградом.

Теперь в связи с фактом провокационного артиллерийского обстрела советских войск с финляндской территории. Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам.

Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места.

В виду этого Советское правительство, заявляя решитель-

ный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 км и тем самым предотвратить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершеннейшем к Вам почтении».

Народный комиссар иностранных дел СССР В. МОЛОТОВ

**«Правда»,
27 ноября 1939 г.**

НОТА ФИНЛЯНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«ГОСПОДИН НАРОДНЫЙ КОМИССАР!»

В ответ на Ваше письмо от 26 с. м. имею честь, по распоряжению моего правительства, довести до Вашего сведения ниже следующее.

В связи с якобы имевшим место нарушением границы финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование.

Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает Ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где разрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии 800 метров от границы, за открытым полем.

На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых были произведены эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне и повлекшим за собою, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы.

Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Вашем письме Вы сослались также на заявления, сделанные г. Паасикиви и г. Таннером во время их пребывания в Москве, относительно опасности сосредоточения регулярных войск в непосредственной близости к границе близ Ленинграда.

По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены, главным образом, пограничные войска: орудий такой дальности, чтобы

их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе.

Хотя и не имеется конкретных мотивов для того, чтобы, согласно Вашему предложению, отвести войска с пограничной линии, мое правительство, тем не менее, готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы.

Я принял с удовлетворением Ваше сообщение, из которого явствует, что Правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место, по утверждению Вашего письма.

Я счастлив тем, что имел возможность рассеять это недоразумение уже на следующий день по получении Вашего предложения. Однако для того, чтобы на этот счет не осталось никакой неясности, мое правительство предлагает, чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года.

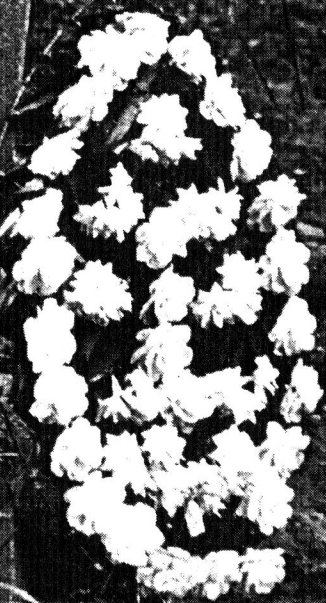
Примите, господин Народный комиссар, заверения в моем глубочайшем уважении».

А. С. Ирие КОСКИНЕН

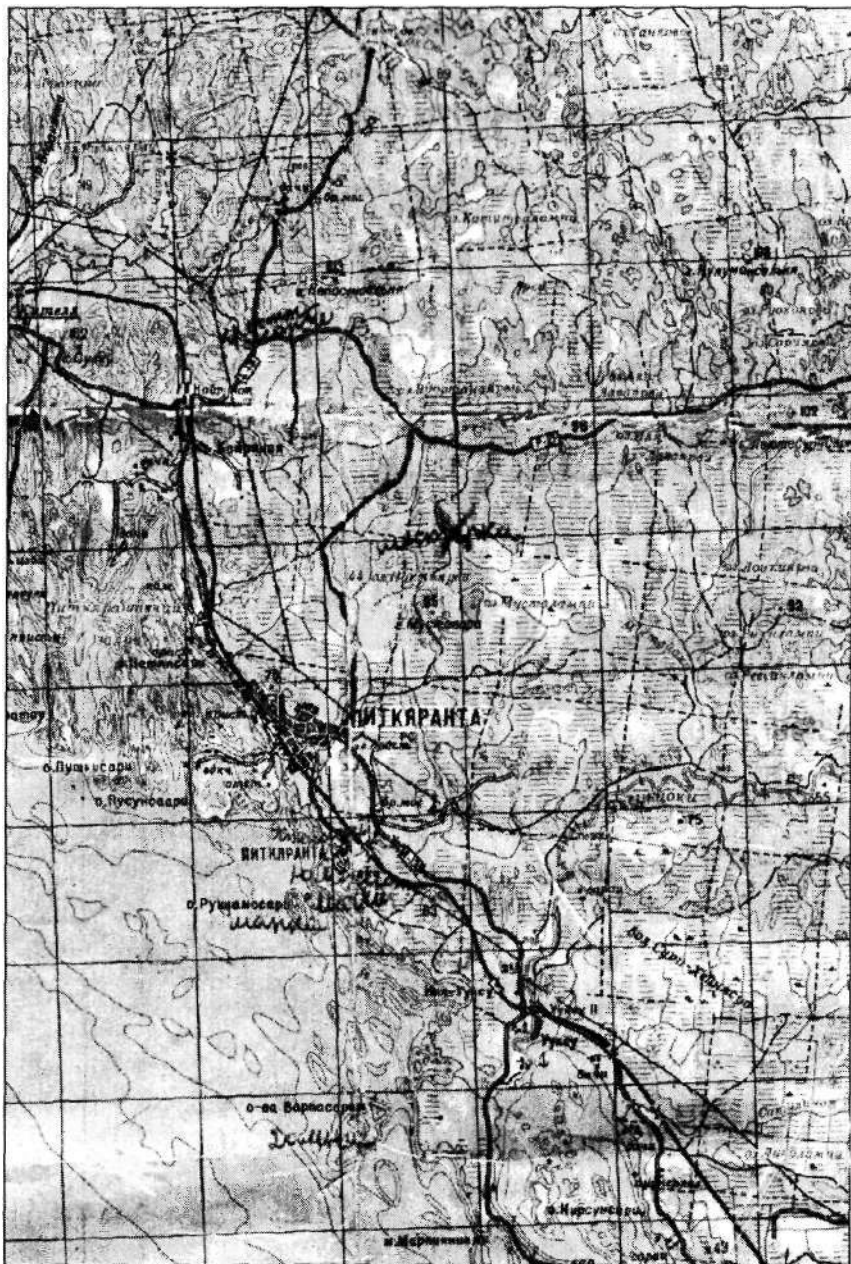
**«Правда»,
29 ноября 1939 г.**

ВЕЧНАЯ
ПАМЯТЬ
ГЕРОЯМ
1939-1940

ВЕЧНАЯ
ПАМЯТЬ
1939-1940

1939—1940

**ГЕРОИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
получившие
это высокое звание
в боях
на Питкярантской
земле**

* * *

*Есть горькая-горькая правда:
Посмертно давать ордена...
И может, кого-нибудь завтра
Еще наградишь ты, страна,
Из нас,
Чье геройство когда-то,
Как смолк на позиции бой,
Отметили наспех солдаты
Фанерною
Красной звездой.*

*Пусть родичи примут награды,
Помянут бокалом вина,
А нам уж и славы не надо,
А нам уж и смерть не страшна.*

1939—1940

БОРИСОВ Петр Павлович

Родился 7 сентября 1901 года в с. Волынцы ныне Ветлужского района Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Член КПСС с 1920 года. В Советской Армии с 1918 года.

Участник гражданской войны. Окончил Симбирскую пехотную школу в 1922 году и курсы «Выстрел» (1931 г.), Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1939 году. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Командуя 11-й стрелковой дивизией (15-я армия), комбриг П. П. Борисов умело руководил ее действиями. 4 февраля 1940 года в районе г. Питкяранты продвижение частей дивизии было задержано сильным огнем противника. Чтобы лично уточнить обстановку, 5 февраля 1940 года выдвинулся на танке на передний край. Танк был подбит. Экипаж погиб.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 мая 1940 года посмертно. Награжден орденом Ленина, медалями.

Похоронен в братской могиле в центре г. Питкяранты. Именем героя названа улица в городе Горьком.

1939—1940

РУДАКОВ Евгений Михайлович

Родился в 1907 году в г. Ярцево Смоленской области в семье крестьянина. Русский. В Советской Армии с 1929 года.

Окончил Орловское бронетанковое училище в 1932 году. Участвовал в освободительном походе советских войск в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939 году.

Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Командир 394-го отдельного танкового батальона (72-я стрелковая дивизия 15-й армии).

Капитан Е. М. Рудаков отличился 11 марта 1940 года в бою в районе Люпикко Питкярантского района. На танке приблизился к огненным точкам врага и пушечным огнем уничтожил несколько блиндажей и много живой силы противника, способствуя продвижению стрелковых подразделений. В этом бою погиб. Похоронен в м. Люпикко.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 мая 1940 года посмертно. Награжден орденом Ленина.

На зданиях школы имени героя в д. Рыбки Сафоновского района Смоленской области и хлебокомбината установлены мемориальные доски.

В г. Питкяранте одна из улиц носит имя Е. М. Рудакова.

1939—1940

ПЕТРЕНКО **Дмитрий Филиппович**

Родился в 1908 году в селе Великая Рублевка ныне Котелевского района Полтавской области в семье крестьянина. Украинец. Член КПСС с 1931 года. В Советской Армии с 1930 года.

В 1936 году окончил курсы младших лейтенантов. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Командир пулеметного взвода 4-го погранполка (войска НКВД).

Младший лейтенант Петренко отличился в январе-феврале 1940 года. Его взвод в составе роты овладел важной высотой. После гибели командира роты и политрука принял командование ротой. Находясь в окружении в течение многих дней рота отбила все атаки противника, нанесла ему большой урон в живой силе. Погиб в бою. Похоронен: г. Питкяранта, ул. Горького, д. 39 (у ручья Келиоя).

Звание Героя Советского Союза присвоено 26 апреля 1940 года посмертно.

Его именем названа улица в селе Великая Рублевка; на здании школы, где он учился, установлена мемориальная доска.

1939—1940

ИВАНОВСКИЙ Павел Иванович

Родился 3 ноября 1899 года в с. Тарногский городок ныне Тарногского района Вологодской области в семье священнослужителя. Русский.

Окончил гусарское юнкерское училище в 1917 году. В годы гражданской войны — командир Красной Армии.

Затем жил и работал в Ленинграде. С 1939 года вновь в Советской Армии.

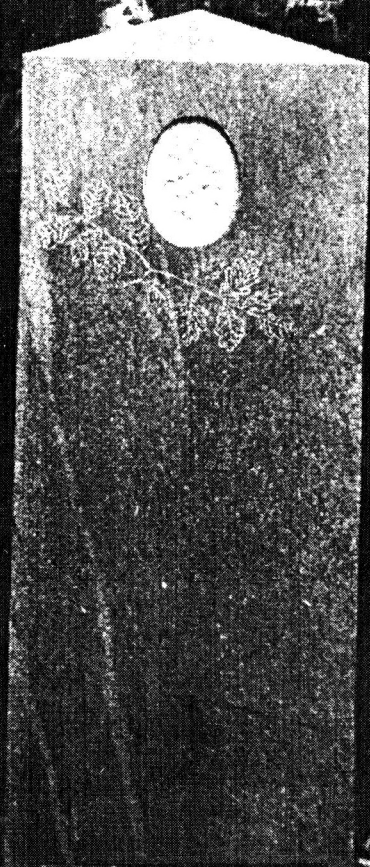
Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Командир разведроты 462-го стрелкового полка (168-й стрелковой дивизии 15-й армии).

Старший лейтенант П. И. Ивановский отличился в бою 29 декабря 1939 года: его рота успешно отразила несколько атак противника. Погиб в этом бою.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 мая 1940 года посмертно. Награжден орденом Ленина.

Похоронен в братской могиле на 7-м километре развилки дорог Питкяранта — Сортавала — Петрозаводск.

В родном селе именем героя названа улица, установлена мемориальная доска.

БРАТСКАЯ МОГИЛА
ВОИНОВ 168 СТРА
ПОСЫЛЕННЫХ
В 1939 - 40 гг.
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СССР

Война с белофиннами

В предрассветной дымке 30 ноября 1939 года подразделения полка подтянулись к самой границе. Стрелки заняли свои места, артиллерия стала на огневые позиции. Общее напряжение чувствовалось во всем. Все пребывали в нервном ожидании боя, и невольно вспоминали мирную жизнь, родные места, семьи, детей и жен. Все это входило в понятие Родина.

И сейчас же приходила мысль, что эту Родину они и должны защитить ценою своей крови, а если понадобится, то и жизни.

В такие часы секретаря партийного бюро полка окружали бойцы и командиры — они несли заявления о вступлении в партию. Когда стоял вопрос о жизни и смерти, лучшие люди полка связывали свою жизнь и смерть с великой партией большевиков.

Первым пришел младший лейтенант Зотов. В своем заявлении он писал: «Прошу принять меня в ряды Коммунистической партии, обещаю быть верным Родине и делу Ленина — Сталина.

Возложенную задачу выполняю с честью. Если погибну, считайте коммунистом».

И вот сигнал. Морозное утро раскололось залпами артиллерийских орудий. Сотни снарядов понеслись в сторону финских кордонов, сметая все на своем пути, взметая фонтаны земли и щебня, сбивая верхушки сосен. Первый же снаряд артиллериста Радюка в щепки разнес кордон финских пограничников. Вслед за артиллерийским подразделением в наступление пошли и стрелковые. Сдерживаемое нетерпение прорвалось в стремительном броске. Полк овладел местечком Рая-Сельга. Под могучим натиском всеокрушающей силы наших подразделений противник стал отступать.

Первый же день боев показал всю трудность борьбы на театре военных действий. Артиллерия и танки вязли в многочисленных болотах и топях, но бойцы, несмотря ни на что, двигались к деревне Мюлляри, волоча за собой технику.

Эта деревня стояла у высот, на которых уже укрепился противник. Передовые части полка завязали бой за этот пункт. Здесь впервые полк столкнулся с новым коварством врага. Поддерживая наступление стрелковых подразделений, наши артиллеристы уничтожили белофинские огневые точки. Расчет товарища Гивишвили стал выкатывать свое орудие на

новую огневую позицию, и вдруг сверкнул огонь, раздался взрыв, и орудие опрокинулось: поля оказались минированными, дорога тоже. Воспользовавшись этим, белофинны открыли учащенный огонь из пулеметов и автоматов.

Младший лейтенант Барашков стал быстро разворачивать свою батарею и упал раненый в обе ноги.

Возникло некоторое замешательство, секунда, две, и вдруг громкий голос прокричал: «Слушай мою команду! Прицел два...». Это младший политрук Доронкин с успехом заменил выбывшего из строя командира, и вскоре заговорившие были враги умолкли под огнем батареи.

И снова на пути преграда — мост, который находится под кинжальным пулеметным огнем противника. Кто первым перейдет его? Кто разведает: не подготовил ли противник какое-нибудь новое коварство? Выполнить эту рискованную смелую задачу без колебания взялся отважный политрук Акилов. С группой таких же смелых, как и он, бойцов политрук двинулся к мосту, под которым обнаружил несколько мин. Он быстро и умело их обезвредил, спасая тем самым жизнь многих солдат. Подразделение благополучно переправилось по мосту и успешно выполнило поставленную перед ним задачу.

Вечером того же дня военком полка Леонов ведет в атаку батальон и с криком: «За Родину, за Сталина!» захватывает важную высоту. Личный пример комиссара полка воодушевил всех бойцов и командиров. Рассказы о смелости и героизме Леонова передавались из уст в уста.

Вечер принес победу. Полк вступил в деревню Мюлляри. Всю ночь и следующий день подразделения преследовали противника и достигли района Варпаселькя, Ряймьяля.

Не надеясь на божью помощь, белофинны минировали все дороги, пытаясь задержать наступление полка.

Много и хорошо поработали саперы, руководимые младшим лейтенантом Зотовым, «артистом» саперного дела. По едва заметным приметам, почти чутьем определив место нахождения мины, Зотов запускал руку в снег и через мгновение, теперь уже безобидная, мина появлялась на поверхности.

— Вот и подарочек для вояк тухляндии, — смеялись бойцы, собирая обезвреженные мины. Но это была очень опасная работа.

Продвижение полка с каждым днем становилось все более затрудненным, на пути встречались полузамерзшие речки, каменные, недавно выстроенные мосты были превращены в груду камней.

Часть подтянулась к реке Майнила-Йоки. С той стороны заговорили вражеские орудия, тонким голоском, скороговоркой вторили им пулеметы.

Когда стемнело, под непрекращающимся огнем противни-

ка ушли на рекогносцировку начальник штаба капитан Брыгин и командир 1-го батальона Скрылев. Ночь была настолько темна, что разведчикам почти под самые стволы пулеметов приходилось подползать, чтобы определить огневую точку противника.

Под покровом ночи полк перестраивается, меняет свои боевые порядки, готовясь к решительному броску. Утром полк форсирует реку и атакой захватывает Варпаселья, Ряймяля. Противник начал откатываться, цепляясь за сопки, используя густой лес. Целых два дня подразделения преследуют противника и в сумерках второго дня врываются в юго-западную часть Салми.

Белофинны, отходя, подожгли его. Плающие костры домов выбрасывали в небо черные клубы дыма. Горели целые кварталы. Вдруг мощный взрыв потряс воздух, эхо которого прокатилось по соседним сопкам. Рухнул в реку Тулема-Йоки каменный мост. Перейдя реку Майнила-Йоки, полк продолжал наступление на Усиюля, превращенного противником в сильно укрепленный район.

Подтянувшись к переднему краю обороны противника, роты расположились в лесу. Наступил непродолжительный отдых. И как всегда во время бивуака одна часть бойцов занялась чисткой оружия, другая — стала приводить в порядок свое обмундирование и снаряжение. Но те и другие с нетерпением, вполне понятным после боя и марша, ожидали знаменитую солдатскую кашу. Наконец, вот она, долгожданная, подыхала походная кухня, и сразу стало веселей.

Несмотря на то, что времени было мало, провели партийное собрание, на котором подвели итоги прошедшего боя. Они были неплохие. Полк бил врага на его же территории. Отметим героические действия отдельных коммунистов, рассказали о подвиге молодого коммуниста Круглова, который, не утрашившись целого взвода белофиннов, уничтожил его пулеметным огнем. Так же смело действовал и коммунист Лукевич. На этом собрании в партию были приняты товарищи Брыгин, Зотов, Мухин и другие.

Условия боевой жизни еще более активизировали партийную организацию. У коммунистов появилось больше ответственности за выполнение партийных поручений. Политическая работа стала носить боевой конкретный характер.

Значительно выросла партийная организация, сказался возросший ее авторитет. Только за один прошедший месяц в партию было принято 20 человек.

Ротные редколлегии, воспользовавшись передышкой, выпускали боевые листки, в которых освещали героические поступки отдельных людей. Передавали опыт умелых действий бойцов.

К исходу 4 декабря 1939 года Усикюля пал под натиском полка. А ночью был получен приказ — обойти противника с фланга и нанести сокрушительный удар по юго-восточной части города Питкяранты, что стоит на берегу Ладожского озера.

Оставив обозы, 1-й и 2-й батальоны во главе с командиром и комиссаром полка двинулись в путь. Трудно идти по целине глубокого снега, ноги вязнут, цепляются за пни и кустарники в лесу. Противник завалами, порчей дорог и взрывом мостов все более усложнял путь. Дорога была превращена в сплошную минированную баррикаду. Враг не удовлетворялся простым минированием дорог, он начал подбрасывать нам «подарки»: освещенные луной сверкали никелем новенькие велосипеды и другие вещи. Но стоило прикоснуться к такому «подарку», как раздавался мощный взрыв — все эти предметы были минированы. Прокладывая путь через минированные поля, разбирая завалы, густо переплетенные колючей проволокой, батальоны с боем продвигались вперед.

Но вот посередине дороги появились надолбы, за которыми притаились белофинны. Батальоны вступили с ними в огневой бой. И тут у тылу у белофиннов раздалось дружное «Ура!», из соседней сопки заработал станковый пулемет. Это разведывательная рота, обойдя справа надолбы, с фланга и тыла обрушилась на врага. Умелый неожиданный маневр наших частей заставил врага в панике бежать, бросая оружие и снаряжение.

9-го декабря 1939 года г. Питкяранта стал советским. На рассвете 12 декабря авангард полка овладел южной частью Кителя. В тот же день, подтянув главные силы, полк перешел в наступление, но был встречен сплошной завесой огня артиллерии, пулеметов и минометов. Весь рубеж Кителя был усеян дзотами. После неоднократных атак, захватив удобный рубеж, полк занял оборону, чтобы перегруппировать свои силы.

Во время этих кровопролитных боев пали смертью храбрых любимцы полка: старшие лейтенанты Проскураков и Данильчук.

16 декабря полк снова пошел в наступление. По пути движения полка враг устроил засаду. Выйдя на опушку леса, полк попал под пулеметный огонь противника...

Обстановка на фронте дивизии сложилась очень трудная для наступающих. Противник, выбитый с предыдущих рубежей, укрепился на очень выгодных позициях. Передний край его обороны проходил по склонам командных высот, подходы к которым были сплошь минированы и прикрывались проволокой в несколько рядов. Чтобы подойти к переднему краю противника, нужно было преодолеть большую открытую поляну, мягко названную бойцами «Долиной смерти». И действительно, этот район оказался неприступным. Слева расстила-

лось Ладожское озеро, скалистые берега которого были укреплены, а справа возвышались высокие горы с массой естественных и искусственных препятствий. На этих рубежах 402-й стрелковый полк простоял до конца войны.

**А. И. ТРЕГУБЕНКО,
механик-водитель 381-го отдельного
танкового батальона 18-й стрелковой
дивизии**

1938 год. Октябрь. Мрачная дождливая погода. Поезд остановился в Петрозаводске. Нам — призывникам — показали город. Затем повели в баню, где и переодели в военную форму. 381-й отдельный танковый батальон 18-й стрелковой дивизии, в котором началась моя служба, находился возле железнодорожного моста и речки Лососинки. В январе 1939 года в Пряже проходили зимние учения. Я, как отличник учебы, принимал в них участие.

В июле 1939 года по боевой тревоге мы из Петрозаводска выехали на учения Ленинградского военного округа по направлению п. Ведлозеро.

В ноябре в первых числах выпал снег, мы прибыли в п. Колатсельгу, примерно 5 км от государственной границы. Командиром 381-го отдельного танкового батальона был назначен Камышанов, комиссаром — Белоусов. Командовал 18-й стрелковой дивизией в то время Черепанов А. И. Комиссар батальона проводил политработу среди личного состава. Мы были информированы о задачах, которые предстояло выполнить.

По тревоге 30 ноября в 5 часов утра мы подошли к государственной границе. После артподготовки в 7 часов перешли границу. Началась война.

Первый бой танковая разведка приняла в населенном пункте Кясняселькя. Командованием была поставлена задача: захватить мост через реку Уксун-Йоки. В 50-ти метрах от передовых танков мост был финнами взорван.

В этом районе комбат ознакомил нас с приказом о назначении командиром 18-й стрелковой дивизии Кондрашова Г. Ф., а Черепанова А. И. — командиром 56-го стрелкового корпуса.

На следующий день утром мы продолжили наступление. Дорога была заминирована, один танк подорвался. Продвигаясь вперед, на подступах к мельнице, что между хутором Леметти, два артиллерийских орудия вышли из строя. Были усилены подразделения для обезвреживания минных полей.

После взятия укрепленных районов Уома, Лавоярви была поставлена новая задача — взять Руокоярви, для чего в помощь 381-му отдельному танковому батальону выделены усиленная 1-я рота вместе с комбатом и комиссаром, артчасти и подразделения пехоты. В конце декабря мы вели бой уже в укрепленном районе Руокоярви и после нескольких атак поселок заняли.

В этом бою уничтожили пушку противника. Наши потери: один танк, в котором я был башенным стрелком (снаряд попал в башню), убит командир танка.

29 декабря мы с водителем танка прибыли в штаб дивизии, заменили башню и вновь отправились на передовую.

Это была последняя поездка в штаб дивизии. Мы направились в Руокоярви, но случилось непредвиденное. Не доезжая приблизительно 20-ти километров, встретили наши передовые части.

Для окружения наших частей противник подтянул подкрепление из отборных лыжников-добровольцев. Наше командование передовой линии неоднократно посылало разведку, установить связь с дивизией не удалось, разведка не возвращалась.

10 января 1940 года на рассвете комбат собрал личный состав 1-й роты — 15 человек (5 танков) и поставил задачу: при поддержке артиллерии и пехоты не дать противнику окружить передовые части.

Горючее и боеприпасы были на исходе. Бой шел день и ночь, во вторые сутки в 3 часа дня из боя танкистов вышли два человека: башенный стрелок Трегубенко и механик-водитель Гордиенко. Раненого командира танка Фокина под огнем снайперов доставили на передовую и сдали санинструктору.

Наступление противника было остановлено. Наши потери: 5 танков и много красноармейцев 316-го стрелкового полка.

11 января в 21 час нас двоих вызвал комбат и поставил в известность, что мы идем в разведку с группой в 25 человек. В 8 часов вышли на дорогу в 150 метрах выше, где располагался штаб 34-й легкой танковой бригады. Здесь мы увидели наши передовые части и оставшиеся два наших танка, комбата и комиссара.

В тот же день мы получили задание: на танке пройти в расположение 168-й стрелковой дивизии, находившейся за железнодорожным мостом. Наскоро погрузившись, мы привезли одну бочку горючего и продовольствия. В землянке комбата согрелись, а в 22 часа вновь отправились за горючим и продовольствием. Это была наша последняя встреча с комбатом и комиссаром и оставшимися передовыми частями 18-й стрелковой дивизии.

До проезда под железной дорогой оставалось 50 м, мы всту-

пили в бой, противник пытался нас окружить. Отбиваясь от наступающего противника, у проезда под железной дорогой мы соединились с частями 168-й стрелковой дивизии. Если не ошибаюсь, это было в ночь с 17 на 18 февраля 1940 года, мороз был -40° .

На соединение со 168-й стрелковой дивизией из 381-го отдельного танкового батальона вышло до 10 человек. Нас с Гордиенко переподчинили в 456-й отдельный танковый батальон 168-й стрелковой дивизии, командиром батальона был старший лейтенант Зубатов.

12 марта 1940 года был подписан мирный договор. На второй день мы с подразделениями 168-й стрелковой дивизии отправились по местам боев 18-й стрелковой дивизии, захоронили в братские могилы воинов, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Дальнейшая служба проходила в 456-м отдельном танковом батальоне 168-й стрелковой дивизии в г. Сортавале и Лахденпохья до 30 июля 1940 года.

В. СТЕПАКОВ

Эта трагедия случилась зимой 1939—1940 годов в дремучих лесах северо-восточнее Ладожского озера. Бесполезно пытаться отыскать среди исторических трудов, мемуаров советских военачальников и журнально-газетных публикаций, так или иначе затрагивающих тему советско-финской кампании, достаточно объективного и подробного ее освещения. Ежели упоминания о ней и встречаются, то носят, как правило, на редкость скудный и противоречивый характер. Так, к примеру, в недавно изданных мемуарах бывшего сотрудника генштаба, а впоследствии маршала Советского Союза М. В. Захарова катастрофа под Петрозаводском уместилась буквально в несколько строк, где прославленный полководец мельком говорит об «отдельных неудачах наших войск». Впрочем, вполне возможно, что в то далекое время перспективному генштабисту, привыкшему «воевать» флажками да стрелками на оперативных картах и мыслить сугубо стратегическими категориями, именно таковым — незначительным — и показался один из эпизодов невероятно жестокой «зимней» войны. Но в одном уверен точно: за скудностью увидевшего свет фактологического материала не стоит отнюдь вольное или невольное стремление — ни маршала М. В. Захарова, ни других мемуаристов и исследователей — перечеркнуть высочайший героизм и память о тысячах павших красных бойцов. Это святое!

Сегодня же «Ратоборец» имеет возможность познакомить своих читателей с заметками историка, много лет посвятившего восполнению «белых пятен» и без того, как ее окрестили, малоизвестной войны. Основываясь на многочисленных свидетельствах непосредственных участников тех событий, документальных сведениях из финских источников и материалах личного архива, автор скрупулезно воссоздает обстоятельства, по сути, гибели нашей 8-й армии.

Итак, 30 ноября 1939 года войска Красной Армии перешли границу Финляндии... В первые дни войны успех наступления на Петрозаводском направлении напоминал небезызвестные сентябрьские освободительные походы Красной Армии на Западной Украине и Белоруссии. Части 8-й армии с ходу заняли населенные пункты Каркку, Салми, Кяснясельку, Хаутаваара, Суоярви... Сопrotивление противника было довольно слабым и носило эпизодический характер. Избегая сколько-нибудь серьезных столкновений, он повсеместно отступал. Однако к 10 декабря первоначальный разбег наступления заметно спал, что обусловилось усилившимся сопротивлением 4-го армейского корпуса финнов. Впрочем, воинская удача все еще сопутствовала командующему 8-й армии комдиву И. Хабаров*. Беда грянула внезапно и оглушающе.

12 декабря особая группа войск под командованием полковника Тилвела и группа «А» полковника Экхельмо разящим контрударом опрокинула наши правофланговые части. Действуя предельно быстро, по всем правилам военного искусства, финны разгромили 139-ю стрелковую дивизию. Следом разбилось о непрошибаемую твердь финского укрепленного района Комаа наступление 56-й стрелковой дивизии.

Эпицентр активных военных действий переместился на левый фланг 8-й армии, где близ Ладожского озера, в районе Питкяранты, медленно, но верно началось окружение наших войск. История войн сохранила немало примеров классических окружений. Принцип их достаточно прост и, как правило, не требует от полководца особых тактических изощрений: отступлением оторвать наиболее боеспособные силы врага от тылов и баз снабжения. На выгодном же для себя рубеже остановиться, внезапными фланговыми охватами перерезать растянутые коммуникации противника и взять в тиски окружения его передовые части. После чего остается либо крепко удерживать котел и приступить к его ликвидации, либо ожидать сдачи в плен. Именно так, по классическому образцу, и поступил в единоборстве с 8-й армией командующий 4-м армейским корпусом генерал-майор Хеглунд.

* В январе 1940 года командующим 8-й армией вместо И. Хабарова назначается Г. М. Штерн.

А что же наш командующий? Ранее не блиставший ни воинской славой, ни талантом комдив Хабаров И. Н. стратегом оказался «прямолинейным», отдавая предпочтение не маневру, по принципу: «Пуля-дура, штык-молодец». Потому, видимо, и воевал устарелой тактикой времен «гражданки» — вдоль дорог. В азарте наступления он не заметил (или не хотел заметить?) перехватываемую финнами инициативу и слепо лез левофланговыми частями армии в умело расставляемую ловушку.

К концу декабря противник в жестоких боях остановил продвижение наших войск в направлении Сортавалы. И в первых числах нового года обрушился на них лавиной внезапного контрнаступления. Близ озера Лава-Ярви подвижные лыжные отряды финнов намертво перехватили участок фронтальной дороги между Уомас и Кясняселькя, отрезав части 8-й армии со стороны Петрозаводска.

6 января последовал новый вражеский удар, отсекавший коммуникации снабжения со стороны Питкяранты. А еще через несколько дней главные силы финнов обходами с флангов взяли-таки в кольцо окружения левофланговую группировку нашей армии.

В приладожских лесах и болотах на участке Кителя — Койриной—Леметти—Уомас оказались блокированы 18-я, 168-я стрелковые дивизии и 34-я танковая бригада имени К. Б. Калининского. С этого момента кошмар окружения стал явью, где в полной мере проявились невероятная стойкость и высокий дух самопожертвования простого российского солдата, отправленного Сталиным отодвигать свои и чужие границы. Возможно ли отыскать в военной истории советского периода окружение, превосходившее по тяжести выпавших на солдатскую долю испытаний? Вероятная аналогия — Брестская крепость. Но если для защитников цитадели страшнейшим экзаменом на мужество обернулись скудные запасы боеприпасов, медикаментов, продуктов питания и дикая жажда, то здесь, помимо нехватки одного, плохо одетым красноармейцам пришлось преодолевать крутые финские морозы, отличавшиеся в ту зиму просто первобытной свирепостью. К тому же в Бресте во время немецких атак и обстрелов люди художественно, но были укрыты тяжелыми стенами казематов. А за Ладогой защитой им служили лишь снежный окоп да убогая земляная нора. И, видимо, неспроста чудом уцелевшие ветераны «финского сиденья» утверждают, что лично для них Великая Отечественная оказалась намного легче, нежели та короткая, 105-дневная, бойня.

Поначалу командование блокированных соединений не слишком тревожило создавшееся положение! Верилось, вот-вот со стороны Петрозаводска или Питкяранты придет избавление.

Однако время шло, удавка окружения стягивалась все туже. Быстро иссякали запасы продовольствия и медикаментов. Но еще скорее таяли боеприпасы. Потому все чаще и чаще в финскую сторону вместо пуль и снарядов летел полновесный мат.

Попытка 168-й дивизии наладить сообщение с тылами армии по льду Ладожского озера срывалась укрепившимися на островах финскими гарнизонами. Ночами удалось провезти только несколько санных обозов, после чего дорога стала вообще непроходимой и ее окрестили «Дорогой смерти».

18-я стрелковая дивизия и 34-я танковая бригада не могли предпринять таких, хоть чуточку укрепивших бы их боеспособности, попыток. В отличие от окруженной в едином котле 168-й дивизии здесь получилось около десятка разрозненных, разбросанных на обширном лесисто-болотистом участке Леметти — Уомас очагов обороны, где каждый окруженный батальон или полк дрался самостоятельно, ничего не зная о соседе.

Начавшийся голод был немилосерден и жесток. Поначалу спасались тем, что забивали уцелевших артиллерийских коней. Но вскоре свежая конина кончилась. В пищу пошли мерзлые туши убитых и павших лошадей. «Съели конские трупы и, — как вспоминает ветеран 18-й дивизии Л. Горобченко, — принялись искать кто что: кожу, копыта, кишки, кровь. Кровь неизвестно чья — конская или людская. Сваришь ее, а она с еловыми иголками. Силой заталкиваешь в рот — лезет обратно».

Предвижу упреки за излишнюю натуралистичность. Согласен, жутко. Но ведь именно так и было. Было! И я могу привести еще немало подобных, ледянящих душу подробностей, почерпнутых из свидетельств непосредственных участников трагедии под Петрозаводском.

Конечно же, нам надо, обязательно надо знать эту историческую правду. Всю — без прикрас и недомолвок.

Тем не менее, акцентирую читательское внимание несколько на ином. Люди не просто стойко переносили тяготы и лишения, связанные с голодом и холодом. Они продолжали храбро сражаться. И ни о какой сдаче на милость врага — без пяти минут победителя — не было и речи.

Командующий 8-й армией Г. Штерн, назначенный вместо отстраненного от командования И. Хабарова, лихорадочно искал пути спасения окруженной группировки. Было решено организовать ее снабжение с помощью авиации. Одновременно с наведением воздушного моста велась подготовка наступательной операции по деблокированию окруженцев.

Собранные в кулак для прорыва войска в назначенный час ударили по финской обороне. Однако, увы, встретив хорошо организованное сопротивление, наши бойцы вскоре выдохлись и поставленной цели не достигли.

Над головами окруженцев забарражировали краснозвезд-

ные самолеты, сбрасывая вниз мешки с продовольствием, боеприпасами, медикаментами, теплой одеждой и кипы листовок с призывами держаться. Тем самым летчики оказали серьезную поддержку 168-й дивизии — благо котел был один и довольно приличных размеров. А вот с помощью 18-й дивизии и 34-й бригаде было сложнее.

Для снабжения их частей и подразделений, разбросанных отдельными очагами сопротивления, от авиаторов требовалась ювелирная точность. К сожалению, нередко сбрасываемый груз либо попадал на нейтральный участок, либо прямоком на финские позиции, откуда всякий раз по-русски доносило: «Спасибо товарищу Сталину за гречневую кашу!»

В начале февраля финские войска попытались уничтожить 168-ю дивизию, но ее оборона стойко выдержала удар.

Для 18-й дивизии и 34-й бригады февраль 1940 года стал месяцем окончательного разгрома и гибели. Несколько разобренных попыток прорвать кольцо окружения закончились полной неудачей. Один за другим финские егеря «гасили» очаги сопротивления.

К концу февраля в районе развилки дорог Сортавала — Петрозаводск — Питкяранта сражался гарнизон 18-й дивизии и 34-й бригады во главе с командованием.

Между тем, 15-я армия, сформированная в спешном порядке на базе 8-й армии, начала наступательную операцию в направлении окруженной группировки. На сей раз деблокирующий удар оказался неотразимым, однако долгожданное освобождение пришло лишь для 168-й дивизии, так как 18-й дивизии и 34-й бригаде избавления больше не требовалось. Практически всю войну, забытые собственным командованием (а как же иначе это назвать?), они честно сражались и ждали, но так и не дождались подмоги. Когда гарнизону, окруженному у упомянутой развилки дорог, стала ясна полная бессмысленность и невозможность дальнейшей обороны, было принято запоздалое, но единственно верное решение. А именно — прорвать кольцо врага и пробиваться к своим. Действовать наметили двумя группами одновременно. Первую возглавил командир 18-й дивизии комбриг Г. Ф. Кондрашов, командование другой взял на себя начальник штаба этой дивизии майор З. Н. Алексеев. Медсанбат с ранеными решили оставить в землянках, надеясь на милосердие противника. Однако, забегая вперед, замечу, что надеждам этим сбыться не суждено было. Финские егеря перебили оставленных с невероятной жестокостью и злобой.

В ночь с 29 февраля на 1 марта котел пошел на прорыв. Последний бой оказался самым трудным и кровопролитным. Отчаянными нечеловеческими усилиями полуживые бойцы прорвали тиски окружения. И группа майора З. Н. Алексеева

сумела соединиться с войсками 15-й армии. А вот судьба группы комбрига Г. Ф. Кондрашова оказалась печальной: во время прорыва практически вся колонна погибла.

По свидетельству ветерана 18-й дивизии А. Корзникова, группа старшего лейтенанта К. Березы в количестве 350 человек участия в том прорыве не принимала. Из окружения вышла 13-го марта в составе 113 человек, сохранив Боевое Знамя 52-го стрелкового полка.

За время окружения потери 168-й стрелковой дивизии составили до 50% личного состава.

Потери же 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады оказались настолько велики, что их боевой путь закончился на финском походе.

Такие вот «отдельные неудачи наших войск».

**А. И. ЖАРОВ,
генерал-майор**

Советские войска разгромили финскую армию, овладели Карельским перешейком, городами Выборг, Питкяранта, Сортавала. Уже немало лет отделяет нас от тех дней.

Наша страна одержала победу над фашистской Германией, но мне, как участнику финской войны, не забыть ее до самой смерти.

Направление, где действовали 8-я армия и 56-й корпус, именовалось Петрозаводским. Командиром корпуса был комдив Черепанов, комиссаром — бригадный комиссар Серюков.

Наша дивизия была 18-я Краснознаменная Ярославльская. Я был майором в должности дивизионного инженера. Командир дивизии — комбриг Г. Ф. Кондрашов, военком дивизии — батальонный комиссар Цыганов, начальник штаба — майор З. Н. Алексеев, начальник оперотдела — капитан Кедрин, начальник разведки — капитан Васильев. Отличных опытных командиров было немало, но их фамилии я, к сожалению, не помню.

Штаб 18-й дивизии с тылами стрелковых полков и штабом танковой бригады располагался на хуторе Леметти. Полки действовали западнее 2,5—3 километра. Справа фланг был открыт, и в наши тылы свободно проникали белофинские отряды лыжников. Они нарушали нормальный подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего и фуража, устраивали заграждения на дороге, нападали на колонны машин.

Левее нас действовала 168-я стрелковая дивизия (командир дивизии Л. А. Бондарев), ее 367-й стрелковый полк (ко-

мандир полка Севастьянов) имел разрыв с нашим левофланговым полком, финны проникали туда и устраивали диверсии. 168-я дивизия занимала г. Питкяранту.

Зима была очень суровая. Глубокий снег и густой лес сковывали действия наших войск, особенно танковых частей. Наша многочисленная артиллерия могла с трудом передвигаться только по дорогам. Театр военных действий на этом участке был явно не в нашу пользу.

6 января 1940 года белофиннам удалось перекрыть тыловую дорогу, которая связывала нас с хутором Уома, где располагались склады продовольствия и боеприпасов. Все пути, связующие штаб дивизии с войсками на переднем крае, были перерезаны.

Вечером того же дня я с группой офицеров и солдат прорывал заслон белофиннов между хутором Леметти и мельницей, что в полутора километрах западнее этого хутора. Штыковой атакой мне удалось это сделать. В бою было убито около 15 белофиннов. Я потерял одного офицера и шесть солдат. В этот же вечер сильно обгорел в танке начальник артиллерии корпуса полковник Болотов.

Начались тяжелые сражения в окружении — без продовольствия, без боеприпасов для артиллерии и минометов. Должен заметить, что патронов для пулеметов и винтовок было достаточно, хватало снарядов для танков, но не было горючего.

Размеры кольца окружения штаба дивизии и штаба танковой бригады были небольшие — два километра в длину и в ширину метров шестьсот.

Продовольствие нам сбрасывалось с самолетов: по два мешка с сухарями или концентратами. Как-то ночью продукты сбросил большой самолет ТБ-3: часть мешков попала к нам, а часть — к врагам.

Связь штаба дивизии с окруженными частями и с штабом корпуса осуществлялась по радио.

Белофинны, стремясь ликвидировать наши штабы, атаковали нас ежедневно. Иногда захватывали наши окопы, но мы контратаками отбрасывали их назад. В одной из контратак я был легко ранен финским снайпером в шею. Пробиты были все мои воротники: нижней рубахи, гимнастерки и полушубка, содрана кожа на шее. Мне говорили, что я родился в «рубашке». За эту контратаку я был награжден банкой мясных консервов и одним сухарем.

Ко мне были прикомандированы офицеры — слушатели военных академий. Из Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева — капитан Титов и старший лейтенант Михайлов. Им удалось выйти из окружения в начале января через 168-ю дивизию, и они остались живы.

Из Военно-электротехнической академии — офицеры Бугайков, Кондратенко, Попков. Их прислали для оказания помощи в пользовании ими же изобретенного миноискателя. Они погибли при выходе из окружения.

В дивизии было много солдат и офицеров по национальности карелов и финнов, которые храбро сражались с врагом, несмотря на тяжелейшие условия. Не было ни одного случая измены Родине.

За отличное выполнение боевых заданий командования полковой инженер 208-го стрелкового полка старший лейтенант Ситников был награжден орденом Ленина.

Офицеры, с которыми я ходил в контратаку на противника: Баженов — старший лейтенант, Бугайков — лейтенант, Булынин — капитан, Васильев — капитан, начальник химслужбы дивизии, Вознесенский — военврач третьего ранга, Воропаев — старший лейтенант (кандидат наук), Ганин — старший лейтенант, Дробинин — капитан, Жебов — старший лейтенант, Запатрин — старший политрук, Иванов — старший лейтенант, Кондратенко — лейтенант, Лобанов — старший лейтенант, Нестеров — заместитель командира дивизии, интендант по снабжению, капитан, Никитинских — капитан, Попков — лейтенант, Рюмин — старший политрук, Трегубов — старший лейтенант, Самойлов — капитан, Соколов — интендант второго ранга, Соловьев — капитан, Цветков — старший лейтенант, Щербаков — политрук, Шанихин — лейтенант.

Все вышеперечисленные офицеры были из штаба дивизии и политотдела. В живых остались майор Жиров и капитан Самойлов, все остальные погибли при выходе из окружения и во время контратак.

Выходя из окружения, мы вынуждены были оставить в землянках около пятисот человек тяжелораненых, не было сил их вынести: люди были голодные, отошавшие и больные. Раненые, способные двигаться, участвовали в последней атаке.

После перемирия территория, где мы были в окружении, отошла к Советскому Союзу. В апреле 1940 года из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров на сессии Верховного Совета мы узнали, что все наши офицеры и солдаты, оставленные в землянках как тяжелораненые, были найдены обезглавленными.

Из окружения мы выходили в ночь с 28 на 29 февраля (т. к. год был високосный). Начальником первой колонны был майор З. Н. Алексеев — начальник штаба дивизии. Я был его заместителем. Комиссаром колонны был назначен начальник политотдела дивизии. Он погиб.

На нашу колонну возлагалась задача: прорвать финское окружение и двигаться по целине в направлении на юго-восток.

Во вторую колонну были включены офицеры и солдаты из нашей дивизии и танковой бригады.

В первой колонне было около 1500 человек, во второй — более 2000 человек.

Из второй колонны через сутки выполз обмороженный комбриг Г. Ф. Кондрашов с адъютантом, остальные погибли.

Можно было бы еще много рассказать об этой героической битве в окружении и выходе из него. А сколько не отмеченных героев — советских воинов — патриотов — осталось навсегда лежать в том районе.

Следопыты Питкяранты! Большое вам спасибо от меня, от оставшихся в живых и от погибших. Я прошел всю Великую Отечественную войну, на фронте с первого до последнего дня, но тех дней, о которых пишу, не забыть никогда.

И. Г. КЛЕЩЕВНИКОВ

Бойцы сражались в глубоких снегах

13 марта 1940 года была перевернута весьма существенная страница нашей истории. Речь идет о финской войне. Мне, как исследователю, довелось встречаться с ветеранами боев, историками, работать с архивными материалами, много раз бывать на местах сражений, участвовать в сборе останков красноармейцев и захоронении их в братские могилы.

«Шапкозакидательства», на которое рассчитывал Сталин после договоров с прибалтийскими республиками, не вышло. Война получилась длительной и кровавой. Но чтобы уменьшить ее масштабы, войну стали называть «пограничным конфликтом». Подготовленная медаль участникам этой войны так и не увидела свет.

Наша историческая наука, за редким исключением, делала вид, будто за гражданской войной страна вступила в Отечественную, после небольших военных конфликтов. Однако ряд западных ученых придают финской войне немаловажное значение и склонны считать, что СССР вступил во вторую мировую войну именно 30 ноября 1939 года.

После провала переговоров Сталин решил поугадать строптивых финнов, надеясь на то, что первые же выстрелы огромной армии «образумят» несговорчивых соседей. В бой были брошены легко одетые войска, конница, старые танки типа BT-5 с выработанным моторесурсом.

На стороне Финляндии воевали добровольцы из Франции, Англии, Норвегии, Швеции, для которых Финляндия стала их «Испанией».

Красная Армия выполняла приказ: «отбросить белофиннов от стен колыбели революции». Газеты рассказывали о коварстве и жестокости неприятеля, о связях Финляндии с мировым империализмом, призывали к отмщению за убитых пограничников. Люди искренне верили в необходимость встать на защиту Родины, шли в бой с лозунгом — «Руки прочь от Ленинграда!»

Все потом повторится в Отечественную: и добровольцы, и многочисленные посылки на фронт с теплыми носками и кистетами, и товарищеская выручка в бою (известно, например, 11 случаев, когда советские летчики, рискуя жизнью, садились в тылу у финнов, чтобы подобрать своих сбитых товарищей), и наркомовские 100 граммов, и заградительные отряды НКВД, и... даже Вася Теркин, чьи подвиги А. Твардовский начал описывать с финской.

Финны сражались умело. Красноармейцы дрались храбро. За финскую войну около 50 тысяч человек получили боевые награды, а 412 из них были удостоены звания Героя Советского Союза.

А какую цену мы заплатили за этот «конфликт»? По последним оценкам Красная Армия потеряла 131476 человек убитыми, пропавшими без вести, умершими от ран.

В самом начале финской войны Сталин, Молотов, Ворошилов, Мехлис были уверены, что через две недели советские войска войдут в Хельсинки. Так ориентировали и командный состав и комиссаров. В бой были отправлены танки БТ (быстроходные танки), предназначенные для действия на хороших дорогах, но не в снегах Финляндии. Не был заготовлен антифриз — заменитель воды при низких температурах, и моторы должны были все время работать, что сильно вырабатывало их ресурс и демаскировало технику. Бойцы были одеты по-осеннему, в шинелях, буденовках, обуты, в основном, в ботинки с обмотками. Лишь позднее стали выдавать офицерам полушубки, а рядовым — телогрейки, валенки, белые маскхалаты. Оперативные карты не были привязаны к финским отметкам, грешили неточностями, что значительно затрудняло их эффективное использование летчиками, дальнобойной артиллерией, пехотой. Не были получены разведанные о состоянии дорог, мостов, о глубине рек, наличии укреплений. Иначе как преступлением перед своими солдатами, брошенными на явную смерть, это не назовешь.

А финны, как выяснилось впоследствии, к началу военных действий были готовы: жители из приграничных селений и хуторов эвакуированы, резервисты отобилизованы, все ин-

женерные сооружения тщательно заминированы и простреливались перекрестным огнем, танкоопасные направления преграждались рвами или надолбами, стратегически важные места превращены в укрепленные районы. А известная линия Маннергейма на Карельском перешейке являлась настоящим чудом инженерной мысли и техники.

Части Красной Армии на Петрозаводском, Ребольском, Ухтинском и других направлениях, встречая сначала слабое, а потом все возрастающее сопротивление противника, вытянулись на 80—150 километров вдоль дорог в глубь финской территории и на 150—300 километров от баз снабжения и железной дороги. Резко упала оборачиваемость транспорта. Начались перебои с поставкой боеприпасов и горючего, продовольствия для личного состава, фуража для лошадей. А когда финские лыжники, одетые в теплые куртки, обутые в мягкие теплые пьексы, вооруженные автоматами с разрывными пулями, стали заходить в тыл, минировать дороги, забрасывать танки и автомашины бутылками с горючей смесью, то рассеченные на части наши войска вынуждены были перейти к обороне.

В публикациях о советско-финляндской войне, вероятно, как следствие ее «незнаменитости», стал выработываться стереотип, будто советские солдаты все неумехи, увальни и трусы. Для подтверждения этого делались ссылки на историю 44-й дивизии Виноградова, присланной с Украины, которая была рассечена финнами на части и уничтожена.

Об объективных причинах мы уже говорили. Но везде ли так было? Попали в окружение подразделения 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкой танковой бригады, сдлавшие марш от Петрозаводска до границы и с боями продвинувшиеся на 180 километров в глубь Финляндии. В декабре их легко можно было вывести в район города Питкяранты на соединение со 168-й стрелковой дивизией. Но высшее командование разрешило перебросить из окружения лишь тылы: мастерские, медсанбаты, а саму дивизию и бригаду оставили сражаться в кольце, чтобы «оттягивать» на себя финские дивизии. Дорога на Петрозаводск была перерезана 27 декабря.

Вскоре танки без топлива замерзли и использовались как огневые точки. Было съедено все, включая обозных лошадей.

Основными пунктами сопротивления стали Южный Леметти, Северный Леметти, а также Уома. С самолетов почти ежедневно сбрасывались боеприпасы и продукты — концентраты, сухари. Посылки часто падали на территорию неприятеля, так как трудно было точно сбросить на пятачок, занятый нашими.

Впоследствии давление финнов на Северное Леметти усилилось. Командование армией делало неуклюжие попытки к деблокированию этих частей. Вот текст радиোগраммы, послан-

ной комбригом И. С. Кондратьевым в штаб 15-й армии 23 февраля 1940 года без шифрования: «Последние дни понесли большие потери. Необходима реальная помощь. От вас только обещания. Спасите нас. Вышлите в район развилки, что в 1,5 километрах от Южного Леметти, облегченный полк, он нас выручит. Сделайте в эту ночь. Молниურите решение. Отказ — это значит гибель».

Гарнизон Южного Леметти, где находились штабы 18-й дивизии и 34-й легкой танковой бригады, был опоясан финнами колючей проволокой, ночью протыпывался прожекторами, на малейшее движение открывался огонь. Через громкоговоритель предлагалось сложить оружие. Разбрасывались листовки такого содержания: «Красноармейцы. Сдавайтесь в плен и тащите с собой комиссара. Не бойтесь. Никто вас здесь не обидит. Мы действуем по международным правилам. Пища, одежда, жилище и подходящая работа вам обеспечены. Своё обещание финны держать умеют». Тем не менее не зафиксировано ни одного случая сдачи в плен наших бойцов добровольно. Правда, иногда финнам удавалось потеснить обороняющихся, но и голодные, обмороженные красноармейцы выбивали противника из своих траншей.

28 февраля 1940 года Южное Леметти начали обстреливать из тяжелой артиллерии. Финны готовились к завершающему броску.

Командование дивизии и бригады принимают решение о выходе из окружения. Прорыв проводился по двум направлениям. Одна группа с боями добралась к вечеру до расположения 72-й стрелковой дивизии. Вышли 1243 человека. Лейтенант-танкист вынес на себе Боевое Знамя 34-й легкой танковой бригады. А вторая группа наткнулась на засаду и в неравном бою была уничтожена.

Впервые публикуются архивные документы расположения могил командиров 34-й легкой танковой бригады, штаба, бойцов бригады и дивизии:

«АКТ

1940 год 23 марта командно-политический состав: майор И. П. Герасимов, старший политрук Ланцет, старший лейтенант Ф. Н. Крупенников, капитан Попов, воентехник I ранга В. И. Кичигин произвели похороны командно-политического и рядового состава, погибших в борьбе с белофиннами в районе Северного и Южного Леметти.

Похороны произведены:

1) В Южном Леметти похоронены: в одной могиле комбриг И. С. Кондратьев, полковой комиссар Гапанюк, полковой комиссар Теплухин, полковник Смирнов и лейтенант государственной безопасности Доронкин. В другой — 108 человек бойцов и командиров. В третьей — 101 человек бойцов и команди-

ров. Остальные похоронены в могиле совместно с 18-й стрелковой дивизией.

2) В районе юго-восточнее двух километров Южного Леметти похоронены бойцы и командиры совместно с 18-й стрелковой дивизией и из них большинство неопознаны.

3) В Северном Леметти похоронены 17 человек бойцов и командиров 76-го отдельного танкового батальона.

4) На развилке дорог Митро—Леметти похоронены тела майора Г. Т. Клещевникова, майора Тарасова, капитана Шевченко, капитана Колесникова, интенданта II ранга Данилина, старшего политрука Вертепа, младшего политрука Абезяева, старшего политрука Дробаха, старшего лейтенанта Липченко и старшего политрука Аристархова — всего 11 человек.

Большинство убитых бойцов и командиров 72-й и 168-й стрелковых дивизий неопознаны, так как при них документов не оказалось, к тому же похоронная команда (150 человек) состояла из солдат 34-й легкой танковой бригады».

В первых числах марта было подтянуто подкрепление и Красная Армия вновь перешла к активным действиям: в Приладожье мощным ударом в направлении Лоймола удалось разбить финские позиции, а вскоре были заняты острова на Ладогге, открывавшие дорогу на Сортавалу и далее на запад в тыл группировки на Карельском перешейке.

12 марта было подписано перемирие, а 13 марта 1940 года прекратились бои.

В Карелии на братских могилах двух войн стоятobelisks. Но необходим качественно новый мемориальный памятник, несущий информацию о всех действовавших частях и погибших бойцах и офицерах. Учительная сближение интересов России и соседа Карелии — Финляндии, а также пробудившийся интерес у финского народа к воинским захоронениям их военнослужащих, мемориальный памятник увековечит и название действовавших финских частей, и фамилии их погибших солдат.

Таким образом, это должен быть памятник, подводящий итог войне, навсегда примиряющий соседние государства.

ПОЛВЕКА МОЛЧАНИЯ

13 марта 1999 года исполнилось 59 лет как закончилась советско-финляндская война. Амбиции правительства Финляндии с одной стороны, Сталина и Молотова — с другой, привели тогда к кровопролитию. Нет, воевали не народы, а их руководители. В Финляндии была развернута самая настоящая антисоветская истерия. Запад готовил экспедиционные войска и снабжал Финляндию оружием, газеты вдалбливали в головы обывателей, что мир с русскими невозможен. Да и ежовские

расстрелы красных финнов агитировали явно не в пользу Советского Союза.

Сообщения о провокациях на границе, о визитах немецких, французских, английских генералов в Финляндию и фактически не безопасное положение Ленинграда, вызвали многочисленные антифинские митинги в стране.

Масла в огонь подлили выступление Молотова и нота Советского правительства, в которых говорилось об убийстве 4-х и раненых 9-ти советских пограничников. Газета «Правда» в этот день (26 ноября 1939 года) озаглавила свою редакционную статью «Шут гороховый на посту премьера», называя руководство страны «марионетками из финляндского правительства».

Люди искренне отозвались на призыв дать отпор указанному агрессору. Добровольцы рвались на фронт, студенты Ленинграда формировали лыжные отряды, девушки поступали на курсы санинструкторов, от гражданского населения на фронт шли посылки с рукавицами, валенками, табаком. И с наказом: «Скорее разгромить врага». Бойцы уходили в бой с лозунгом: «Руки прочь от Ленинграда!»

А мир смотрел на нас как на захватчиков. Молотов отказался предоставить международной комиссии возможность обследовать место обстрела, указанное в его ноте. В конечном итоге Советский Союз был исключен из Лиги наций как агрессор.

На стороне Финляндии воевали как бывшие белогвардейцы, матросы, бежавшие после подавления кронштадтского мятежа, так и добровольцы из Франции, Англии, Норвегии, Швеции. Финны сражались умело.

Красноармейцы дрались храбро. За финскую войну около 50 тысяч человек получили боевые награды, а 412 человек были удостоены звания Героя Советского Союза.

Красная Армия плохо подготовилась к войне в болотистой местности, где применение бронетанковых войск значительно затруднялось. Командный состав был обезглавлен репрессиями, Нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов все еще мыслил категориями гражданской войны. Поэтому намерения Сталина за пару недель взять Хельсинки провалились, война растянулась на целых 105 дней. Люди учились воевать на передовой.

Думаю, сейчас уже не так важно, кто начал войну. Это дело историков и политиков. Главное, что люди шли в бой за Родину. 70 тысяч бойцов погибло (это 700 человек в день), 176 тысяч было ранено и обморожено (против 23 тысяч убитых и 44 тысяч раненых со стороны противника).

В Финляндии чтут своих героев «зимней» войны, а что же в Советском Союзе? Видимо, кому-то нужно было спрятать неудачи Сталина, поэтому и скрыли правду о воевавшем народе.

Из истории, литературы и искусства война была фактически вычеркнута. А многие воинские части не ведут своей истории с участия в финской войне. В Ленинграде, принимавшем парад частей, возвращавшихся после боев, нет ни одного памятника или мемориальной доски в честь погибших за него воинов. Справедливо ли это?

В газетах обсуждается вопрос о том, как мы отметим очередную годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Все правильно, это была большая война, это была Великая Победа! Мы никогда не забудем тех, кто пал в боях за Литву, Латвию, Эстонию. Думаю, пришло время снять шапку перед живыми и мертвыми бойцами — участниками финской войны, вывести их из тени, брошенной фигурой непогрешимого вождя.

Их, участников финской, в живых осталось так мало, однако в Совете ветеранов делают вид будто не знают о них, Союз писателей не собирает их воспоминаний, популярная телепередача «Взгляд» лишь мельком упоминает о «зимней» войне. На многочисленных братских могилах в Карелии стоят ухоженные местными жителями, но такие стандартные, не дождавшиеся руки мастера, надгробные памятники. А власти на местах с помощью красных следопытов и отрядов «Поиск» продолжают находить останки бойцов, погибших в двух войнах, и бережно их перезахороняют, таким образом воспитывая патриотизм у мальчишек и девчонок.

Призываю от имени погибших в советско-финляндской войне, от имени их родных и близких проявить инициативу с тем, чтобы снять несправедливое пятно, брошенное на историю народа, и помянуть павших добрым словом.

В. ПЕТРИКЕЕВ

Под знаменем 168-й

168-я стрелковая дивизия, находясь в составе 8-й армии в первый же день войны, 30 ноября 1939 года, принимает боевое крещение и ведет наступление вдоль северо-восточного побережья Ладожского озера.

Наступление шло в невероятно трудных условиях. Требовалось огромное напряжение сил, чтобы преодолеть природные препятствия, характерные для лесисто-болотистой местности. В болотах нередко увязали танки и артиллерия, часть техники бойцам приходилось тащить на себе. Противник, готовясь к войне, создал сильно укрепленные узлы сопротивле-

ния, минные заграждения, умело используя условия местности — болота, лес, высоты, водные преграды. Враг ожесточенно сопротивлялся, шли упорные бои за каждый рубеж и населенный пункт. Первым из таких пунктов была деревня Мюляри, расположенная у высот, на которых противник создал сильные укрепления. Эта деревня в самом начале наступления была взята штурмом силами 402-го стрелкового полка при поддержке артиллерийских частей.

Продолжая наступление, преодолевая минные поля и заграждения, форсируя реки и озера, части дивизии после 4-дневных боев 3 декабря 1939 года заняли сильно укрепленный пункт — Салми. Противник, прежде чем отступить, поджег его.

8 декабря 1939 года 168-я стрелковая дивизия комбинированным ударом с флангов и с фронта, после упорных боев, выбивает противника с острова Лункунлансаари, откуда он держал под огнем наши коммуникации. На следующий день, 9 декабря, части дивизии вступили в город Питкяранту, а 12 декабря овладели местечком Кителя.

С 19 декабря по приказу командования дивизия перешла к активной обороне. В этот день противник ведет непрерывные атаки на позиции частей дивизии, пытается прорвать наш фронт. В январе ему удается отрезать части соседней 18-й стрелковой дивизии и зайти в тыл 168-й дивизии к северу от Питкяранты. В связи с этим обстановка значительно осложнилась, так как в городе Питкяранте были расположены тылы дивизии.

Попытки противника захватить город Питкяранту были отбиты, но дивизия оказалась отрезанной от базы снабжения. Продукты, фураж и боеприпасы доставлялись теперь только единственно возможным путем — по льду Ладожского озера, который находился под непрерывным обстрелом противника.

Большое мужество и самоотверженность проявили бойцы и командиры тыловых подразделений, обеспечивая оборону Питкяранты и снабжение частей дивизии продовольствием и боеприпасами в такой исключительно сложной обстановке.

В этот период перед дивизией стояла задача — удержать рубежи и готовиться к решительному наступлению. И она была выполнена с честью. Мужественно отражали воины дивизии атаки противника, смело нанесли ему контрудары.

По всему фронту шла подготовка к завершающему этапу войны. Особенно интенсивно она развернулась с созданием Северо-Западного фронта во главе с командармом I ранга С. К. Тимошенко.

168-я дивизия вошла в состав вновь созданной 15-й армии, объединившей часть соединений 8-й армии.

За три с половиной месяца ожесточенных боев, проходи-

вших в труднейших природных условиях, в лютые морозы, дивизия отбросила противника от государственной границы почти на 100 километров, нанеся ему большие потери.

Боевые действия 168-й стрелковой дивизии на фронте советско-финляндской войны получили высокую оценку. 313 бойцов, командиров и политработников были награждены орденами и медалями Советского Союза. В числе награжденных орденом Красного Знамени — командир дивизии А. Л. Бондарев, начальник штаба А. И. Королев, военком дивизии Ф. Е. Гвоздев, командир 402-го стрелкового полка А. А. Машонин, начальник штаба полка П. Ф. Брыгин, командир второго батальона Н. Е. Краснов. 402-й полк был награжден орденом Красного Знамени.

Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены командир взвода разведчиков 402-го полка младший лейтенант Василий Михайлович Южаков и командир разведроты 462-го стрелкового полка старший лейтенант Павел Иванович Ивановский.

**Н. Т. КЛИМЕНКО,
бывший политрук,
военный корреспондент**

В период войны с белофиннами (1939—1940 гг.) я служил в 18-й стрелковой дивизии, находился в окружении севернее г. Питкяранты. Из окружения мы вышли с 28 на 29 февраля 1940 года вместе с начальником штаба дивизии майором З. Н. Алексеевым.

В годы Великой Отечественной войны, будучи военным корреспондентом, я побывал на подступах к Питкяранте и в первый же день освобождения вашего города от врага. Кстати, командиром дивизии, которая брала Питкяранту, был тот же самый З. Н. Алексеев (но теперь уже генерал-майор), который вывел нас из окружения в 1940 году.

В окружении и при выходе из него погибло много петрозаводчан: инструктор политотдела 18-й стрелковой дивизии Гультай, награжденный орденом Красного Знамени (его жена Васильева и сейчас живет в Петрозаводске); комсомолец, спортсмен Борис Гаврилович Косенко, 1917 года рождения, погиб как герой (при выходе из окружения).

Тогда же погибли начальник санитарной службы 18-й стрелковой дивизии майор Вознесенский, старший политрук Мельников, командир арполка Ильченко и другие. Помню машинистку Марию Строк, которая говорила: «Я —

маленькая, пуля не возьмет», при выходе из окружения погибла — пуля настигла и ее.

Знамя 18-й стрелковой дивизии было спасено, под этим знаменем в Великую Отечественную войну формировались новые дивизии.

Я писал статьи о подвигах наших бойцов в газету 8-й армии «Решающий бой», а затем, когда прекратилась связь со штабом, занимался другим делом: идеологической борьбой с противником. Финны через громкоговорители, чуть ли не ежедневно, общались с нами на русском языке. Белофинский диктор передавал обращение финского командования к красноармейцам с призывом сдаваться в плен, с оружием переходить на их сторону. При этом диктор сообщал, какая сумма денег и за какое оружие будет выплачиваться пленным. И все в таком тоне.

А однажды ночью с самолета были сброшены листовки. В них было написано примерно следующее: «Красноармейцы, тащите с собой комиссаров, сдавайтесь в плен. Мы вам гарантируем работу, жилье, обеспеченную жизнь» и т. д.

И хотя было очень тяжело, особенно с продовольствием, красноармейцы умирали с голоду, погибали, но ни один не перешел на сторону врага. Мы, получив по радиации новости с Москвы, распространили их среди бойцов.

И. Н. ГИАЦИНТОВ, военфельдшер 316-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии

18-я Ярославльская стрелковая дивизия в составе 8-й армии, а затем 15-й армии выполняла приказ главного командования. Со стороны Петрозаводска перешла государственную границу, уничтожая передовые заставы противника, овладела укрепленным Уома. К середине декабря 1939 года вышла на исходный рубеж Лоймола — Сортавала севернее Ладожского озера. Впереди лежали селения Райконкоски, Леппясюрья, Майсула и Пюэриттея. От прорванной границы 90 километров. Мощная оборонительная позиция финнов Сюскиярви — Китела остановила 168-ю стрелковую дивизию, двигавшуюся на Сортавалу, и 18-ю стрелковую дивизию, нацеленную на ст. Лоймола.

Юго-западный фланг 18-й стрелковой дивизии обеспечивался сильным 316-м стрелковым полком, вместе с частями усиления насчитывающим от двух до трех тысяч воинов. Укомплектованный молодежью действительной службы полк

являлся кадровым и двигался напролом. Достигнутый рубеж стал непреодолимым препятствием. Лес, противотанковый ров и надолбы, минированное поле лишили маневрирования танкового батальона, находившегося под командованием 316-го стрелкового полка. Кроме танкового батальона полку придан артиллерийский полк.

К концу наступления стал сказываться недостаток снарядов в артиллерийских подразделениях. По причине оторванности тылов, из-за отсутствия мин бездействовали минометные батареи. 316-й стрелковый полк оказался в тяжелом положении. За несколько суток полк потерял лишь обмороженными около 400 человек. Попытка соседних левофланговых подразделений 208-го стрелкового полка выручить 316-й стрелковый полк ни к чему не привела. Остатки продовольствия распределялись только для раненых, обмороженных и больных, которых становилось все больше.

Кончились медикаменты, очень тяжело было с перевязочным материалом. Мы знали, что при штабе дивизии их было достаточно. Но туда было невозможно попасть даже разведчикам. Сбрасываемые тюки, ящики с самолетов, как назло, доставались чаще противнику, потому что наше кольцо окружения было небольшое, примерно 700 на 800 метров, на такой пятачок спикировать и точно сбросить ни один летчик не мог. Осталось немного медвежьего сала, которым мы слегка смазывали обмороженных, а их было очень много.

В районе Руокоярви погиб почти весь наш 316-й стрелковый полк. Лишь немногие из нас вышли из окружения, человек 25—30, да и те были живые скелеты, небоеспособные.

Я прошел всю Великую Отечественную войну — от Ленинграда до Кенигсберга в должности военфельдшера, но такого ужаса, какой пришлось пережить в ваших Питкярантских, Руокоярвских краях, не встречал.

П. И. АБРАМИДЗЕ,
генерал-майор, бывший
командир 72-й стрелковой дивизии

До и после Питкяранты главные силы 72-й стрелковой дивизии во взаимодействии с соседними дивизиями наступали в западном направлении, но после того, как передо мной была поставлена дополнительная задача — освободить остатки окруженной 18-й стрелковой дивизии — направление наступления изменилось на северо-западное.

Правее меня действовала 25-я легко-кавалерийская дивизия, которой командовал комбриг Дидаев. Эта дивизия была, конечно, без коней. Она должна была быть на лыжах, и потому ее назвали легкой и «кавалерийской».

Левее меня действовала 11-я стрелковая дивизия комбрига П. П. Борисова.

Капитан Рудаков командовал танковым батальоном дивизии, ему было присвоено звание Героя Советского Союза за особые заслуги в руководстве батальоном, за личную храбрость, проявленную в борьбе с белофиннами.

Начальником штаба 72-й стрелковой дивизии был полковник Романов, позднее генерал-майор.

Я не знал, что районы Питкяранты называли «Долиной смерти», но определение правильное.

Следовательно, будет справедливо, если районы боев назовут районами героических действий наших войск, особенно тогда, когда морозы доходили до -50° при снежном покрове 2—2,5 метра, без дорог и при плохой видимости.

Освобождение окруженной 18-й стрелковой дивизии и 168-й стрелковой дивизии было возложено на 11-ю стрелковую дивизию комбрига П. П. Борисова. 18-я стрелковая дивизия, находясь в окружении, потеряла боевую способность и вышла из окружения с малым количеством людей. 168-я стрелковая дивизия оборонялась героически, и противник не смог своими многочисленными атаками преодолеть ее сопротивление.

Комбрига П. П. Борисова я знал как командира 11-й стрелковой дивизии. Он погиб в танке с экипажем, когда лично пошел на выручку окруженной группы. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза за личную храбрость (посмертно).

С. И. ИОВЛЕВ,
генерал-майор

Рекомендация в партию

В 97-м стрелковом полку 18-й дивизии служил сержант И. К. Латнев. Этот человек заслуживает, чтобы люди вспоминали его хорошим теплым словом.

И. К. Латнев по национальности коми, маленького роста, широк в плечах. Острые серые глаза всегда были напряженно

прищурены, как будто белку в лесу высматривали или через прорезь прицела на вершину мушки точку прицеливания ловили.

Комсомолец Иван Латнев служил уже третий год и состоял в пулеметном взводе 1-го батальона. Это был отличный наводчик, не раз своим огнем спасал положение. В декабре 1939 года финны частенько проникали через фронт, в тылах наших пошаливали.

Надо сказать, севернее Ладоги сплошного фронта не было. Поэтому штабы, связь и тылы требовалось хорошо охранять. Охранялся и штаб нашего полка. Было время, когда И. К. Латнев со своим пулеметом занимал позицию, прикрывавшую штаб на самом опасном направлении. Ночью финские лыжники дважды пытались прорваться на этом участке, но И. К. Латнев не подпускал их. Финны вынуждены были переместить огонь, и все затихло. Луна за облако спряталась, темно, мороз, старые ели потрескивают, а пулеметчики в снежном окопе сидят и ленты набивают. Поругиваются про себя шепотком, руки-то стынут.

Вдруг вроде звякнуло что-то. Как будто ползет кто, пыхтит. Пустили ракету. Что-то мелькнуло между деревьями. Огонь! Финны бросились на пулемет... И. К. Латнев без рассейвания выпустил половину ленты. Враги, прчась за деревьями, с криком отбежали. Не все, конечно, в двадцати шагах от пулемета осталось три трупа. Впереди, уткнувшись лицом в снег, закоченел длинный светловолосый унтер. Побросано оружие, лыжи, сумки. Это мы утром обнаружили. И так подряд ночей пять. Днем тихо, а ночью жди, придут.

Или вот еще случай. В половине января 1940 года наш батальон ходил на выручку соседа, попавшего в тяжелое положение. Действовать пришлось ночью. И эта ночь оказалась самой холодной в ту зиму, страшная ночь. Температура упала до -45° . Оружие отказывало, даже винтовочные затворы, протертые насухо, работали плохо. Железо жгло. Многие из нас в ту ночь обморозились. Иной ляжет в снег, и такое безразличие наступает — пропадай ты все пропадом, смотришь — и замерз человек.

В полночь по правому флангу стрелкового батальона ударил противник. Дело дошло до ручных гранат, а кое-где и до рукопашной. Кругом трескотня, ракеты, крики, где свои, где чужие, не разберешь. Из всех пулеметов работал только один «максимка». Им управлял И. К. Латнев. Несколько раз бросались финны на ельник, где засел этот умелый смельчак, и каждый раз И. К. Латнев отгонял их огнем. Из пулеметного расчета он остался один. И один спас положение батальона. Враг прекратил атаки, так мы выручили соседа.

Много было разных происшествий, всего, однако, не расскажешь, а о походе за печами надо.

Однажды командир полка сидел возле землянки и чистил автомат. Подошел И. К. Латнев.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуйте, товарищ Латнев!

— Разрешите к фашистам сходить...

— Как так? В гости, что ли?

— Печь достать надо, у нас печки нет. Глаза у всех от дыма заболели. Да и у вас, кажись, печь-то плохонькая, — дипломатично добавил И. К. Латнев.

(Мы на фронте печи делали кое-как, кто из чего может: из бочки, из ведра, из кирпичиков, что подобрали на пожарище, а чаще просто углубление в стенке рыли или костер раскладывали на полу. Дым, копать, и одежду сжечь можно. У финнов же были табельные — одна на отделение, портативные, переносные печи с трубой. Очень удобные. Наши разведчики часто охотились за финскими печами.)

— Где и как решили достать? — спрашивает командир полка.

— Да уж как-нибудь выследим!

— Если идти, то надо не как-нибудь, а хорошо обдумать и не за одними печами. Садись, поговорим.

Иван Кузьмич (Латнева все, в том числе и пожилые, звали так уважительно) изложил свой план. Он уже несколько раз успешно ходил в разведку. На него можно было положиться.

Командир полка поставил задачу: разведать межозерное дефиле в тылу противника, в 5-ти километрах от переднего края. Через него проходит единственная на этом участке дорога.

— Нам очень важно знать, как обороняется это дефиле. Ну, а на обратном пути можешь и печи добыть. Желаю успеха!

И. К. Латнев подобрал группу в пять человек и рано утром ушел. По всем расчетам Иван Кузьмич должен был вернуться ночью. Ночь прошла — нету... Вторые сутки прошли — не вернулись ребята. Наступил третий день. Все начали уже беспокоиться. Неужели убиты? Попали в плен? У некоторых даже закралась мысль: перешли к врагу, войну закончили. Не может быть — отвергало большинство — не таков И. К. Латнев. Скептики уверяли: «Чужая душа — потемки!» Что же случилось?

Шестеро хороших лыжников во главе с И. К. Латневым благополучно перешли фронт. Засветло провели разведку дефиле. Как оказалось, его оборонял взвод, вырыта траншея, перед ней переносные проволочные заграждения (рогатки, ежи). Шесть землянок, три вблизи дефиле и три поодаль. Фашисты спокойно бродят, дрова рубят, двое на озеро за водой спускались. И. К. Латнев решил тут же и печи добыть. Для нападения облюбовали три землянки, что в сторонке. Когда ступились сумерки, подошли поближе. Еще раз наметили, кто, что

делает. Долго пришлось лежать нашим охотникам в ожидании. Промерзли, сосали сухарики. По одному отползали за горку, там топтались. Фашисты никак не угомонятся. Слышен финский разговор. Ждут кого-то. «Всё говорят, вот-вот должны подойти», — шепчет Тойвонен, включенный в группу, как знающий финский язык.

Наконец лагерек затих. Только двое часовых маячат между землянками. Тишина. Пора... И. К. Латнев и еще двое двинулись к землянкам без лыж. Первый бросок гранаты — сигнал открыть огонь. Лес ожил, взрывы, стрельба. Финны с криком выскакивали, беспорядочно стреляли, тут же падали, сраженные огнем группы прикрытия. Операция длилась минут 10. Трое нападавших вернулись на исходное положение. «Руки обжег, угли вытряхивая», — жаловался один. Притащили три печи, два автомата. Пока приторачивали, одевали — крики и огонь финнов усилились. К ним подошло подкрепление. Надо уходить. И. К. Латнев скомандовал: «За мной!» Двинулись, но было поздно. Справа и слева финны: «Рюсь, ставайся!» «Ладно, обожди немного», — спокойно сказал И. К. Латнев и метнул налево гранату. Направо выпустил очередь из автомата Тойвонен. Финны отпрянули. Наши рванулись вперед. Тут И. К. Латнева чиркнула по ноге финская пуля. Не замечая боли, он шел километра два, потом начал ковылять. А финны преследуют, догоняют, постреляют из-за деревьев, отстанут немного, потом опять догоняют. «Тойвонен, давай задержим финнов, — решил И. К. Латнев. — Остальные вперед!» Почти в упор встретили финских лыжников. Те залегли. «Уходи, — шепчет Тойвонен Ивану Кузьмичу, — я догоню». И. К. Латнев с трудом передвигал лыжи, Тойвонен отстреливался. Так продельвали несколько раз. Финны отстали. И. К. Латнев почувствовал — сбился с направления. «Стой, ребята. Отдохнем». Он едва шел, штаны, смоченные кровью, леденели. Осмотрели рану, кость была не задета, перевязали. Погрызли сухариков, пососали чистенького снежку, покурили.

«Ну, охотнички, где мы, куда идем?» — спросил И. К. Латнев. Вспомнили свой бег, вычисляли, предполагали и так и этак. Остановились на том, что шли в основном на север и запад. Стало быть, возвращаться надо на юго-восток. Вот тут-то они и ошиблись. Уж день кончается, все идут на юго-восток. В вечерних сумерках пересекли дорогу, большак со столбами, прохода целы. Должна бы быть лесная дорога с поваленными столбами. Не могут понять разведчики, где находятся. Знакомых длинных озер, вытянутых с северо-запада, не встретили. Карта у них была, да по ней трудно разобраться, ориентиров в лесу нет, только рельеф. А по рельефу не всяк легко читать может, большая практика требуется. Латнев не мог уже передвигать лыжи. Его тащили за палки. Решили ночевать. Выбрали в

лесу место погуще, развели «бродяжий» костерок. По очереди дремали. Шла вторая ночь. Дремлет Иван Кузьмич, а мысли цепляются одна за другую. «Иван Кузьмич, — шепчет постовой, — идет кто-то». «Где, кто? — встрепенулся, стряхнул дремоту. Прислушались. Идут лыжники, разговаривают. — Туши костер». Небо звездное. Видно далекомко. Лыжники легко скользят в колонне по одному. Одеты в белое, без халатов, шапки-ушанки, на груди автоматы. На финнов не похожи, не встречалась такая обмундировка у финнов. «Тойвонен, слушай разговор». «Да это же наши — русские, — обрадованно закричал Тойвонен: — Товарищи, здравствуйте!» Те опешили от неожиданности. «Кто вы? Откуда?»

В тылу у финнов встретились две советские разведгруппы. Костер запылал ярче. Оказалось, что группа И. К. Латнева ночевала южнее участка своего полка километров на 10, а лыжники — с высоты 95,0, где расположен соседний слева полк. Утром измученные, голодные дотащились до высоты 95,0. Попели, выпалились. Гостеприимные соседи хорошо накормили и проводили до большой дороги. На третий день группа И. К. Латнева вернулась в свое подразделение. Принесли печи, только одна была сильно помята взрывом гранаты, а у другой не доставало трубы, потеряли дорогой. И. К. Латнев тоже пришел. Не захотел человек в госпиталь. «И так заживет». После хорошей перевязки и сытного обеда у него появились силы.

22 января 1940 года состоялось партийное собрание. На повестке дня первый вопрос — прием в партию. Разбиралось несколько заявлений, в том числе о приеме кандидатом в члены Коммунистической партии командира пулеметного отделения Ивана Кузьмича Латнева, рождения 1918 года.

Секретарь сообщил, что из 32 человек, состоящих в батальонной организации, присутствует 28, двое больны, двое в разведку ушли.

И. К. Латнев, прихрамывая вошел в круг, снял шапку и мнет ее в руках. «Товарищи! Я хочу в партию.. — глубоко вздохнул, — чтобы, значит, сознательно... — Поднял голову, посмотрел на людей. — Ну, вот и все.... — развел руками. — Не умею я говорить». Собрание заплодировало: «Принять И. К. Латнева». Комиссар, одобрительно улыбаясь, бросил реплику: «Иван Кузьмич, ты хоть свою биографию собранию расскажи».

Рекомендацию дали командир полка и командир роты. Лучшей рекомендацией было поведение Ивана Кузьмича в бою в самую морозную ночь и последнее трехдневное испытание, о котором знали уже все.

Приняли единогласно. После голосования кто-то заметил: «Теперь И. К. Латнев ориентировку не потеряет».

1939 год, наш 26-й отдельный саперный батальон стоял на зимних квартирах военного городка г. Смоленска. Мы собирались достойно встретить Новый год. Солдаты репетировали свои концертные номера. Наш командир полка, т. Фомин, собрал членов партии, комсомола, разъяснил, что наш 26-й батальон направляется на борьбу с белофиннами. Полк усиленно готовился к отправке.

2 января 1940 года наш эшелон прибыл в Лодейное Поле. Здесь мы стали на лыжи (некоторые из нас впервые) и своим ходом двинулись по направлению к Погранкондушам. Бои в это время шли вокруг Салми и г. Питкяранты. Наша задача заключалась в том, чтобы ликвидировать завалы дорог, разминировать участки проходов, ставить свои мины в местах случайных прорывов финнов. Мы работали день и ночь. На озерах, болотах клали накатник для переправы артиллерии. А лес гремел от ружейно-пулеметного огня.

В январе 1940 года стоял трескучий мороз, но наши бойцы, невзирая на холод, вели себя достойно. В конце января меня направили в политотдел 8-го корпуса, где были организованы курсы для ознакомления с опытом работы политруков в обстановке боя. К нам приезжали писатель Геннадий Фиш, маршал СССР Тимошенко. С нами делились опытом политруки Кузнецов, Апара, Щербинин, Шевченко.

После окончания курсов нас направили в воинские части политруками на место погибших. Я был направлен политруком комендантской группы при штабе корпуса (командир Рубин).

В боях за город Питкяранту наш 8-й корпус потерял много своих бойцов. Когда их хоронили, мы плакали, и наши слезы превращались в кристаллы льда.

18-я стрелковая дивизия самоотверженно сражалась с белофиннами, но попала в окружение. Финны бросили большие силы для разгрома дивизии. Привлекали всякое охвостье, лишь бы ликвидировать личный состав дивизии. В конце февраля командование дивизии стало искать выход из создавшегося положения. На карту было поставлено все. Ведь боеприпасов было мало, а раненых очень много. Под прикрытием ночи шли последние приготовления к прорыву окружения. В землянках сжигали деньги, документы, лишь бы согреть прозябшие руки и вскипятить из снега воду в котелке.

Ночью начался штурм прорыва. С криками «Ура!», используя плотный огонь всех оставшихся боевых средств, бросились на противника. Финны не ожидали такого стремительного удара. Они предполагали, что 18-я дивизия обречена на

полное уничтожение, на неминуемую смерть и голод. Но оказалось наоборот: люди шли напролом — смерть или победа. Кольцо окружения прорвали. Но вышли не все. Много бойцов осталось лежать на трескучем морозе.

Вышедшие из окружения воины были героями, несмотря на то, что были истощенные, больные, раненые, с трудом переставлявших ноги вали под руку. Лично я присутствовал на митинге после выхода из окружения 18-й дивизии.

Выступал начальник политотдела 8-го корпуса т. Арефьев, который сказал: «Родина ваш подвиг не забудет». Эта война нам, ее участникам, запомнилась на всю жизнь.

В заключение я хотел бы просить вас, следопыты, положить цветы на братские могилы. В одной из них похоронен мой близкий друг, сержант Аникин, который снял 500 финских мин, а на 501-й... Сел отдохнуть и погиб.

С. М. ТИХОМИРОВ

Василий Федорович, мы, ваши московские ученики и единомышленники, очень хотели бы взглянуть на сигнальный экземпляр вашей книги о наших отцах, о ваших товарищах. Когда я был в вашем музее, то обратил внимание на одну закономерность. Преамбулой «зимней» войны были политические игры нашего тогдашнего руководства. Не с целью ли доказать, что укрепленные линии — бумажный тигр. Вот почему, на мой взгляд, Сталин бросил наших отцов чуть ли не в штыковую атаку на линию Маннергейма. Не война ли с Финляндией дала повод Гитлеру назвать наших военных и политических руководителей неполноценными? Не финская ли война, которую у нас зовут «забытой войной», стимулировала нападение Гитлера на нас (СССР). Финская война до сих пор, если не «белое», то туманное пятно в нашей истории, и мы, дети и внуки погибших, должны снять «катаракту» со светлого oka Родины.

В 34-ю легкую танковую бригаду входили танковые батальоны 76-й, 82-й, 83-й, 86-й, а также 179-й стрелковый батальон, 322-й автотранспортный батальон, 224-й отдельный разведбатальон, 84-я отдельная рота связи, 52-я отдельная санитарная рота.

Командиром 34-й легкой танковой бригады был комбриг И. С. Кондратьев, комиссаром — полковой комиссар Гапанюк, начальником штаба — майор Смирнов, начальником связи — летчик-майор Г. Т. Клещевников.

К середине 1939 года 34-я легкая танковая бригада имела

435 человек командно-начальствующего состава, 888 человек младшего командного состава. А всего, без личного состава 86-го отдельного танкового батальона, 3794 человека. Сведения о них пылились долгие годы в архивах ЦГАСА под грифом «Секретно».

Я не берусь судить о характере и причинах войны с Финляндией, это сделал мой товарищ И. Г. Клещевников в статье «50 лет молчания», напечатанной в молодежной карельской газете «Комсомолец» 13 марта 1990 года. Но, по-моему, какие бы цели не преследовались при этом, мы не вправе забывать о тех солдатах и красных командирах, которые, выполняя приказ командования, сложили в боях свои головы. В этом суровом краю погибли тысячи советских солдат и командиров, и почти все их имена незаслуженно преданы забвению. Не пора ли, после столь долгого молчания, поведать миру об этих безвестных героях, правдиво рассказать, кто и во имя чего толкнул наших отцов и братьев в эту кровавую бойню, поведать об их геройстве.

Остались в «Долине смерти»

Нам всем хочется знать правду о прошлом, имея в виду «белые пятна» и факты истории, о которых должен знать каждый, особенно молодое поколение. Я — свидетель и участник советско-финляндской войны 1939—1940 годов. Говорят, что человеческая память несовершенна, что со временем многое забывается. И я думал, что с годами это пройдет, улягутся страсти, притупятся чувства, успокоится сердце. Но нет, ничто не проходит, хотя минуло с тех пор много лет. Кто был в «Долине смерти», в этом котле, и остался жив, тот не забудет «зимнюю» войну.

В первые недели войны 18-я дивизия, неся значительные потери, все же преодолела первую линию обороны финнов. Но главную полосу укрепления прорвать так и не удалось. Враг, перейдя в контрнаступление, загнал дивизию в лесисто-болотистую местность и окружил ее.

Прервалась связь со штабом армии. Финны наступали, методично сжимая кольцо окружения. Наш противник был хорошо подготовлен и оснащен, заблаговременно изучил театр военных действий, неплохо передвигался на лыжах. А мы часто действовали наобум, шли без лыж, по пояс в снегу, становясь мишенью для финских снайперов — «кукушек», которые сидели на деревьях и прицельно расстреливали барахтающихся в сугробах красноармейцев. Кончились боеприпасы, продовольствие. Наши самолеты пытались снабдить нас продуктами, сбрасывая их на парашютах, но очень часто тюки доставались финнам, ибо они держали место выброски под огнем «кукушек». Убили и съели всех лошадей, супы варили из голенищ сапогов. Силы людей таяли день за днем, а суровый мороз (-40— -45°) лишь ускорило дело. Много было обмороженных. Получили приказ выходить самостоятельно. Так в «котле» полегла практически вся 18-я дивизия.

Этот район до сих пор называют «Долиной смерти». Кто виноват в этой трагедии? Почему те, кто руководил этой «зимней» войной, — К. Ворошилов, К. Мерецков, С. Тимошенко, Н. Штерн, Л. Мехлис и другие — не помогли выйти из окружения нашей 18-й дивизии до конца войны. Не все же зависело от «отца народов» — Сталина.

Нас, ветеранов финской, осталось уже очень мало. Думаю, пришло время снять шапку перед живыми и мертвыми бойцами — участниками финской войны. В Финляндии чтут своих героев, участников «зимней» войны, а мы полвека храним молчание.

204-я воздушно-десантная бригада

Командир — полковник Иосиф Иванович Губаревич. Начальник штаба — полковник Александр Михайлович Досик. Комиссар — начальник политотдела — полковой комиссар Барилко.

С начала января 1940 года соединения 15-й армии вели под Питкярантой тяжелые, затяжные бои с упорно оборонявшимся противником, но безуспешно.

204-я воздушно-десантная бригада в период с 9 по 12 декабря 1939 года с места дислокации в г. Борисполь Киевской области перебазировалась в г. Ленинград, где по 28 января 1940 года отрабатывает ведение боевых действий в лесисто-болотистой местности в зимних условиях.

Первоначально бригаду предполагалось использовать на Выборгском направлении. В дальнейшем было сочтено более целесообразным использовать ее в общевойсковых боях. Для этого она, оставив парашютно-десантную аммуницию и снаряжение на складе в городе Пушкин, в период с 29 января перебрасывается на железнодорожную станцию Лодейное Поле, а отсюда с 9 по 12 февраля — в район Салми. Из Салми 13 февраля 1940 года 204-я бригада совершает тяжелейший лыжный переход в г. Питкяранту. Двигались днем и ночью по обочине дороги, преодолевая глубокие снежные покровы при 50-градусном морозе и встречном, обжигающем лицо, ветре. Следовали в колонне по одному, часто меняя направляющего. Делали короткие привалы, проверяли, нет ли обмороженных людей.

Единственная дорога из Салми в Питкяранту позволяла двигаться транспорту только в один ряд. Она была забита до предела. Стоило одной машине выйти из строя, как все движение прекращалось. Водители выбивались из сил, засыпали на ходу, попадали в кюветы. Если не удавалось машину вытащить, и она мешала движению, ее оттащивали в сторону, освобождая путь, так как другого выхода не было. Только к утру 14 февраля 1940 года бригада почти полностью сосредоточилась на острове Пусунсаари в полуразрушенном здании целлюлозного завода. В Лодейном Поле пока еще оставались боепитание, часть санитарной службы, отдел вещевого снабжения и одна стрелковая рота.

Не успела бригада опомниться от тяжелейшего перехода, привести оружие в надлежащий порядок, дать передышку

личному составу, как командующий 15-й армией М. П. Ковалев отдал устный боевой приказ командиру бригады полковнику И. И. Губаревич: «Ликвидировать группировку противника на островах Петяя-Сари и Максиман-Сари и установить связь с соединениями 168-й стрелковой дивизии, блокированной финнами. Исходное положение для наступления занять к 5 часам 15 февраля 1940 года на островах Вахкими-Сари и Путки-Сари».

В системе армейской операции это создавало необходимые предпосылки для ликвидации Питкярантского узла обороны противника и развития наступления левого фланга 15-й армии.

Но что значит идти в бой, не зная ничего о противнике, о его огневой системе?.. Командующий 15-й армии М. П. Ковалев и комбриг Коротеев сообщили, «что острова обороняются малочисленными силами: по взводу на каждом, по 2—3 ручных пулемета и по 3—4 миномета». Однако в ходе боя это не подтвердилось. Не помогло и то, что на острове «Зуб» находится боевое охранение 219-го стрелкового полка (см. схему).

Командование 204-й бригады просило командарма М. П. Ковалева не вводить пока бригаду в бой, так как она с 9 февраля находилась в непрерывном движении, необходим отдых личному составу, а также следует провести дополнительную разведку противника. Но это во внимание принято не было (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 400, 0—11).

К началу наступления 204-я воздушно-десантная бригада насчитывала 1450 человек, имея на вооружении, кроме винтовок системы СКС, 70 ручных пулеметов, один станковый пулемет, 27 ротных минометов, 12 пушек калибра 45 мм.

Местность, на которой предстояло наступать, представляла собой ровную ледяную поверхность замершего Ладожского озера, припорошенную тонким слоем снега. Над ледяным полем возвышались скалистые берега островов — естественных фортов, недоступных для проникновения с востока.

Изрезанные лощинами, поросшие редким лесом и кустарником, усеянные крупными гранитными валунами острова Петяя-Сари и Максиман-Сари были покрыты сетью прекрасно замаскированных сооружений, включавших различные деревоземляные (дзоты) огневые точки, ямы-ловушки, спирали Бруно, минные заграждения.

Долины, удобные для входа на острова, прикрывались системой фланкирующего огня. Оборонявшиеся гарнизоны противника были сравнительно невелики, но хорошо вооружены автоматическим оружием и минометами, в изобилии снабжены всем необходимым и обеспечены связью со своими основными силами на материке.

Дополнительная трудность заключалась в том, что атаку-

ющие части, наступая на узком фронте по совершенно открытой местности, еще на подходе к островам подвергались интенсивному перекрестному пулеметному и артиллерийскому обстрелу с островов и материка.

14 февраля 1940 года командир бригады полковник И. И. Губаревич приказал командирам батальонов провести рекогносцировку исходных положений для наступления.

Десантники одеты были тепло: полушубки, валенки, ватные брюки, теплое нижнее белье, шапки-ушанки, рукавицы, маскхалаты.

В ночь с 14 на 15 февраля погода стояла хорошая: ясная, безветренная, морозная, но температура воздуха доходила до -50° . В 5 часов 15 февраля 1940 года бригада заняла исходное положение для наступления:

— 2-й батальон — северо-западные скаты острова Вахкия-Сари. Задача: овладеть островом Максиман-Сари;

— 3-й батальон — северо-восточные скаты острова Путки-Сари. Задача: овладеть островом Петяя-Сари;

— 1-й батальон (без 2-й роты) во втором эшелоне в районе острова Вахкия-Сари.

Батарея 329-го гаубичного артиллерийского полка имела задачу подавить прожектора и огневые точки противника на материке и острове Вуоратсу, не допустить фланкирования со стороны противника.

Командный пункт командира бригады — в северной части острова Вахкия-Сари.

Наступление началось без артиллерийской подготовки в 5 часов 30 минут и велось без соответствующей артиллерийской поддержки. Прожектора и основные точки противника подавлены не были.

В 6 часов подразделения батальона были уже на подходе к острову, встретив сильное огневое сопротивление противника с материка, района «КАЗ», с острова Максиман-Сари и части огневых средств с острова Петяя-Сари, залегли, неся большие потери.

Наступил рассвет. Потери увеличились. До 10 часов батальон потерял до 2/3 личного состава убитыми и ранеными и в дальнейшем бой вести был не в состоянии.

Вывести батальон из боя не было возможности, ввиду абсолютно ровной местности. Связные от рот на КП командира не попадали, они уничтожались фланкирующим огнем противника. Бойцы, уцелевшие и раненые, вынуждены были оставаться на месте, под огнем противника, до наступления темноты.

Вот что написал мне участник боя 15 февраля 1940 года на острове Максиман-Сари Леонид Александрович Литов, проживающий в Краснодаре:

«Помню, развернулись мы на льду красиво и пошли в насту-

плене. Финны подпустили нас на расстояние 200—300 метров, а затем встретили таким шквалом огня, даже невозможно описать... Особенно нас донимал огонь во фланг с материка. Первым упал, словно подкошенный, наш взводный, потом второй, третий... И тут в нескольких метрах блеснул взрыв... Больше я ничего не помню. Пришел в сознание только в Ярославльском военном госпитале. А Вы помните, Александр Григорьевич, какая температура воздуха была тогда — -56° мороза. Винтовка моя 15-зарядная (СКС) замерзла, даже патрон в патронник дослать не смог, так в наступление и пошел. Как рассказали потом товарищи, вытащили меня с поля боя только с наступлением темноты. Примерз, говорят, ты ко льду. Пришлось вырубать из ледяного плена... В госпитале мне чуть не ампутировали ноги. А вот нашему взводному и политруку ампутировали.

В Ярославльском госпитале было немало наших раненых из бригады. Среди них был и начальник штаба 3-го батальона капитан И. И. Проша. Только там я узнал подробности наступления. Все мы, солдаты и офицеры, возмутились: «Кто послал нас в эту мясорубку? Почему без надлежащей подготовки, без артиллерийской подготовки и поддержки?»

Одной из причин неудачных действий 2-го батальона является то, что было потеряно управление подразделениями. Молодой, необстрелянный командир батальона, капитан Костюченко, растерялся, метаясь, выбиваясь из сил, старался наладить связь с ротами, но это ему не удалось сделать. А начальник штаба батальона, капитан В. Ф. Каргашинский, был убит. Будучи тяжело ранен, Костюченко с раздробленной кистью правой руки продолжал атаковать противника, засевшего в блиндажах за камнями. В этом бою он погиб смертью храбрых и уже посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

А комиссар батальона старший политрук Зубков проявил трусость, с ротами в наступление не пошел, а отсиживался в тылу, не зная, что делается в батальоне. Политрук 4-й роты лейтенант Севастьянов рассказывал, что выступление на исходные позиции батальона прошло неорганизованно. Был потерян минометный взвод. Вскоре минометчики вышли на исходные позиции, но без мин.

Секретарь комсомольской организации батальона так отзывался о старшем политруке Зубкове: «От комиссара я убежал, мне надоело отсиживаться с ним за камнями, и место мое было в бою, впереди, так я и сделал.

Он был хорошим и требовательным до боя. Мне стыдно признаться, что я его любил. Он оказался трусом, и для меня Зубков перестал быть комиссаром. Он не оправдал доверия партии. Ему комиссар бригады Боучилко приказал немедленно отправиться в батальон и вместе с комбатом Костюченко навести порядок в батальоне и перейти в атаку. Он этого прика-

зания, как оказалось впоследствии, не выполнил, в батальон не пошел, а вскоре прибыл в медпункт в сопровождении двух бойцов, заявив: «Я ранен». Позже мы узнали, что рана его в руку была легкой, подозрительной, с таким ранением с поля боя не уходили даже рядовые солдаты. В медпункте Зубков сделал перевязку и немедленно отправился в госпиталь» (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 34,0—8).

Не всех тяжелораненых удалось тогда вытащить с поля боя, часть их осталась лежать в нейтральной зоне. Весь день и даже ночью не удалось эвакуировать их. Они были взяты финнами в плен.

Вот что рассказал мне бывший курсант школы младших командиров бригады в октябре 1987 года Иван Терентьевич Сидоров, проживающий в г. Норильске:

«15 февраля в наступлении на остров Максиман-Сари я был тяжело ранен и не мог двигаться. Так и пролежал под огнем весь день на поле боя. Ночью меня подобрали финны и отправили в тыл, поместили в госпиталь. Кроме меня там были и другие наши раненые, фамилий их не помню. Во время нахождения в госпитале и после выздоровления нас агитировали остаться в Финляндии. Я и другие военнопленные не пошли на измену Родине. После этого финны стали над нами издеваться, плохо кормили, заставляли выполнять непосильную тяжелую работу.

Освободили нас только по окончании Великой Отечественной войны. Мы получили срок и нас отправили в г. Норильск. После отбытия наказания я остался в Норильске, женился, и сейчас проживаю там же и работаю».

3-й батальон в 5 часов 30 минут 15 февраля 1940 года с исходного положения острова Путки-Сари атаковал противника на острове Петяя-Сари и прорвался в его южную часть.

К 10 часам батальон продвинулся до центральной части острова Петяя-Сари, где встретил сильное огневое сопротивление, попав в «огневой мешок», под обстрел 6—8 станковых пулеметов и фланкирующего огня пулеметов и минометов с островов Паймион-Сари «Зуб» и острова Вуоратсу и понес большие потери. Под натиском финнов начал отход на южную часть острова.

В 17 часов остатки батальона покинули остров Петяя-Сари, понеся значительные потери. В распоряжении командира 204-й бригады имелась одна рота в резерве, и он мог ее ввести в бой в нужный момент, но командарм М. П. Ковалев личным указанием запретил вводить второй эшелон в бой, считая, что для овладения островами достаточно и двух батальонов.

Артиллерия — «Бог войны» — в составе одной батареи 152-мм орудий, одной батареи 122-мм и одной батареи

76-мм пушек не поддержала наступательные действия бригады, что имело тяжкие последствия для нее. До начала наступления она вела только беспорядочный огонь. Заявки на огонь с КП командира 204-й бригады передавались на КП командира 56-го стрелкового корпуса комбрига Коротеева. Он обещал, что заявки бригады будут выполнены, а в основном задача артиллерии — подавление огневых точек на материке и в районе «КАЗ» и на острове Вуоратсу. В действительности же и это им не осуществлялось, так как к моменту атаки артиллерия не имела снарядов. И вообще заявки бригады на артогонь не выполнялись. Комбриг Коротеев так ответил полковнику И. И. Губаревичу: «Пора перестать до бесконечности сосать артиллерию, нужно расчищать путь своими огневыми средствами».

И еще, несмотря на заявления командования бригады, о том, что остров «Зуб» занят финнами, а не нашими войсками, командир 219-го стрелкового полка, майор Дементьев уверял, что там находится боевое охранение его полка. Но это была неправда, так как в ходе атаки 3-м батальоном острова Петяя-Сари он был обстрелян с этого острова фланкирующим пулетным и минометным огнем.

Кроме этого, огневые средства соседнего слева 3-го батальона 219-го стрелкового полка не были привлечены на подавление огня противника на острове Петяя-Сари. К тому же 219-й стрелковый полк двумя батальонами на материке и 3-м батальоном с западной стороны острова Путки-Сари должны были наступать на противника, сковать его действия, что предпринято не было. Вследствие всех этих обстоятельств 3-й батальон 204-й бригады попал в «огневой мешок». Несмотря на проявленный героизм, мужество, настойчивость и отвагу личного состава, 204-я бригада отошла на исходные позиции, понеся огромные потери, не выполнив поставленной задачи по овладению островами Максиман-Сари и Петяя-Сари. Так закончилось наше первое боевое крещение.

15 февраля 1940 года бригада потеряла: убитыми — 320 человек, ранеными — 281 человек (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 399, 0—11).

Какой же вывод сделало командование 204-й бригады?

1. Оценка противника, данная командующим 15-й армии М. П. Ковалевым и командиром 56-го стрелкового корпуса комбригом Коротеевым, не соответствовала действительности. В результате боя 15 февраля было установлено, что острова Максиман-Сари, Петяя-Сари оборонялись силами до роты пехоты в каждом, с 7—8 станковыми и ручными пулеметами (см. схему).

2. Времени на подготовку наступления было недостаточно, личный состав после длительного марша устал и отдыха не

имел. Дополнительная разведка силами бригады из-за отсутствия времени проведена не была.

3. Взаимодействие с артиллерией велось только через комбрига Коротеева. Личного контакта не было. Артиллерия в силу ее малочисленности и недостаточного количества снарядов не смогла подавить огневые точки противника и нарушить взаимодействие островов и не расчистила путь пехоте, вследствие чего бригада понесла большие потери личного состава.

4. Бригада действовала самостоятельно, выполняя частную задачу, имеющую армейское значение, но решалась задача изолированно (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 400, 0—11).

О причинах невыполнения поставленной задачи штаб 204-й воздушно-десантной бригады доложил командующему 15-й армии в боевом донесении № 1 от 18 февраля 1940 года, где изложил ход боевых действий (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 402, 0—11).

С глубокой болью вспоминаю о больших потерях в бою и немало из них комначсостава — только убитыми 42 человека, ранеными — 29. В их числе командиры и комиссары батальонов, начальники штабов, командиры рот и взводов. И это только в одном бою. Вот некоторые из них, которые пали смертью храбрых. Комиссар третьего батальона политрук Анатолий Иосифович Емельяненко, наступающий вместе с 8-й ротой. Узнав, что командир батальона, капитан Солоп, ранен и эвакуирован в тыл, взял командование на себя. Враг поливал свинцовым огнем со всех сторон. А. И. Емельяненко получил ранение в руку, но продолжал вести батальон вперед. В ходе боя он был снова ранен, теперь уже в ногу. Когда боец, секретарь комсомольской организации батальона Сумароков, перевязал ему рану, политрук А. И. Емельяненко снова возглавил батальон. В то время, когда его подразделения достигли середины острова Петяя-Сари и попали в «огневой мешок», вражеская пуля оборвала жизнь замечательного молодого комиссара. Политрук Анатолий Иосифович Емельяненко был посмертно награжден орденом Красного Знамени (ЦГАСА, ф. 37837, д. № 137, 0—3, л. 18).

8-я рота под командованием старшего лейтенанта Скородимова атаковала блиндаж, откуда строчил станковый пулемет финнов, командир роты был убит. Тогда политрук роты Иван Григорьевич Ерохин с группой бойцов бросился к блиндажу, забросал его гранатами и уничтожил огневую точку. Здесь же он был ранен. Еще до боя боец Красиков говорил: «Наш политрук заботится о бойцах, и мы его не подведем в бою». В этом бою воины 8-й роты доказали это на деле. Когда политрук роты И. Г. Ерохин был ранен, бойцы просили его покинуть поле боя и отправиться в медпункт, но он продолжал

продвигаться с ротой вперед. Пуля врага сразила его и он погиб смертью храбрых.

Бойцы не бросили тело политрука И. Г. Ерохина, а понесли его к южной части острова Петяя-Сари, по дороге один из них, боец Панин, был убит, а второй, Васильев, ранен и при попытке отползти в другое место тоже был убит. Политрук Иван Григорьевич Ерохин был посмертно награжден орденом Красного Знамени (ЦГАСА, ф. 37837, д. № 137, 0—3, № 77).

Смертью храбрых в этом бою пал и заместитель политрука Петр Ильич Косенков, награжденный посмертно орденом Красной Звезды (ЦГАСА, ф. 37837, д. № 137, 0—3, № 77).

Погибли в этом бою и мои друзья: командир взвода разведки лейтенант Костя Ильин, командир саперного взвода лейтенант Валентин Николаев, начальник физподготовки батальона Олег Данилов.

В бою я был контужен. А произошло, хотите верьте, хотите, как сейчас говорят, проверьте, при необычной ситуации. Вооружены мы были кроме пистолетов ТТ самозарядными винтовками СКС. При наступлении у меня вдруг не сработала автоматика винтовки, получилось утыкание патрона в патроннике. Это было где-то в центре острова, до того как подразделение батальона попали в «огневой мешок». Я остановился, чтобы устранить неисправность. Начальник штаба капитан Проша со связными продолжали продвигаться вперед. Устранить неисправность, не снимая рукавицы, мне не удалось, тогда я снял ее и попытался открыть магазинную коробку, но как только прикоснулся к ней, мои пальцы правой руки примерзли к металлу, и мне стоило большого труда с невероятной болью оторвать их от магазинной коробки. Пальцы мои не сгибались, кое-где на них была содрана кожа. Я присел на сугроб и стал снегом растирать пальцы. Товарищи мои ушли вперед. Я остался один. Откуда ни возьмись, появился санинструктор старшина Чернышев. Он спросил меня: «Что с вами?» А узнав о происшедшем, присел рядом, достал спирт и начал оказывать мне помощь, растирать пальцы. А дальше случилось нечто невероятное и в то же время довольно удивительное, в которое трудно поверить. Я помню только то, что почти рядом с нами, где-то сзади или сбоку, что-то ухнуло... Больше ничего не помню. Когда я очнулся и пришел в себя, то сразу не понял, где нахожусь. Ко мне подошел военврач нашей бригады Александр Николаевич Назаренко и сказал: «Наконец-то ожил, как себя чувствуешь?» «Нормально, — отвечаю. — А почему я здесь? Овладели ли островом?»

В медсанбате я уже находился третьи сутки. Голова была тяжелая, болела, плохо слышал, особенно на правое ухо. Вот что рассказал мне санинструктор Чернышев. «Как помните, я

сидел недалеко от вас, что-то рядом разорвалось, невольно посмотрел назад, когда обернулся, а вы пропали... Оглянулся вокруг, нигде не видно. Что за чудо: сидел рядом человек и вдруг куда-то исчез. Затем впереди себя в метрах восьми заметил торчащие в сугробе снега валенки, их нижнюю часть. Ну, подумал, все, конец... Принялся раскапывать, вытащил из снега, осмотрел, ран не обнаружил, послушал, жив. Видно, получил сильную контузию. Поташил на остров Путки-Сари, а оттуда отправил в медсанбат. Вот так ты оказался здесь, — сказал Чернышев. — А операция по захвату островов закончилась неудачно, с большими для нас потерями».

17-го февраля командование бригады посетило медсанбат. Они вели беседу с выздоравливающими бойцами и офицерами, спрашивали о здоровье, настроении... Дошла очередь и до меня.

— Ну как самочувствие, — спросил меня полковник И. И. Губаревич, — сможешь пойти в строй?

— Я готов хоть сейчас приступить к делу, — ответил я.

— Ну, вот, это хорошо, а то из штабных работников никого не осталось в строю. Не возражаешь, Александр Михайлович? — обратился он к начальнику штаба бригады полковнику А. М. Досику.

— Против Ивана Иосифовича Морозова я не возражаю, только пусть он еще сегодня побудет в медсанбате, завтра, Александр Николаевич, — обратился он к Назаренко, — если все будет нормально, выпишите Морозова из медсанбата.

В штабе бригады мы с Солопом приступили к формированию батальона из тех, кто остался после боя 15 февраля. Часть роты была сводного состава — из артиллеристов, подрывников, связистов, подразделений обслуживания. Комиссаром батальона был назначен инструктор политотдела бригады политрук Константин Иванович Коваленко.

Боевые действия 204-й воздушно-десантной бригады 23 февраля 1940 года

22 февраля 1940 года командир 204-й воздушно-десантной бригады получил от командующего 15-й армии М. П. Ковалева боевой приказ о начале общего наступления армии 23 февраля 1940 года. Перед 204-й бригадой была поставлена задача: захватить и уничтожить противника на острове Петяя-Сари, в дальнейшем организовав оборону на его северной части, наступать на остров Максиман-Сари и захватить его.

Бригаде придается 3/219-й стрелковый полк и рота танков Т-26 (10). Артиллерия: группа ПП 204-й бригады в составе: 72 АП, 392 ГАП, 1 батарея четвертого погранполка и три орудия ГА 219-го стрелкового полка. Начало атаки в 10 часов 23 февраля 1940 года.

В соответствии с этим боевым распоряжением командующего 15-й армии командир бригады отдал боевой приказ.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 3
Штабриг 204-й, целлюлозный завод (остров Пусунсаари)
22 февраля 1940 года

1. Противник продолжает оборонять острова Максиман-Сари, Петяя-Сари, Вуоратсу.

2. Справа 37-я стрелковая дивизия наступает на материке от Питкяранты в направлении высоты 66.00. Слева никого нет.

3. 204-я воздушно-десантная бригада с 3-м батальоном 219-го стрелкового полка, ротой танков Т-26 захватывают и уничтожают противника на острове Петяя-Сари, в дальнейшем наступают на остров Максиман-Сари. Атака в 10 часов 23 февраля 1940 года.

4. Пятой роте с 5-ю танками Т-26, 76-мм пушкой, 45-мм орудием, 2-мя станковыми пулеметами, 2-мя минометами наступать в первом эшелоне с ближайшей задачей: овладеть южной частью острова Петяя-Сари, в дальнейшем наступать вдоль острова с выходом на его северную часть, после захвата острова организовать его оборону.

5. Четвертой роте с 45-мм пушкой, 2-мя станковыми пулеметами, 2-мя минометами наступать за 5-й ротой, очищая остров от остатков противника и развивая успех 5-й роты.

6. Первому батальону 204-й бригады двигаться за 4-й ротой и по захвату острова Петяя-Сари быть в готовности к наступлению совместно с ротой танков Т-26 для захвата острова Максиман-Сари.

7. Третьему батальону 219-го стрелкового полка прочно оборонять остров Путки-Сари с задачей не допустить подхода резервных групп противника с острова Вуоратсу, подавив огневые средства на острове «Зуб».

8. Артиллерия: группа полковых пушек 204-й воздушно-десантной бригады; одна батарея 72-го гаубично-артиллерийского полка, одна батарея 392-го гаубично-артиллерийского полка, одна батарея 4-го погранполка и три орудия 219-го стрелкового полка.

Начальник группы — капитан Петров. Готовность — 22 февраля к 24 часам. Артиллерийская подготовка — 40 минут.

Задача: 1. Подавить огневые точки противника на юго-восточной и северной части острова Петяя-Сари, на островах «Зуб» и Вуоратсу, не допуская огневого фланкирования.

2. С 10 часов дать огневой подвижный вал по острову Петяя-Сари с юга на север.

3. Поддержат танками.

4. Одно 76-мм орудие придать 5-й роте, три 76-мм орудия иметь на открытой огневой позиции в северной части острова Путки-Сари с задачей: прямой наводкой очистить от огневых точек и живой силы противника на южной части острова Петяя-Сари и тянуть их в боевых порядках первого эшелона.

5. Танки: исходные позиции в районе безымянных островов восточнее острова Путки-Сари. Поддержать атаку 5-й роты. Блокировать огнем остров Петяя-Сари с восточной стороны. В дальнейшем быть в готовности всей ротой поддержать атаку 1/204-й ВДБр на острове Максиман-Сари.

6. Отряду Мочалова огнем минометов и станковых пулеметов с острова «Длинный» подавить огневые точки противника по юго-восточной части острова Максиман-Сари.

7. Командный пункт в северо-восточной части острова Путки-Сари, в дальнейшем — в северной части острова Петяя-Сари.

Губареич, Барилко, Досик

В связи с тем, что 204-я ВДБр перешла в подчинение 37-й стрелковой дивизии, ему были даны заявки на авиацию для того, чтобы она в 9 часов 50 минут поддержала наступление на остров Петяя-Сари, а в 13 часов по вызову нанесла удар по острову Максиман-Сари. Кроме этого, выделила бы один самолет для прикрытия с 6 до 8 часов выдвижения танков на исходные позиции, путем патрулирования в воздухе над островом Путки-Сари.

По замыслу и организации взаимодействия с танками, артиллерией и авиацией боевые действия по захвату островов Петяя-Сари и Максиман-Сари должны быть успешными, хотя и не легкими. Однако, когда все было подготовлено, произошли изменения: атаку с 10 часов перенесли на 13 часов, так распорядился командир 37-й стрелковой дивизии через делегата связи. Артподготовку с 9 часов на 12 часов 30 минут. Все это, конечно, отразилось на дальнейших действиях.

Ход боевых действий 204-й воздушно-десантной бригады 23 февраля 1940 года

В 12 часов 30 минут 23 февраля 5-я рота, посаженная со щитками на сани и буксируемая танками, как десант, выступила с исходного положения в наступление. Выдвигались танки поодиночке. И вместо движения на юго-восточную часть острова Петяя-Сари танковая рота с санями пошла вдоль восточного края острова на его северную часть, подставляя под обстрел бойцов на санях. Так они около 20 минут, растянувшись, дефилировали на северной части острова, а затем повер-

нули обратно на исходные позиции. Поняв, что они ошиблись в направлении, сориентировавшись по курсу, пошли к юго-восточной части острова. Только три танка подошли к переднему краю обороны противника, где были тут же подбиты. Остальные танки самовольно ушли на остров Пусунсаари, по сути дела, не оказав существенной помощи бригаде в атаке на острова, а наоборот, нарушив весь план действий.

Как потом стало известно, личный состав этой танковой роты (10 Т-26) из 11-й стрелковой дивизии не был обучен, слабо ориентировался на поле боя, был без средств радиосвязи. Даже танк командира танковой роты не имел рации. Из уцелевших танков, возвратившихся на остров Пусунсаари, только два были боеспособны.

Так уже на первом этапе наступления хорошо задуманная операция не получилась. Действия наступающих подразделений бригады существенно изменились. Уже к моменту высадки 5-й роты была выведена из резерва 3-я рота 1-го батальона. Она, переползая поодиночке и группами, передвигалась на южную часть острова Петяя-Сари. 4-я рота, прикрываясь бронешитками, переползая, пошла в наступление за 5-й ротой.

Атакуя остров Петяя-Сари, основные средства противника на островах Вуоратсу, «Зуб» и Максиман-Сари подавлены не были, система огня этих островов в основном сохранилась. Помимо этого, с островов Вуоратсу и «Зуб» противник перебросил до 2-х взводов резервных групп с огневыми средствами, которые усилили гарнизон острова Петяя-Сари.

3-я и 4-я роты подверглись шквальному обстрелу из станковых пулеметов и минометов. 3-я рота — на захваченной ею южной части острова Петяя-Сари, а 4-я рота — на льду между островами Петяя-Сари и Путки-Сари, несли большие потери. Наша артиллерия поддержки молчала. Противник безнаказанно расстреливал наступающих.

К 19 часам 3-я и 5-я роты вели бой на южной части острова Петяя-Сари, а 4-я рота была прижата огнем между островами. Средств связи мы не имели. Управление осуществлялось только посыльными, которые часто выходили из строя, и связь терялась.

В бой был введен второй эшелон бригады — один батальон (1-я и 2-я роты). Он вместе с 4-й ротой захватил южную часть острова Петяя-Сари и несколько продвинулся вперед, продолжая вести наступление без поддержки артиллерии. Она опять оказалась без снарядов.

Второй эшелон, введенный в бой, решить задачу по захвату острова не сумел. Резерв бригады был использован полностью.

Резервная рота 37-й стрелковой дивизии в количестве 68 человек введена в бой не была, она намного опоздала со своим прибытием. В течение ночи подразделения бригады, отра-

жая неоднократные атаки финнов, удерживая захваченные позиции, без поддержки артиллерии не выдержали и в 4 часа 30 минут 24 февраля под сильным давлением финнов начали отход на исходные позиции, понеся большие потери.

Командир батальона, капитан П. Т. Солоп, в этом бою был ранен в бок, но с поля боя не ушел и продолжал руководить подразделением. Комиссар батальона, политрук К. И. Коваленко, был тяжело контужен и отправлен в медсанбат.

С наступлением темноты меня, обледеневшего, вытащили бойцы из проруби и эвакуировали в тыл.

Смертью храбрых погибли командир роты старший лейтенант Степан Васильевич Григоренко, старший политрук Николай Константинович Койбийчук, оба посмертно награждены орденом Красного Знамени.

В этом бою погибли агитатор А. Неволин, младший командир Сухинин, они посмертно удостоены правительственной награды.

Командир саперного взвода лейтенант Константин Алексеевич Тюняев был ранен разрывной пулей в грудь.

Многие раненые были сильно обморожены, так как все светлое время суток пролежали на поле боя.

Потери бригады в бою 23 февраля на острове Петяя-Сари составили убитыми 325 человек, ранеными — 234 человека (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 400, 0—11).

3 марта 1940 года в 204-ю воздушно-десантную бригаду стало поступать пополнение — прибыло шесть лыжных эскадронов, из них было сформировано два батальона: 2-й и 3-й.

6 марта частями 37-й стрелковой дивизии были захвачены острова Петяя-Сари и «Зуб».

11 марта командир 56-го стрелкового корпуса комбриг Коротеев от имени заместителя наркома командарма I ранга Г. И. Кулик отдает боевое распоряжение:

1. Части 37-й стрелковой дивизии занимают острова Петяя-Сари и «Зуб» и обороняют их с 6 марта 1940 года.

2. 204-й воздушно-десантной бригаде приказано 12 марта занять остров Максиман-Сари.

Поддерживать будут танки и артиллерия. Начало наступления в 10 часов. Исходное положение занять к 8 часам. К этому времени бригада располагалась на острове Пусунсаари, находясь в полной боевой готовности.

Ход боевых действий 204-й воздушно-десантной бригады 12 марта 1940 года по захвату острова Максиман-Сари

В 9 часов артиллерия в течение часа вела огонь по огневым точкам острова Максиман-Сари и находящимся на материке в районе «КАЗ» и севернее ее. Авиация нанесла бомбовый удар.

В период артподготовки начали выдвигаться с исходных позиций танки, а за ними подразделения батальона на лыжах.

В 10 часов 1-й батальон 204-й воздушно-десантной бригады атаковал остров Максиман-Сари. Но, несмотря на мощную артподготовку, огневая система финнов полностью подавлена не была. Противник встретил наступающих сильным пулеметным и минометным огнем. Перед островом атакующие, обнаружив минное и проволочное заграждения (спираль «Бруно»), залегли.

Танки атаковали остров в его западной части, преодолели проволочные заграждения, блокировали своим огнем огневые точки противника и стали продвигаться вперед.

2-я рота, воспользовавшись проходами в заграждениях, проделанных танками, атаковала финнов с юго-запада, захватила часть острова.

1-я рота осталась лежать перед заграждениями под огнем противника.

Опять подвели танкисты: вместо того, чтобы одна танковая рота шла по восточной части острова с 1-й ротой, она пошла тоже по ее западной части, побоявшись обстрела артиллерии с материка, тем самым подставив роту под огонь финнов. На этот раз в ротах имелись рации РБ, у комбата тоже. Связь со штабом бригады была проводная.

Или вот еще такой эпизод. Говорит мне Солоп: «Вот видишь эту пушистую ель, там, видимо, сидит «кукушка», нет жизни от нее. Не одного связного уже подстрелила. У тебя СКС, попробуй снять ее!» Произвел три выстрела: по центру, выше и ниже, обстрел прекратился. Наши разведчики принесли документы финна и в фуляре часы.

По рации открытым текстом стал уточнять обстановку в ротах. Солоп предупреждает меня, чтобы я пользовался кодом. Я ответил, что в этой ситуации он мне ни к чему, буду сам отвечать. А тем временем 1-я рота лежит под огнем станковых пулеметов противника. Предложил Солопу ввести в бой 3-ю роту с задачей: наступать по центру острова. Согласился, 3-я рота была введена в бой. Продвижение батальона ускорилось.

К 12 часам подразделения батальона освободили треть острова, но были остановлены сильным огнем финнов. Командир батальона Солоп доложил обстановку по телефону командиру бригады И. И. Губаревичу и попросил перенести артналет по северной части острова на 12 часов 50 минут и в 13 атаковать финнов. Такой 10-минутный артналет был выполнен, и бойцы с криком «Ура!» атаковали противника и пошли вперед при поддержке танков. Но здесь появилась наша авиация и стала своими действиями препятствовать продвижению батальона, ведя огонь по своим. Капитан Солоп пытался по рации свя-

заться с авиацией, но бесполезно, он на чем свет стоит ругался в их адрес. В это время к нам подошла в маскхалатах какая-то группа, человек 10. Солоп продолжал по радиии вызывать авиацию. Один из группы спросил: «Кто здесь командир?» «Ну, я, а что вы от меня хотите?» — со злобой сказал Солоп. «Я, товарищ командир, замнаркома — Кулик. Что вас сейчас сдерживает?» — спросил он. Вижу мой комбат из розового стал бледным, он не мог сразу доложить обстановку. «Вы успокойтесь, — сказал Г. И. Кулик, — вам что, мешает авиация?» «Да, товарищ замнаркома, авиация ведет огонь по своим и мешает двигаться вперед». «Сейчас, т. Солоп, я по своей радиии дам указание авиации вести огонь по северной части острова». Его радист сумел быстро связаться с авиацией, и она перенесла удар на северную часть острова Максиман-Сари. После чего батальон пошел вперед.

Уже к 14 часам батальон захватил 3/4 острова и продолжал успешно продвигаться вперед. Я доложил замнаркома Г. И. Кулик, что сейчас батальон ведет бой по уничтожению противника в северной части острова, противник в панике бежит. Г. И. Кулик пожелал нам успешно закончить операцию и вместе с прокурором покинул остров Максиман-Сари. К 16 часам остров полностью в наших руках, а к 18 часам организована оборона силами 3-го батальона 204-й бригады.

Часа в два ночи меня разбудил радист и сообщил, что слышал по радиии, как финны говорили о каком-то перемирии. «Может, это провокация, товарищ начштаба?» Я по телефону позвонил в штаб бригады, но там ничего не знали. Только в 8 часов 13 марта 1940 года позвонил нам полковник А. М. Досик и сообщил, что получен приказ Ставки Верховного Военного совета № 0215 от 13 марта 1940 года для неуклонного исполнения о том, что в 23 часа 12 марта 1940 года между СССР и Финляндией подписан договор о прекращении военных действий и о мире между обеими странами.

На фронте до 12 часов 13 марта творилось что-то невероятное. Части Красной Армии обрушили шквал огня по финским позициям обороны из всех видов оружия. А в 12 часов наступила тишина, ни единого выстрела. Не верилось, что война закончилась. Чувство радости охватило каждого из нас.

В архивном документе ЦГАСА, ф. 34980, д. № 400, 0—11 было отмечено: «Бригада отлично выполнила поставленную ей задачу». Такую оценку дал замнаркома, командарм I ранга Г. И. Кулик.

Потери противника на острове Максиман-Сари: убитых — 70 человек, в том числе два унтер-офицера.

Трофеи:

— станковых пулеметов — 5 шт., пулеметных лент к ним — 85 шт.;

— ручных пулеметов — 5 шт., магазинов к ним — 200 шт.;
— винтовок — 100 шт., патроны к ним — 70 тыс.;
— 45-мм пушек — 1 шт., прожекторов — 2 шт.;
— минометов 81-мм — 4 шт., мин к ним — 160 шт.;
— гранат — 200 шт., автоматов — 2 шт., патронов к ним — 10 тыс.;
— телефонных аппаратов — 3 шт.

Наши потери: убитыми — 52 чел., ранеными — 148 чел. (ЦГАСА, ф. 34980, д. № 400, 0—11).

За успешные боевые действия, проявленное мужество и отвагу бойцы и командиры 1-го батальона были награждены правительственными наградами. А всего было награждено более 100 бойцов и командиров 204-й воздушно-десантной бригады.

Советско-финляндская война 1939—1940 гг. — это «белое пятно» в нашей истории. Она длилась 105 военных дней. О ней очень мало написано. Несмотря на преимущество Красной Армии над финнами в пехоте, артиллерии, авиации, сказалась наша неподготовленность, тогда как финская армия была хорошо организована, вооружена и обучена для действий зимой в лесисто-болотистой местности, оказалась маневренной, устойчивой в обороне и дисциплинированной. Финны в боевых действиях с нашими частями наступательных порывов не проявляли, а исключительно оборонялись на ранее оборудованных высотах, складках местности, преимущественно мелкими группами автоматчиков, пулеметчиков и, как средство усиления, имели на роту 1—2 миномета, при хорошей лыжной подготовке, чем характеризуется подвижность финнов в бою.

Но белофинны трусливы, боятся нашего штыкового удара и гранаты. Достаточно энергичного активного нажима и финны, бросая свое вооружение, имущество, бегут.

Наши войска были слабо подготовлены к действиям в условиях бездорожья, зимой, в лесистой местности. Оружие отказывало, смазочные материалы при сильном морозе стыли, не соответствовали назначению. Артснабжение было плохое. Разведка наша плохо знала противника, его систему обороны, заграждения и т. п. Взаимодействие наших частей нарушалось, связь была неустойчива, танки — без раций.

14 марта мы захоронили в братских могилах наших бойцов и командиров на островах Петяя-Сари и Максиман-Сари, с тяжелой болью в сердце прощались с погибшими в бою.

15 марта покинули остров Максиман-Сари и сосредоточились на острове Пусунсаари в здании целлюлозного завода. Здесь в течение нескольких дней бригада приводила себя в порядок и готовилась к убитию, к месту прежней дислокации.

В Борисполь мы возвратились 31 марта 1940 года.

201-я воздушно-десантная бригада с 15 февраля и по 12 марта 1940 года вела активную оборону коммуникаций

15-й армии. 12 марта она вела наступательные бои на полуострове Уксолопия и острове Лунконен-Сари.

214-я воздушно-десантная бригада находилась в резерве 15-й армии, в боевых действиях не участвовала.

201-я, 204-я и 214-я ВДБр между собой связи не имели.

201-й ВДБр командовал комбриг И. С. Безуглый.

204-й ВДБр командовал полковник А. Ф. Леволков.

Пару слов о себе

В воздушно-десантных войсках я был с марта 1937 года до декабря 1959 года и тогда же по состоянию здоровья ушел в запас.

В финскую войну участвовал в боях в качестве начальника штаба батальона.

В Великую Отечественную войну начал воевать под Киевом, Черниговом, Нежином — в 1941 году, а в 1942 году был с батальоном в тылу под Демянском, на Дону, в Сталинграде в обороне тракторного завода, на Курской дуге и т. д. до марта 1944 года.

Был отозван на учебу в Военную академию им. М. В. Фрунзе. После ее окончания работал в штабе Воздушно-десантных войск до 1954 года, а затем старшим инспектором по Воздушно-десантным войскам в главной инспекции Министерства обороны СССР до ухода на пенсию.

Член КПСС с 1940 года. Ветеран Вооруженных Сил СССР, ветеран войны, инвалид II группы, ветеран труда. Уроженец Донбасса, 1910 г., 25 мая.

Написаны эти строки без каких-либо прикрас на основании подлинных архивных документов, писем и рассказов участников этих событий.

В. РОТКИН, В. ЗОЛОТОВ

1 февраля 1940 года при доставке грузов нашим окруженным частям загорелся самолет командира эскадрильи Тропаллера. Неисправный Р-5 сел на нейтральной полосе. Сослуживцы пилота обрушили огонь на огневые точки финнов, обстреливающих подбитый краснозвездный самолет, а старший лейтенант Летучий (какая созвучная профессии фамилия), под огнем посадив свою машину рядом с разбитой, вывез ее экипаж к своим.

9 февраля был подбит сам Летучий, и на помощь ему пришел экипаж старшего лейтенанта Брагница. И таких случаев множество.

Но случалось и обратное — об экипаже не вернувшегося самолета никто ничего не мог сказать. Где был сбит? Хуже всего было, если летчики оказывались в заснеженных карельских лесах, на бескрайнем льду Ладожского озера. В белом безмолвии. По завершении конфликта на подтаявшем льду стали находить тела замерзших летчиков.

* * *

Герой Советского Союза, генерал И. П. Мозурук писал: «Мы пытались как можно точнее сбросить груз блокированным гарнизонам, но не всегда это удавалось, так как площадь, занимаемая окруженцами, составляла «пяточок 0,5 x 0,5 км». Среди нас только один М. Водопьянов мог спикировать точно на заданную точку и сбросить груз по назначению.

Прошло много лет с начала советско-финляндской войны. Войны сколь неизвестной, столь и замалчиваемой. Об этой войне «верхи» старались особо не вспоминать, документы того периода тщательно скрывались. Данные о наших потерях замалчивались. Не стоит удивляться тому, что даже в фундаментальных научных трудах она не имеет статуса войны, именуясь «Советско-финляндским вооруженным конфликтом 1939—1940 годов».

В России эту войну называют «финская», в Финляндии — «зимняя». Оба названия правильны: «финская», потому что велась с Финляндией, «зимняя», потому что уложилась в рамки календарной зимы.

Большая Советская Энциклопедия отводит этой войне всего одну страничку и только в 24-м томе, вышедшем в 1976 году.

В результате таинства высшей политики «финская», «зимняя» незначительная война с течением времени обрела еще одно название — «война, которой могло не быть».

**Н. КОЛЯЗИНЦЕВ,
разведчик 168-стрелковой
дивизии**

168-я стрелковая дивизия формировалась в городе Череповце Вологодской области. Личный состав дивизии состоял в основном из вологодских и архангельских запасных солдат.

В сентябре 1939 года мы уже были в Карелии. Нам говорили, что будут большие учения Ленинградского военного округа, а поэтому надо к ним хорошо подготовиться. В начале нояб-

ря мы были в лагере под Погранкондушами и ждали приказа о начале учения.

Я служил в 462-м стрелковом полку в разведроте, командиром которой был наш земляк, впоследствии ставший Героем Советского Союза. Он погиб за Питкярантой. Фамилия его, кажется, Иванов (*речь идет об Ивановском*)*. В конце ноября, получив приказ, мы пошли вперед и только тут узнали, что мы воюем против белофиннов. Первые две недели мы шли вперед без задержек. Потом нас белофинны остановили и дальше не пустили. Загнали нас на какой-то полуостров, с которого мы не смогли высунуть даже носа, так как были окружены. Нас обстреливали из пулеметов, минометов и орудий, мы отвечали тем же, иногда ходили в контратаку. Финны боялись наших штыков и до рукопашной не доходило. Было очень холодно, мы оказались в летнем обмундировании, а морозы были жестокие. В начале февраля нам сбросили с самолетов валенки, теплые белье, телогрейки, стало меньше обморожений.

Финны были одеты отменно. Шерстяное белье, свитеры, сапоги на меху, овчинные длинноухие шапки, все теплое, легкое, удобное. Каждый солдат снабжен белым маскхалатом, лыжами. На лыжи было поставлено буквально все: пулеметы, легкие пушки, санитарные фургоны. Они отлично владели лыжами, были подвижны, как правило, хорошие стрелки. Все это позволяло им быстро маневрировать. Особенно нам досаждали финские снайперы («кукушки»), они наносили ощутимый урон пехоте.

Голодать мы не голодали, коней не ели, правда, иногда питались одними сухарями и консервами. В начале нас снабжали из Питкяранты по льду Ладожского озера, затем этот путь финны начали обстреливать с островов. Только одиночные подводки добирались до полуострова, остальные погибали, не зря этот ледяной путь прозвали «Дорогой смерти». Иногда все необходимое нам доставляли наши тяжелые бомбардировщики.

После перемирия, в конце марта, нас — один батальон — отправили в места, где находилась 18-я стрелковая дивизия в окружении, для подбора и погребения трупов. Ничего подобного я не видел потом за всю Великую Отечественную войну. Тысячи трупов лежали на снегу. Многие из них были заминированы. Похоронили мы их в больших братских могилах с воинскими почестями.

Затем мы шли на Сортавалу, принимали от финнов отошедшие к нам по перемирию населенные пункты и сам город Сортавалу.

*Примечание составителя.

В марте 1990 года состоялся пленум Питкярантского ВО-ОПИК, посвященный 50-летию окончания советско-финляндской войны. На пленум были приглашены участники той «зимней» войны. Вот, что они рассказали.

РАКОВСКИЙ М. «Я служил в кадровой 18-й Краснознаменной стрелковой дивизии секретарем комсомольской организации батальона в звании младшего политрука. При переходе границы мне было доверено свалить пограничный столб, что я и сделал, наехав левой гусеницей танка. Дороги минированы, мосты взорваны, поэтому пришлось двигаться с большой осторожностью, несмотря на это, наш танк все-таки подорвался на mine в районе местечка Лава-Ярви, я был тяжело ранен. Эвакуировали меня в тыл самолетом».

КУШНАРЕНКО Василий Васильевич из Харьковской области откровенно сказал: «Где-то после Кяснясельки мы остановились. Я вышел из танка, осмотрелся. Я знал, что у финнов вся территория была заминирована. Мимо проходила артиллерия. Одна из лошадей артиллерийской упряжки копытом задела мину, раздался взрыв. Меня ранило в ногу и руку, так как я оказался, буквально, рядом. Я был первым раненым в нашем батальоне. На этом война для меня закончилась. Когда мы шли к границе, нам не говорили для чего. Мы думали, что будут маневры, не подозревая, что нас вели просто умирать».

ТРЕГУБЕНКО Алексей Иванович. «Чем дальше мы уходили от государственной границы, тем больше войска растягивались, расчленились. Никакого подкрепления не было. Не хватало боеприпасов, бензина, продуктов питания — наступил страшный голод.

Несколько раз пытались связаться со штабом 18-й дивизии, посылая туда связных, но никто не возвращался. Финны их перехватывали и уничтожали.

После Нового 1940 года противник пытался окружить нас и уничтожить. Командование батальона решило сорвать его замысел. Оставшиеся пять танков нашего батальона получили задание выйти на огневой рубеж и до последнего удерживать его. Двое суток мы вели ожесточенный бой. На исходе второго дня у нас уже не было ни одного танка: два сгорели, остальные подбиты. Танкисты выбрасывались из горящих машин, пытались уползти по дороге, но их добивали «кукушки».

Когда у моего танка вывели из строя ходовую часть, мы решили уходить, взяв с собой оставшиеся боеприпасы. Ползли по снегу. Добравшись до окопов нашей пехоты, явились в штаб 316-го стрелкового полка. «Задание выполнено, танков нет. В живых осталось два человека».

Дневник советского солдата

Дневник неизвестного солдата, который вел его, подписываясь коротко — «Гриц», был найден в жуткую «зимнюю» войну 1939—1940 годов и переведен с русского на финский язык, а затем издан в Финляндии отдельной брошюрой.

Познакомившись в Краеведческом музее г. Питкяранты со знатоком военной истории В. Ф. Себиным, участники той войны — бывшие наши противники в ней — выслали Василию Федоровичу машинописный экземпляр дневника с целью донести до русских людей правду о советско-финляндской войне, о состоянии бойцов, которые волею злого рока оказались в окружении.

Кто такой Гриц? В 34-й легкой танковой бригаде был такой красноармеец Николай Ильич Гриценко, радиотелеграфист 76-го отдельного танкового батальона, 1918 года рождения, родом из Сумской области. Но он погиб 12 февраля 1940 года у Северного Леметти, а автор дневника вел записи включительно до 8 февраля. Может быть, это псевдоним? Скорее всего, так, ведь по закону военного времени бойцам запрещалось доверять бумаге свои мысли, наблюдения во избежание их попадания в руки противника. Окажись этот дневник у советского командования, автору, нарушившему устав, не повздорилось бы. Поэтому он, скорее всего, и подписался кратко «Гриц» и тоже, наверняка, не случайно. Может быть, его родные, если они еще живы, каким-то образом догадаются, о ком идет речь, ведь в домашнем кругу мы не всегда знаем или зовем своих близких по имени. В любом случае дневник этого солдата будет прочитан оставшимися в живых участниками той несправедливой в отношении человечества войны. И многие из них будут благодарны человеку, который вопреки запрету работал на Историю. Вечная слава тебе, солдат! Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен.

19.01.1940 г.

«Из-за некоторых препятствий, вызванных военным положением, у меня не было возможности вести дневник, но теперь, пусть не постоянно, но по мере возможности, буду писать».

30.11.1939 г. был в командировке для подбора грузчиков в Дарнице. Я пробыл там до 7.12.1939 г.

Согласно поступившей 8 декабря телеграмме я должен был выехать в Житомир и в тот же день вернуться в распоряжение Ленинградского военного округа.

Приехал в Ленинград 11.12.1939 г., пробыл там до 14.12.

и 15.12. приехал в Лугу, 16-го обратно в Ленинград и оттуда в Петрозаводск.

В отдел 34-й легкой танковой бригады прибыл 17.12., где был назначен в 224-й ОРБ*, где пробыл до 6.01.1940 г. Там служил помощником командира подразделения в техническом отделе».

6.01.1940 г.

«Меня перевели помощником в 83-й отдельный танковый батальон, где служу в настоящее время. Часть наша, начиная с 28 декабря, находится в окружении белофиннов. Питание составляет 40% от нормы. Живем в землянке, полуголодные. Рацион остается недостаточным. Все же мы стараемся быть бодрыми, ожидая подкрепления, и думаю, что, если буду жив, то наши надежды исполнятся.

Бывает сильная тоска по семье и неуверенность, что увижу еще когда-нибудь Лизу и своих дочерей».

20.01.1940 г.

«В настоящее время много работы, но нет сил, заметна усталость. Ежедневно наша часть ведет огонь из минометов. Вот примерно и все, что произошло между 30.11.1939 г. и 20.01.1940 г. Впредь буду писать ежедневно.

Гриц».

20.01.1940 г.

«С утра почти ничего не делал. Днем принял доклад от мех. части. В 17-00 во время устройства пулеметных укрытий нас обстреляли из пулеметов. Сегодня мне посчастливилось в обед получить две порции.

В 17-20 пилил дрова. В 19-00 иду на партийное собрание части.

Гриц».

21.01.1940 г.

«Сегодня с утра не делал ничего значительного. С утра и целый день был сильный мороз и сильный ветер. Днем почистил револьвер, винтовку.

Сегодня был ранен наш классный стрелок Семенов. К вечеру финны интенсивно обстреливали нас из автоматического оружия, один тяжело ранен и один получил рану в руку.

Все тело ослабло из-за недостаточного питания. Правда, сегодня удалось получить две порции в обед, 3 галеты, но это все за сутки.

Я все время думаю о своей Лизе и дочерях, и тоска сильно давит.

Ожидаем помощи, финны исключительно активны.

Гриц».

* Отдельный разведбатальон.

22.01.1940 г.

«Утром мне посчастливилось достать бульон из конины. На завтрак было то же самое, и из походной кухни немного каши, которую оставил на обед.

То же самое вчера ужинал. До обеда разбирал упряжь. После обеда выполнял кое-какие мелкие работы. На ужин поел, что осталось от обеда и вдобавок достал бульон из конины и одну галету.

Сегодня давали суп из конины днем и вечером. День провел счастливо. Противник не был особо активным, но частенько «посылал» нам пули из автоматов. Таковы дневные события.

Сейчас прилягу отдохнуть на часок. Ночью ожидается активность противника. Я назначен пулеметчиком командного пункта № 1933. Помощи пока не слышно.

Много думал о доме, дорогой Лизе и дочерях и с этими мыслями лег спать.

Гриц».

23.01.1940 г.

«Ночь прошла спокойно. Была лишь периодическая стрельба, одиночные выстрелы.

После завтрака приступил к ремонту Вт-7 и потом помылся, так как не мылся четыре дня.

В 12 часов начал дежурство около танка и пробыл там до конца суток. На обед дали несоленого супа и немного каши. Хлеба и сахара не дают. На ужин ел мясо с бульоном и попил чай без сахара.

Финны изредка постреливают. Невдалеке слышна стрельба наших пушек. Сегодня было объявлено, что наши войска прорвали линию около Питкяранты и приближаются к нашему расположению.

Спал всего 5 часов. Мучает тоска по Лизе и семье. Что будет, увидим, но ожидается улучшение.

Гриц».

24.01.1940 г.

«Южное предместье озера Лавоярви. С часу ночи нахожусь на охране Н-машины. Завтрак — мясо и мясной бульон. Сейчас у меня отдых около часа. До обеда делать нечего. После обеда маскировал землянку. Вечером был на партсобрании. Когда пошел туда, поставил на печурку свой котелок с супом из конины, но когда вернулся, котелок пропал. Кто-то украл его, и я остался голодным.

Сегодня так же, как и вчера, не выдали ничего хлебного. Живем за счет конины, без хлеба и соли. Обед был ничтожным. В будущем следует ожидать еще худшего. Из-за конины у меня начинают болеть зубы. Ожидаем подмогу, но, скорее

всего, ее придется ждать еще долго. Ложусь спать голодным как волк.

Гриц».

25.01.1940 г.

«Южное предместье п. Леметти. Ночью не был на дежурстве. В 4 часа ходил на проверку прицелов у Орлова и..? Там все в порядке. Утром получил бульон из конины. На завтрак то же самое.

Ночью почти не стреляли. Днем ожидалась серьезная стычка с финнами. Наши части находятся на расстоянии одного километра друг от друга.

Продолжая свои ежедневные заметки, следует отметить, что сегодня командир части объявил о наличии продуктов на складах 18-й дивизии лишь на 26 дней, и, очевидно, впредь нашим питанием будет лишь конина и чай. Несмотря на это, наши бойцы весьма подвижны и лишь небольшая часть неважно себя чувствуют. В эту группу я засчитываю и себя. Но еще пытаюсь казаться бодрым. Однако сегодня очень болит живот. Общее состояние исключительно неустойчивое. Обеды уменьшены до 25% от нормы. Сегодня получил продуктов: одного вида около 10 ложек и второго вида около 3 ложек без соли.

В такое положение я попал впервые в жизни — голод и война. Нет продуктов, и который день стрельба и ожидание наступления.

Противник сосредоточил на этом участке огромные силы и сильно окопался, хотелось бы разбить и раскидать их, несомненно противник будет разбит, но он, скорее всего, попытается напасть, однако наша оборона весьма крепка, и финская попытка не удастся. И, если они попытаются, я буду до последней капли крови бороться за уничтожение противника. Правда, тяжело думать об этом, до этого хотелось бы встретиться с дорогой подругой жизни и детьми, но как будет — не знаю. Хотелось бы расцеловать свою Лизу и дочек Таню, Светлану.

Если повезет в жизни, то еще встречу вас, мои близкие, мои дорогие, моя семья.

На этом закончу о сегодняшнем дне. В этой сложной ситуации я не согнуся. В 20-00 сменю одного бойца и буду стоять на посту. Поужинаю исключительно чаем и лягу спать в тоске и подавленный положением.

Сегодня противник изредка посылал нам очереди. Мимо нас пролетели 13 наших самолетов, что-то сбросили.

Перед ужином пойду пилить дрова для отопления землянки. Вечером почувствовал себя хуже, живот стал совсем большой.

Гриц».

26.01.1940 г.

«Южное предместье п. Леметти (Зона). Сегодня теплая погода. Ночь прошла в муках с животом. Противник вел себя сравнительно спокойно, стрельбы не было совсем. Утром финны начали стрельбу опять. Ночью наши части были исключительно активные, стреляли из орудий, пулеметов и винтовок. Это доказывает, что наши части находятся очень близко, но никак не могут пробиться к нам, так как финны сильно укрепились. Незадолго до обеда животу полегчало.

Во время этой записи пули стучат в двери землянки. Каждую минуту чувствую опасность, и есть угроза быть раненым или умереть.

Вообще положение исключительно сложное, непредсказуемое. Чувствую, что день ото дня слабею и на самом деле не знаю, что принесет мне судьба в ближайшее время. Надо ждать и беречь силы.

Сегодня наши летчики сбрасывали пакеты с продовольствием, но финны не дают их собрать, и мы опять будем голодными.

Ложусь больной, и страшная тоска гложет душу. Много думаю о доме, о семье. Хотелось бы увидеть их, но вряд ли это мне посчастливится, и, если удается, то это будет просто случайность.

Вечером финны выпустили на наши позиции 5 мин. Ночью опять была периодическая перестрелка.

Гриц».

27.01.1940 г.

«Сегодня не делал ничего значительного. Правда, на завтрак съел несоленой конины, выпил чай без сахара. Днем почистил котелок, помылся и побрил бороду. Вот и все мои дела до обеда. Обед сегодня оказался исключительно скромным, и неизвестно, что будет завтра, и будет ли вообще что-нибудь. Противник сегодня постреливает небольшими очередями. Наши части тревожат финнов со стороны Лавоярви и Питкяранты, но ничего неизвестно, когда нас выведут из окружения, чувствую лишь, что силы оставляют меня совершенно, наступает крайняя слабость.

Догадываюсь, что Лиза без денег. Когда мы получим свою зарплату, тоже неизвестно. Конечно, сейчас она опечалена и много нервничает, возможно плачет, не знаю.

Записывая эти строки, я сам готов заплакать, беспокоюсь о семье, но это невозможно.

Сегодня шальная пуля ударила мне в палец, но ее скорость была так слаба, что она не причинила мне никакого вреда.

На ужин поел совсем немного конины и выпил чай. После этого пришлось согреть в чае экстракт конины с макаронами, а также немного консервов и затем выпить эту мешанину.

Ночью опять ожидалось наступление белофиннов, но этого не случилось. Лег спать в 24 часа.

Гриц».

28.01.1940 г.

«Утром встал в 7 часов, поел снова конины с чаем. После этого написал две инструкции Колодину и Шаповалову. Погода ясная, сильный мороз.

С утра заработала наша зенитная артиллерия. Силы, идущие на помощь, находятся совсем близко, но еще не дошли до нас. Сегодня исполняется месяц, как мы в окружении или как дороги 18-й дивизии были перерезаны. Каждый час, каждую минуту мы ожидаем освобождения, хлеба, соли, табака и т. д.

Незадолго до обеда пролетели несколько самолетов, которые сбросили большие партии продовольствия. По счастью, достал 3 таблетки украинского борща и 2 таблетки сухой каши. На обед было два блюда, и все-таки этого мало.

Через командира части все же получил дополнительный паек, но его надо сберечь на ужин, так как вечером ничего не ожидается. Противник на нашем участке не очень активен, но обстреливает нас весьма старательно. Вот, кажется, все дневные новости.

Гриц».

29.01.1940 г.

«Сегодня утром в 6 часов ходил проверять прицельные устройства Орлова и Ануфриева, что прошло довольно хорошо. Погода холодная, около 15—20 градусов мороза. Ходил просить бульона из конины. Но мне его не дали. Пару слов о Купцове. Следует сказать, что он мне не нравится. В нем совершенно отсутствует товарищеское отношение ко мне, то же можно сказать об его отношениях к другим. Грачев — вот это отличный товарищ, он хорошо относится к подчиненным, а ко мне исключительно хорошо. Сердечный человек.

Сегодня обед был такой же, как и вчера. Самолеты сбросили для нашей дивизии много продовольствия. После обеда коллол дрова, а вечером чинил свои рукавицы.

Ужин был такой же, как и прошлый. Положение не изменилось и ничего хорошего не слышно. Финны снова обстреливали, и имеются раненые.

Гриц».

30.01.1940 г.

«Лег спать в 1.30. Спал с перерывами до 6 часов. Было холодно. Ночью, начиная с 11 часов вечера, со стороны Питкяранты, в 1,5 км от штаба 18-й стрелковой дивизии слышен сильный артиллерийский, пулеметный и винтовочный огонь,

что продолжается еще и после завтрака. Ночью пролетели 3 тяжелых бомбардировщика, которые сбросили около 10 тонн продовольствия. Мой завтрак был такой: сперва выпил заготовленный вечером бульон, который был сварен из таблетки, потом получил порцию конины и выпил чай с 5-ю граммами сахара. После этого приготовил еще бульона, подогрел его и выпил, добавив еще чашку чая, вот и весь завтрак.

Хлебные изделия начинают забываться, сегодня достал 10 граммов соли и полакомился соленым бульоном. Соль у нас в настоящее время исключительно дефицитная, и достали мы ее случайно.

Наше окружение должно быть записано в историю, в историю военного искусства и вообще в военную историю.

Вчера было собрание подразделения, оно было весьма оживленным.

Перед обедом помылся, немного отдохнул и после этого ничего не делал, да и сил уже нет что-либо делать. Сегодня мне объявили, что младший комсостав будет ходить на посты в траншеи. Мне назначили два дежурства: 31.01 и 3.02.

Сегодня обед был значительно хуже, чем вчера, лишь порция жидкого вермишелевого супа, примерно полкотелка, в котором была, может, ложка лапши. Правда, мне удалось получить еще дополнительную порцию. Густую часть супа оставить на ужин, добавлю туда бульон из конины и выпью вместо чая.

По правде говоря, теряется надежда на спасение. Это приводит к отчаянию. Сегодня освободили Павлова от военных обязанностей. Самолеты днем не летали, так как погода была неблагоприятная. Белофинны целый день обстреливали наш участок. Ходят слухи, что финны понемногу отдалаются. Вероятно, где-то готовятся к решительной атаке.

Наши подразделения сегодня не были особенно активны. Перед ужином вел беседу на тему: «Быть до последнего дыхания верным своему народу и родному советскому рабоче-крестьянскому правительству».

Сейчас хочу приготовить ужин и лечь спать. Приходится много думать о себе, будущей судьбе, и все время вертится мысль, что я не увижу свою семью и они меня — ни Лиза, ни Таня, ни Светлана. Вот, кажется, все за истекший день.

Да, сегодня почистил винтовку, высушил портянки и постирал полотенце. Ночью, видимо, придется сходить и проверить все посты и наблюдательные пункты. Заодно попытаюсь достать на завтрак бульон из конины, скоро и его не будут давать.

Гриц».

31.01.1940 г.

«Южная зона п. Леметти. В 3 часа приготовил сегодняшний завтрак. Спал совсем мало. Приходят разные мысли и

главная мысль о пище, потому что ее больше нет. В 7 часов дали бульон из конины, и я оставил его на вечер. Была надежда и впредь продолжать есть завтрак и ужин, но в мире много пошляков, подобных Штатнову и Звягинцеву, которые пустили слух, будто я получаю питание на всю землянку, сам съедаю все. Но это ложь, такого не бывало. Этот ложный слух дошел до ушей командира роты Грачева и политрука Купцова. Последний, вообще, несмотря на то, что он политрук, бескультурный человек. Зачастую он грубо относился к солдатам. Поэтому с сегодняшнего дня буду готовить ужины и завтраки и начну лечение голодом. И все из-за этой проклятой компании. Пусть будет так, я чувствую, что атмосфера вокруг меня сгущается, но почему, этого я не знаю.

Сердце у меня все больше и больше сжимается от боли, и это все сильнее ухудшает мое общее состояние. Если это будет продолжаться и впредь, то я потеряю окончательно свои силы, исключительно из-за этой боли. Все это происходит из-за того, что я попал впервые в такую ситуацию за последние пять лет.

Недостаток хлеба и непрекращающийся голод. Кроме того, я команду незнакомым подразделением (БТ-5, БТ-7), где группа механиков знает дело лучше меня, и поэтому я нахожусь здесь, как овца в чужой отаре. Все эти обстоятельства приводят к тому, что я должен бесцельно тратить свою жизнь. Зачастую от меня нет никакой пользы для общего дела.

Погода сегодня морозная, финский таежный лес весь в инее. Чувствуется пустота, безжизненность. В части жизнь замерла, движения почти не заметно, и это тоже сильно искажает положение.

Сегодня идет артиллерийская подготовка со стороны Леметти. Нет никаких сведений о продвижении наших частей к нам на выручку, все идет слишком медленно, и поэтому кажется, что нас забыли совсем.

Но нет, все-таки помощь придет. Вот и все пока. Продолжу потом, после обеда.

Еще раз следует сказать, что наше окружение должно войти в историю. В то же время это исключительно серьезное военное и жизненное испытание. Это испытание, которое прошел лично.

Вечером копал братскую могилу и потом дежурил в траншее.

Гриц».

* * *

Вот листок из тетради, в котором начато письмо жене:

«Лиза, шлю тебе свой пламенный привет и добрые пожелания, а также привет Тане и особенно Светлане». На этом письмо заканчивается. На следующей странице снова письмо.

«Добрый день, Лиза, во-первых, разреши мне выразить тебе пламенный привет и пожелания счастья в твоей жизни, а также привет Тане и особенно Светлане, поцелуй ее за меня. Лиза, я хорошо добрался до места назначения 30-го вечером. Нам дали квартиру, но она не из лучших. Насчет питания порядок такой: утром в ресторане завтрак, стоимость 3 рубля, обед — 4 рубля, ужин тоже в ресторане — 3 рубля. С командировочными дело обстоит плохо, говорят, что будут платить только половину от положенных. Почему так, не знаю, но во всяком случае дело обстоит так. Что будет дальше, увидим. Наше расположение далеко от станции и от Киева». На этом письмо прерывается.

1.02.1940 г.

«Всю ночь с 22 до 8 часов утра был на посту в траншее. Дежурство прошло спокойно. Финны обстреливали мало. Было очень холодно, тесная землянка, и отдыхать можно лишь сидя или стоя, но мы к этому уже привыкли, и особенно во время 40-дневного окружения.

В данный момент сижу в землянке, горит маленькая электролампочка, топится печка. Но все-таки холодно, хотя организм к этому привык. Эти строчки пишу самодельным карандашом, сидя.

Вокруг меня сидят и обогреваются командир роты с политруком, а также дежурные из охраны танка. В землянке слышен негромкий говор.

Водитель танка Звягинцев и раненый Платонов где-то из-под снега раскопали что-то съестное и теперь, подогрев его на печке, кушают.

Сегодня получил такой завтрак: выпил чай и съел порцию мяса, примерно 30 граммов, вдобавок разогрел бульон, разбавленный водой, и выпил его, но все это вода, только запах от консервов.

Вчера нам раздали сухарей по 50 граммов на человека, я съел их почти полностью, лишь чуть оставил на обед. После завтрака лег спать и проспал почти до двух часов, потом встал и начал писать эти строчки.

Обед будет лишь в 18 часов, так как финны в светлое время мешают даже обедать, поэтому все надо делать или в темноте, или в сумерках.

Сейчас пойду и порежу мясо, около 150 граммов, на мелкие кусочки, потом думаю испечь их в землянке Орлова и съесть, чтобы больше не соблазняло. Потом можно окончательно начать лечение голодом.

На обед сегодня была какая-то баланда, которую я не понял, кажется немного гречневой крупы и что-то еще непонятное. На ужин раздали сухарей по 50 граммов на человека, вдо-

бавок дали чай без сахара, или, как здесь говорят, «свадебной воды» плеснули. Таков мой ужин.

После ужина пошел к Орлову на пост, принес ему ящик винтовочных патронов. Взял с собой две консервные банки бульона из конины и одну банку мяса, которые подогрел и все съел, слегка погасил чувство голода.

Вечером была слышна активная стрельба из орудий, винтовок и пулеметов со стороны штаба. Пошел спать в 12-00.

Гриц».

2.02.1940 г.

«7-20. Южная зона п. Леметти. Сегодня утро исключительно холодное, мороз около -35° . Ожидается ясный день. Проснулся и встал с постели в 5 часов, холод не дал спать. Пришлось подойти греться к самому камину. С самой ночи слышна канонада наших орудий.

Вышел на улицу и именно в этот момент финны открыли огонь со стороны дороги. Одна пуля ударилась в снег у самых ног. Ужасное положение, когда пули летят, как комары летом, и, выйдя из землянки, в любой момент рискуешь быть убитым или раненым.

Утром Буряк достал для меня бульон из конины, это, вероятно, последняя порция, так как конина кончилась. Днем часто летали самолеты. Сбросили много продуктов, около 70 пакетов. Кроме того, крепко бомбили белофиннов.

На нашем участке финны не проявляли особенной активности, лишь изредка автоматные очереди да зенитный огонь. Ничего неизвестно о боевых действиях частей, идущих к нам на помощь, но, очевидно, они продвигаются.

Сегодня получил обед в 18-30. Перед этим дал помощнику повара табаку, за это он налил мне полный котелок бульона и дал еще гуши, так что обед был на славу.

Вечером отправил (?) задержанного и приговоренного к расстрелу Молчукова.

Не оправлялся с 25.01. Сейчас пойду спать до 11 часов. Со стороны финнов все спокойно.

Гриц».

3.02.1940 г.

«Ночь была холодная. Был на дежурстве с 24 часов до 3-х часов и в это время проверил посты Орлова и политрука Ануфриева. Все было безупречно. У Орлова согрел консервную банку бульона и выпил его.

Проснувшись утром, получил задание раздать роте порции мяса — по 15—20 граммов на бойца, после чего сам выпил оставшийся с вечера бульон.

Слушал приговор № 8 Военного трибунала — 55, по которому Тимошенко приговорен к расстрелу.

Наша артиллерия открыла огонь по противнику. Мороз около -35° . Прекрасная летная погода, и наша авиация будет активно действовать.

На обед был жидкий гречишный бульон. Я получил его 3 порции. Кроме того, получил 60 граммов сухарей и 60 граммов сахара на трое суток. После ужина пошел на пост в траншею на передовую. Дежурил 5 часов. Ночь прошла сравнительно спокойно. Со стороны штаба всю ночь слышна была винтовочная стрельба. К нам прибыли солдаты из 1-го батальона. Они проползли через кольцо окружения.

Гриц».

4.02.1940 г.

«Пришел с поста в 8 часов. Хочу лечь спать, если удастся. Поступило сообщение, что начнется наступление частей, идущих к нам на помощь.

Сегодня ожидается прорыв на участке нашей дивизии, так как у противника нет другой возможности.

Спал до обеда. Следует признать, что жалко и досадно, когда узнал о гибели 1-го батальона. Теперь наша очередь, 1-й батальон расформирован, командир 1-й роты убит, и лишь некоторые счастливицы остались в живых, героически пробившись к нам.

Сегодня особенно часто вспоминается семья, дорогая Лиза и дети — Таня и Светлана. Ведь эти воспоминания и боль в сердце из-за того, что, возможно, я их больше никогда не увижу. Если не убьют, то надо выдержать ежедневный голод. Все тело охватила дрожь от бессилия. Скоро я не смогу ходить. Надежда на спасение исчезла совсем. Идет уже 4-й день, однако, ничего не слышно о безусловном продвижении наших войск.

Обед был в 18 часов — что-то наподобие горохового бульона. Выпил его, смешав с чаем. Такая пища приводит к тому, что уже несколько дней не могу оправиться.

После обеда снова дежурил до 4-х часов. Во время дежурства пришлось принимать снаряды для орудий. Тут опять проявился грубый характер Купцова. В нем совсем нет чувства товарищества. У меня бывают с ним часто стычки.

На ужин поел супу, разбавленного чаем, который был не лучше воды.

Вечером пилил дрова для печки, делал другие мелкие дела, ремонтировал дверь и т. д.

Сейчас хочу пойти к Орлову и Ануфриеву на склад боеприпасов.

Противник в течение дня иногда стрелял из орудий.

Гриц».

5.02.1940 г.

«Встал утром в 8 часов, дали чай и 10 граммов конины на завтрак. Раздал порции и другим бойцам и затем выпил чай. Около 11 часов согрел смесь: гречиха, горох, макаронны, мясо, лук, крошки сухаря, кубики украинского борща, — все это сейчас варится и получается своеобразный суп, но с одного взгляда не узнать, что в нем есть. Потом этот суп разбавлю чаем и вылью в желудок.

После завтрака отдохнул. Сейчас сзади слышна артиллерийская и пулеметная стрельба, что вызывает надежды на освобождение.

Погода сегодня облачная, нелетная. Идет мокрый снег. После обеда пришел приказ завести машину Шаповалова к 21 часу. Но на это дело нужны силы, которых нет совсем, идешь и шатаешься на ходу, поэтому машину завели лишь к 24 часам. В 18 часов прошел слух, что наши части приближаются. Правда то, что группы разведчиков были на расстоянии одного километра от нашего расположения. Была интенсивная перестрелка с обеих сторон. Пускали сигнальные ракеты. Однако приход наших частей задерживается. С 24 часов пошел на дежурство, где пробыл до 4-х часов, после чего лег спать.

Весть о приближении наших частей принесла радость, но в то же время приходит печаль и теряется надежда. Совершенно ясно, что я не увижу тот миг, когда придет освобождение. Я совершенно обессилел. Дела крайне плохие, и не знаю, как я выдержу это положение.

Гриц».

6.02.1940 г.

«12-00. Сегодня летная погода, начинает действовать наша авиация. Возможно, сбросят продукты. На завтрак был бульон с сахаром. Налил полный живот чаю и потом бегал на улицу «отливать». В 11 часов машину Шаповалова послали в бой. Слышна артиллерийская и пулеметная стрельба, правда далеко.

Сегодня объявили, что наши главные силы вышли из Уома в направлении нашего расположения. Со стороны Питкьяранты наши войска находятся на расстоянии 2—3 км. Но такие сообщения мы слышали уже несколько дней, поэтому их нельзя считать надежными.

Сегодня опять хочу помыться, раз в 10 дней. Кажется, что каждый боец и командир в настоящее время беспокоится лишь о своем благополучии, запасая для себя кости, потроха и вообще все, что кажется мало-мальски пригодится в пищу, не обращая особенно внимания на качество. У всех кончаются силы. Сейчас 16 часов. Сажу в землянке без дела. Тоска овладела мною, и живот совершенно пустой. Из-за этого дрожит все тело.

Вокруг печурки при бледном освещении сидят бойцы и жарят конину. Часть из них с большим аппетитом едят это мясо, другие ходят по расположению, собирают кости, чтобы высушить их на огне и с жадностью съесть. Некоторые бойцы, несмотря на голод, моются в землянке. Кто-то отдыхает после дежурства.

Сию среди этой разношерстной компании и не могу успокоиться, надо что-то записывать.

Сейчас слышны оружейные залпы и пулеметные очереди. Изредка слышны очереди финских автоматов. Нет никакого желания что-то делать, да и сил нет. Состояние здоровья плохое. Чтобы его восстановить, надо бы, как минимум, месяц отдохнуть.

Часто приходит мысль, что если бы случайно остался в живых, то вряд ли даже после этого освобождения приобрел бы покой. Скорее всего, служба продолжится, несмотря на то, что наши бойцы совершенно обессилены.

До обеда (18 часов) еще 2 часа, и, поскольку нечего делать, решил прилечь, возможно даже усну, хотя голодному не спится. Сегодня удалось оправиться.

Пишу после обеда. Получил порцию какого-то жидкого питья, очень немного. Следует сказать, что это был не обед, а что-то неопределенное, и голод продолжается. Вечером надеюсь наестся досыта. Спать пойду поздно, так как остался один дежурить. Во время обеда выпустили три зеленых ракеты.

Все время голодный, с жадностью съел бы хоть конины, но и ее нет. Пока что финны не стреляют.

Около 24 часов началась КРХ-стрельба на нашем участке. Продолжу дежурство до 2-х часов, и лишь тогда, видимо, отпустят на отдых.

Гриц».

7.02.1940 г.

«Южная зона п. Леметти. КРХ постреливает изредка. Около нашей землянки произошло 9 взрывов. Редкие выстрелы в сторону нашей кухни, в направлении света. Со стороны Питкяранты слышны оружейные выстрелы, правда далекие.

В землянке шофер Звягинцев варит кишки и остатки от забоя и кушает свое варево. Я и сам согласился бы на это, но это «занятие» мне совсем не подходит. Возможно, что я буду вынужден тоже есть это, так как мои запасы иссякают, несмотря на то, что я пользуюсь ими исключительно экономно. Быть может, их хватит дней на 10. Потом придется переключаться на одну воду. Жизни хватит примерно до 15—20.02., а потом, если не убьют, придется просто умереть голодной смертью, и исключительно из-за того, что это никого не касается.

Кое-кого наградили, но меня никто не замечает. Особую

роль в этом сыграл Купцов. Вчера он сказал мне: «Тебе не стыдно просить пищу?» Такой уж у него характер. На этом все о минувшем дне. Ложусь спать в 2 часа.

Спал плохо, так как в землянке было холодно. Встал окончательно в 7 часов. Сегодня завтрак еще хуже, чем вчера — суп из конских ног, в котором нет даже запаха мяса, одна вода и то совсем мало. Пил чай, который заварил покрепче, с сахаром. На завтрак дали примерно 20-граммовый сухарь вместо положенного 35-граммового. Съел сухарь и даже не почувствовал, что съел что-нибудь. Питание ухудшается с каждым днем. По утрам чувствую головокружение. Положение с табаком тоже ухудшается. До сих пор кое-как курил бывшую в запасе махорку, но теперь и она кончается. Что буду делать потом? Курю редко и очень тонкие самокрутки. Но у меня в запасе еще 8 штук папирос «Норд». Их надо растянуть на три дня, курить пару раз в день, и вдобавок попробовать «стрелять».

Освобождение наше неопределенное и далекое, возможно 15—20 февраля, а может, еще позднее. В данный момент со стороны Питкяранты слышна артиллерийская и пулеметная стрельба, интервал между ними примерно 3 км, но на это нашим частям потребуется 10—13 дней, а возможно, и больше.

Эти записи могли бы быть короче, но когда не хватает сил, приходится больше сидеть, как это ни прискорбно. Поэтому пишу, чтобы провести время, так как это не требует физических усилий.

Финны молчат. Чувствуется тишина перед бурей. О продвижении наших главных сил пока не слышно ничего, но, очевидно, они медленно и с боями продвигаются в нашу сторону. Сегодня помылся. 12-го числа думаю побриться, может даже раньше, как вспомню и как позволят силы. Часы показывают 10-26, а я еще ничего не сделал.

О семье боюсь и думать, потому что каждый раз испытываю сердечные муки, размышляя об их судьбе, а также о своей. Возможно, в эти минуты Лиза думает обо мне, возможно, считает меня погибшим, может быть, вместе с детьми оплакивает свою и мою судьбу. Но может быть и такое, что она после приятно проведенной ночи веселится с кем-нибудь. Конечно, я надеюсь на ее верность. Но все же не бесконечно. Я знаю, что у нее совершенно нет денег, и она сильно задолжала и что они плохо питаются. Сейчас такое скверное и тяжелое положение, и оно еще будет продолжаться. Во всяком случае и ее жизнь не малина, хотя наверняка на 99% лучше моей, главным образом из-за питания. На этом все. Продолжу после обеда или ужина.

Лег, но голод не дает спать. Так пролежал около 3-х часов, потом возились с машиной. На обед дали жидкой гороховой болтушки, которая как будто немного подкрепила.

Получил 40 граммов сухарей, попытаюсь сохранить их на ужин и завтрак. Был дежурным в землянке до 2-х часов.

Ночью была перестрелка с финнами. На ужин попил чаю с мизерным кусочком сахара — 0,5 грамма. В 0-25 повторил такое же «блюдо» и погасил свой голод, быть может, на 2%.

Вечером финны обстреливали нас снарядами, но раненых не было. Поступают сведения, что наши части приближаются со стороны Питкяранты, но надежды очень слабые.

Гриц».

8.02.1940 г.

«Встал в 6 часов. Спалось очень плохо, с одной стороны мучил голод, с другой — холод. Эти две причины не давали сна. Думаю поспать днем, если будет возможность.

На завтрак попил голый чай, так как не было никакого бульона или супа. Лошадей всех поели. Утром дали по 35 граммов сухарей на человека и чай, но этого мало. Надо сказать, что дела с продовольствием плохие. Этого нельзя описать словами, это такой тяжелый случай. Скажу лишь, что никогда в жизни не испытал подобного и впереди неизвестно что.

Надежды на прибытие наших войск ничтожны, и поэтому не хочется жить.

Сегодня опять сообщили о награждении 3-х человек — Петрова, Макова и..? Меня опять обошли, хотя я много тружусь. Отпадает все желание работать.

Летчики сбросили продукты, но погода плохая. Финны обстреливают из пулеметов и автоматов. Со стороны войск, пытающихся пробиться к нам, царит полнейшая тишина. Нынче ожидается наступление финнов на нашем участке. Сегодня иду уже 3-й раз на пост в траншею, но и там не сладко — холодно и голодно, ноги мои едва переступают. От дежурства в траншее меня освободили, но назначили на пост около танка. Это заметно ухудшило мое положение, так как здесь надо пробить два дня без отдыха. Но что поделаешь. Такова наша судьба.

Сейчас 20.00, пойду на пост и будем сменяться через каждый час, так как мороз -30°. Ночь прошла нормально. На ужин был еще чай с сахаром, выпил котелок, но потом пришлось мучиться целый вечер, бегая каждые полчаса на улицу «отливать».

В 24 часа сменил пост и пробыл там 1 час. На этом закончу. Продолжу дневник в новой тетради.

Конец».

Из истории 201-й воздушно-десантной бригады имени С. М. Кирова

В первой половине февраля 1940 года часть получила приказ расположиться в районе Салми, занять оборону на главных направлениях коммуникации 15-й армии, питающей фронт. Фактически это была задача активных боевых действий, так как на расстоянии всего лишь двух километров от штаба армии находились белофинские отряды, которые своими налетами на коммуникации армии мешали бесперебойной работе фронта. Предстояла задача активных разведок и окончательной ликвидации белофинских отрядов, расположенных в этом районе.

Выполняя поставленную задачу, бригада на широком фронте (около 24 километров) заняла оборону и приступила к уничтожению финских отрядов. Тридцать семь боевых разведок, проведенных нашими бойцами в тылу белофиннов, и крепкая оборона коммуникации парализовали белофинские отряды, выбив у них инициативу активных действий на данном участке. Теперь необходимо было решительным наступлением отбросить эти отряды с полуострова Уксалонпя, острова Лункулансаари, с последующей очисткой их с острова Мантсинсаари.

11 марта 1940 года бригада получила боевой приказ, согласно которому первыми пошли в бой за овладение полуостровом Уксалонпя бойцы и командиры 2-го батальона. Появление первых бойцов на озере белофинны встретили ураганным огнем. Нельзя было поднять головы. Наша артиллерия и авиация, проводившие предварительную подготовку до наступления, не причинили особого вреда переднему краю обороны. Поэтому, скрываясь в деревянно-земельных укреплениях, белофинны имели громадное преимущество. Но воля бойцов к победе, безудержное стремление вперед захватило подразделения. Коммунисты и комсомольцы шли в первых рядах. У них слово не расходилось с делом. Перед боем секретарь партбюро Бараков беседовал с каждым коммунистом в отдельности, он говорил им: «Помните, товарищи, вы члены большевистской партии, а большевик должен преодолеть все трудности и победить врага». Он личным примером мужества и героизма воодушевлял бойцов. Когда замедлилось продвижение одного взвода, секретарь партбюро политрук Бараков со словами: «Смелей, товарищи!» — первый пополз вперед, увлекая за собой бойцов. Шальная пуля оборвала жизнь верного сына большевистской партии.

Старшина Виктор Воронов был дважды ранен в этом бою. Не обращая внимания на требования бойцов-санитаров выйти из боя, он продолжал ползти вперед, объяснив: «Интересы Ро-

дины превыше всего». Стиснув зубы от досады, истекая кровью, собирая последние силы, В. Воронов не покинул поля боя, пока не выполнил поставленную перед ним задачу. Бойцы-кировцы в стихах воспевали отважного воина:

*Впереди, заражая примером,
Крепко сжавши винтовку свою,
Виктор Воронов, славный товарищ,
Героически дрался в бою!*

Пулеметчик Илья Тумасов в этом горячем бою был ранен в голову. Несмотря на это, он зарядил второй диск и вел огонь до тех пор, пока не потерял сознания.

Долго не соглашался уйти в тыл и, уже изнемогая от потери сил, дал наконец согласие, сказав напоследок: «Товарищ командир взвода, я скоро вернусь».

Неистовство финнов доходило до предела. Пользуясь выгодным положением обороны, они ввели в бой все огневые средства. Из блиндажей непрерывно перекрестным огнем били из станковых пулеметов и автоматов. «Кукушки», засевшие на деревьях, обстреливали каждую цель, которая проявляла активность, а разрывы мин раздавались каждую минуту. Все это вызывало еще большую ненависть к врагу у наших бойцов.

На новую огневую позицию выдвигается со своим пулеметом младший командир Белых. «Теперь я дам вам жару, кровавые гады, — сказал он и, чуть улыбнувшись, продолжал, — слово предоставляется «Максиму». В его умелых руках пулемет был грозой для белофиннов. Ураганный огонь лихого пулеметчика заставил на время замолчать огневые точки. В этот момент подразделения свободнее продвигались вперед. Пуля ранила его в руку. «Это ерунда», — говорил пулеметчик, делая себе перевязку. И пулемет снова поливает свинцом финнов. Вторая пуля ранила в ногу, прорешечена в нескольких местах шуба, пробиты коробки лент, расколоты лыжи пулемета, но храбрый командир не ушел с поля боя.

Наступили решающие минуты боя. Вновь открылась артиллерийская канонада, с новой силой застрочили наши пулеметы, самолеты на бреющем полете прочесали белофинских «кукушек». Враг понимал, что дело идет к решительной схватке и каждую минуту усиливал огонь. Одна непрерывная дуэль, однако, не могла решить исход боя.

Группа бойцов роты старшего лейтенанта Хохлова и взвод лейтенанта Калашникова, пользуясь усиленным огнем своих бойцов, смело бросились на передний край обороны и забросали врага гранатами. Вслед за ними весь батальон бесстрашно пошел в атаку, захватил передний край обороны и перешел в

решительное преследование белофиннов, отступавших с полуострова.

Развивая дальнейший успех, батальон вскоре получил приказ о приостановлении военных действий в связи с заключением мирного договора между СССР и Финляндией.

По окончании боевых действий бригаде поставили задачу на перебазирование в г. Пушкин, по пути следования принять острова Мантсинсаари, Валаам, Коневец и передать их представителям Краснознаменного Балтийского флота. Бригада на три дня раньше срока прибыла в г. Пушкин.

3. Н. АЛЕКСЕЕВ, генерал-майор, бывший начальник штаба 18-й стрелковой дивизии

Дорогой Василий Федорович! Годы идут, домыслов очень много, со временем будет еще больше, но сейчас хоть кое-что можно опровергнуть, а по истечении большого периода времени и этого уже нельзя будет сделать.

В 1939 году непосредственно через г. Питкяранту прошла 168-я стрелковая дивизия. 18-я стрелковая дивизия прошла через Кяснясельку, Уома, Леметти и вышла в район Сюскиярви и Руокоярви.

Питкяранту в 1939 и 1940 годах никто не сдавал. Финны перерезали дорогу 168-й стрелковой дивизии западнее г. Питкяранты в районе каменоломни, и поэтому г. Питкяранта находился под огнем, так как финны окаймляли город с севера по высотам. Поэтому в городе ни наших войск, ни финских не было. Город обороняли тыловые части 168-й стрелковой дивизии.

В феврале 1940 года появились свежие части. Я знаю только о двух дивизиях. Это 11-я стрелковая дивизия, командир комбриг П. П. Борисов, который погиб и похоронен в г. Питкяранте. 25-я стрелковая дивизия (кавалерийская) спешенная (без коней) пришла из г. Пскова. Командовал ею Захаров (где он сейчас — я не знаю). И несколько лыжных батальонов. Все это возглавлял комбриг Коротеев. А потом была создана 15-я армия, командовал ею генерал-лейтенант Курдюмов.

Что касается 72-й стрелковой дивизии, то таковой я не знаю. Теперь в отношении командира 18-й стрелковой дивизии комбрига Г. Ф. Кондрашова. Расстрелян он в 1940 году правильно, ибо взяв самых здоровых и вооруженных людей, около 4-х тысяч, он их бросил на произвол судьбы, а сам под видом красноармейца с командиром взвода (адъютантом) припелся в хвосте моей колонны, и никому ни слова не сказав,

лег в госпиталь в Салми, где его случайно обнаружили раненые красноармейцы.

Судили его правильно, и приговор был вынесен правильный. Поэтому о реабилитации говорить не приходится, никто его не оклеветал, вопрос не политический, а чисто военный, оставил войска на поле боя, а сам бежал, какая может быть реабилитация. Судили в 1940 году за дело, на месте.

Теперь, что касается меня лично. В должность начальника штаба 18-й стрелковой дивизии вступил в декабре 1939 года вместо погибшего до меня. А до этого я был начальником оперативного отдела 56-го стрелкового корпуса. В июле 1944 года я командовал 272-й стрелковой дивизией при взятии г. Питкяранты.

О Г. Ф. КОНДРАШОВЕ — командире 18-й стрелковой дивизии

Чтобы поставить точку, обратимся к воспоминаниям. Выдержки из писем очень кратки.

Первое письмо сына Г. Ф. Кондрашова, Владимира.

«Получил Ваше письмо, спасибо. Сразу же должен Вас огорчить — я не командир 18-й стрелковой дивизии полковник Г. Ф. Кондрашов — я его сын. И много Вам сообщить о событиях 1939—1940 годов я не могу. В то время был слишком мал, чтобы интересоваться подробностями. Но еще жива моя мать — вдова командира 18-й стрелковой дивизии. Она кое-что знает более подробно, хотя фамилии и факты не помнит — слаба память.

Мне известно, что в 1940 году было утеряно знамя 18-й стрелковой дивизии, вследствие чего дивизия должна быть расформирована. Вам очень бы смог помочь Геннадий Фиш. Очень жаль, что он не отвечает. Со своей стороны хочу сообщить то, что знаю о 18-й стрелковой дивизии. Штаб ее базировался в Петрозаводске, там стоял один полк, другой полк стоял в Медвежьегорске. Где были остальные части — не знаю.

Отец, Григорий Федорович Кондрашов, принял командование этой дивизией в начале 1939 года. Вышел из окружения в конце февраля или начале марта с одним своим ординарцем. Выходили малыми группами. Знаю, что вышла одна такая группа в количестве около 100 человек. За успешные боевые действия дивизии в начальный период войны отец был награжден орденом Красного Знамени, а в феврале ему присвоили звание комбриг, которое в марте заменили на генерал-майора. Вот все немногое, что я знаю.

С уважением, В. Г. Кондрашов».

Второе письмо.

«Вы, оказывается, знаете больше, чем я. Я так и предполагал. Поэтому и написал Вам в надежде узнать что-нибудь новенькое. Очень бы хотел встретиться с З. Н. Алексеевым, сообщите мне его адрес.

В отношении утери знамени дивизии — да. Г. Ф. Кондрашов был арестован и расстрелян за это. З. Н. Алексеев и другие этого избежали. Очевидно, отец взял всю вину на себя. А может быть, и другое что — не знаю.

В феврале 1969 года отец был реабилитирован. Матери прислали его орденские книжки и другие реликвии...

В. Г. Кондрашов».

Письмо третье.

«Очень благодарен за сведения о 18-й стрелковой дивизии, у меня они весьма скудные. Мне было 11 лет, когда началась советско-финляндская война, и я в последний раз видел отца. В то время я не интересовался историей дивизии, и лишь позже из Истории Великой Отечественной войны (т. 1) узнал, что она была сформирована в Архангельске в 1919 году. У меня мало что осталось с тех далеких времен. Даже последней фотокарточки отца нет. Поэтому посылаю самую последнюю, еще полковника. Ни документов, ни орденов его нет. Так что прошу извинить. И рад бы помочь, но нечем.

В. Г. Кондрашов».

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

**Иван Алексеевич ИКОННИКОВ,
бывший начальник штаба
56-го стрелкового корпуса, ныне генерал-майор**

«В блокаду попала только 18-я стрелковая дивизия, расчлененная на 11 отдельных блокированных гарнизонов. Дивизия в блокаде просидела почти всю войну, понесла большие потери — ее остатки 1237 человек вывел из блокады З. Н. Алексеев.

Командир 18-й стрелковой дивизии полковник Г. Ф. Кондрашов, бросивший на произвол судьбы дивизию, был без суда и следствия расстрелян в Салми».

**Тимофей Прокофьевич ЛЕСНЯК,
бывший инструктор политотдела
56-го стрелкового корпуса**

Штаб 56-го стрелкового корпуса был в Кяснясельке, командир корпуса — Черепанов (застрелился). После самоубийства

командира корпуса Черепанова, после разгрома 18-й стрелковой дивизии командиром корпуса стал Константин Аполлонович Коротеев, начальником штаба — И. А. Иконников.

Что касается командира 18-й стрелковой дивизии Г. Ф. Кондрашова. Он изменил первоначальному плану по выходу из окружения. Прорвав кольцо блокады, группа З. Н. Алексеева в составе 1250 человек, в которую вошли наиболее ослабленные бойцы, выходила первой. Группа Г. Ф. Кондрашова, около 3,5 тысячи, была более сильной, должна была идти следом за первой, сдерживая противника. Изменив первоначальному плану, Г. Ф. Кондрашов повел свою группу другим маршрутом, по дороге на Кяснясельку, надеясь еще раньше выйти в Уома, так как здесь стоял 4-й пограничный полк и базы снабжения. Противник разгадал замысел и устроил засаду в районе Лавоярви, где огнем из пулеметов и автоматов уничтожил всю группу. Г. Ф. Кондрашов, видя безвыходное положение, бросил группу, а сам вместе с адъютантом скрылся, за что и был без суда и следствия расстрелян. Наведа справки, выяснил, никакой реабилитации не было и не могло быть.

Теперь по существу вопроса об общей нумерации братских могил воинских захоронений 18-й стрелковой дивизии. Такой нумерации не было. Дело в том, что в полосе наступления 18-й стрелковой дивизии действовали не только ее войска, но и другие части (34-я легкая танковая бригада, 4-й пограничный полк и др.). Однако весной 1940 года с целью учета нумерация братских могил, находившихся вдоль дороги Кясняселька — Леметти, кажется проводилась.

Г. ФИШ, В. ХОЛОДКОВ

История Кати Андреевой

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество военфельдшер Екатерина Семеновна Андреева — девушка-колхозница из Новоторжского района Калининской области, пришедшая в армию добровольцем, была награждена медалью «За боевые заслуги». Ее повествование о днях боевой жизни, дополненное товарищами, мы записали и литературно обработали.

Авторы.

«Я в одной книжке читала, что человек даже и не представляет, сколько он может вынести, а если бы ему заранее сказали, то он бы удивился и не поверил.

Про все, что мы пережили, попав в окружение белофинов, можно очень много рассказывать, но я лучше вам расскажу по порядку.

Пришла я в райвоенкомат и попросила, чтобы меня приняли добровольцем в Красную Армию.

— А ты кто такая?

— Кончила я в Ленинграде школу медсестер, целый год в больнице работала, а теперь, видя такое положение, прошу зачислить меня в часть.

В армию меня приняли, присвоили звание военфельдшера и выдали сапоги, гимнастерку, шинель. Назначили меня в часть на самой границе Карелии фельдшером в полевую автопекарню.

Шли осенние холодные дожди, когда мы пробирались к границе. Грязь налипала на сапоги, и тяжело было передвигать ноги. Наша часть стояла в лесу, жили в наскоро сделанных землянках и шалашах. В землянки струйками текла мутная вода.

Работники полевого хлебозавода имели брезентовые палатки, а в той палатке, где выпекали хлеб, было даже жарко: там работали две автопечи на форсунках, и каждая из них выпекала по десять тонн хлеба в сутки. Пекари работали налегке, в белых халатах.

Приказ о переходе границы мы встретили с радостью. Досадовали только на то, что обозы задерживали наше продвижение вперед. Хотели расположиться поближе к передовым частям: так было удобнее снабжать бойцов свежим хлебом.

Вскоре и наша автопекарня продвинулась вперед вслед за наступающими частями. Мы даже и не заметили того места, где раньше была граница. Дорога будто с трудом протискивалась между двумя стенами леса. Она была узкая, снег не был укатан и утопан, а по сторонам он лежал пушистый и глубокий. Природа в этих местах хорошая, но мы не имели времени любоваться ею.

Из частей за хлебом приезжали грузовики. Хотя мы и продвигались, но свои двадцать тонн должны были давать. И давали. И никто не жаловался на качество нашего хлеба.

Я ходила по палатке пекарни, смотрела, хорошо ли выскоблены чаны, чистая ли в них вода, и действительно ли белые халаты у пекарей. В сумке у меня были ножницы. Увижу у пекаря длинные ногти, сама тут же и обстригу. К этому все привыкли, и как только пекарь видит, что я на его руки внимательно гляжу, сам мне протягивает — стриги!

Вся жизнь была на морозе. А если умываться холодной

водой на ветру — руки стынут. Ну, и частенько пекари «забывали» умываться. Я за этим следила и напоминала им. Сначала они сердились на меня, но потом привыкли и всегда слушались, хотя я по возрасту была самая младшая, ведь я родилась в двадцатом году. А кроме того: йодом ли ранку залить или перевязку сделать, температуру ли смерить — опять ко мне. А всех у меня в автопекарне бойцов, пекарей и шоферов было семьдесят человек. Так мы работали и продвигались вперед.

В стороне от дороги лежали небольшие деревянные ящики. Вроде почтовых. Это были мины. Их убрали наши саперы. На дороге мы видели квадратные ямки-гнезда, откуда были извлечены эти мины. Но случилось, что саперы, продвигаясь вперед с разведкой, не нащупывали всех мин. И мы беспокоились, как бы не подорваться на пропущенной.

Идя по дороге, мы старались легко ступать, а когда темнело, мы двигались еще осторожнее, а темнело очень рано, ведь это было самое темное время года — середина декабря. Так мы пришли в деревню Л. От деревни остались только название да печные трубы. Тут мы остановились. «Куда завод поставить?» — спросила я. «В лес за деревья, подальше от дороги», — ответил мне командир. «А откуда воду брать?» «Из проруби на речке»... Мы стали работать в лесу в палатках. Сверху на брезент положили ельник: надо было маскироваться, так как вокруг летали неприятельские самолеты.

Жили мы вначале в риге, но там было очень холодно, и ночью знобило так, что стучали зубы, и мы не могли уснуть. Тогда в лесу возле пекарни вырыли землянки. Печки сделали из кирпичей. Разобрали для этого трубы сожженных изб. Над нашим жильем с хриплым гудением проносились снаряды. Мы слышали, как они разрывались далеко, и были спокойны: это была наша артиллерия. Совсем близко от автопекарни шла перестрелка. Она начиналась утром отдельными дробными выстрелами, которые днем сливались в сплошной рокот.

Скоро я и научилась отличать в этом рокоте звук финского автомата от выстрелов винтовки и ручного пулемета. Бои шли в километре от нас.

Помню 6 января я отправилась на полевую почту за письмами. Почта помещалась очень близко. Когда я шла, совсем рядом раздавались выстрелы. Я услышала свист пуль, но не обратила внимания, так как думала, что это наши бойцы прогревают пулеметы или пристреливают оружие. А на самом деле это был налет белофиннов. О нем я узнала на почте и в обратный путь пустилась бегом. Бежала я еще и потому, что хотелось поскорее прочитать письмо от младшего братишки Коли. Читала я наспех: в землянку пришли сказать, что есть раненные, и надо было торопиться.

С 8-го января наш лагерь находился под непрерывным обстрелом. Стреляли со всех сторон. Пули дырявили брезент палаток, звякали в железо печей, попадали в тесто и застревали в свежеиспеченных буханках. Первый пекарь был убит, другой ранен. Пекари держали винтовки под рукой тут же в палатке.

Такие обстрелы происходили по несколько раз в сутки. Подойдут на лыжах лесом, обстреляют, и снова тихо... Но мы работу не бросали: по-прежнему приезжали к нам за хлебом... Следя за отпуском хлеба, я говорила: «За качество я ручаюсь, но если в хлебе попадется пуля, за это мы не отвечаем».

Налеты на наш лагерь становились все чаще и чаще. Пекари стали выходить из строя. И хотя муки оставалось еще много, но печь хлеб не было никакой возможности. 13 января мы перестали выпекать хлеб. Да его и меньше стали от нас требовать. Дорога, по которой приезжали к нам за хлебом, была перерезана, лагерь окружен.

Теперь я уже работала по своей специальности. В нашем лагере было человек сто раненых. Они помещались в пяти землянках. Я обслуживала землянки и затем переползала по льду через речку, где меня тоже ждали раненые. Ползешь и видишь, как по снегу чиркают пули...

В ночь на 21 января мы снова стали выпекать хлеб. Но смогли дать только одну выпечку, потому что враг начал бить по пекарне из своих орудий и строчить из автоматов. Пули падали на пол прямо у ног, около самих печек. Все наши пекари и шоферы взяли винтовки и залегли в вырытых в снегу окопах. Вместе с другими бойцами они занимали круговую оборону, и очень редко кому удавалось в течение дня забежать в землянку погреться.

Мне приходилось лечить такие раны, о которых я раньше и не знала. У меня были раненые разрывными пулями, с переломами костей и серьезными ранениями в голову. А я до сих пор работала в больнице сестрой в урологическом отделении. Здесь же пришлось кроме перевязок накладывать шины, вправлять кости и даже делать операции. Вначале я не решалась, но что делать — надо же людям помогать. Работала и за врача и за сиделку, сама кипятила воду и давала раненым пить.

Вскоре кончились медикаменты и бинты. Собрали все чистые портянки, разорвали чистое белье, чтобы было чем перевязывать раны. Из лагеря уже никуда нельзя было выбраться. Наши день и ночь сидели в окопах, отстреливаясь и отбивая атаки. Белофиннов было много. И все время к ним подходили свежие силы.

4 февраля они открыли сильный огонь из минометов и стали бить по землянкам фугасными снарядами. Они потеснили

нашу оборону и заняли часть окопов. Тогда мы решили прорываться к своим, соединиться с соседним лагерем, правда, он также находился в окружении, но там было много бойцов и вдоволь боеприпасов. Предстояло пройти километр, но какой это был километр!

Как стемнело, командир сказал: «Ну, Катя, собирай своих раненых». Я пошла по землянкам. «Собирайтесь, — говорю, — прорываться будем». А сама боюсь, что они подняться не смогут. Но как только узнали, что мы уходим отсюда — все встали. Девяносто три раненых вышли из землянок, многие с оружием. Построились. Впереди встали здоровые. Каждый кроме оружия по буханке хлеба взял. А кто посильнее, тот и две захватил. У меня тоже в сумке буханка была. Двинулись вперед.

У нас было трое раненых, которые сами, без помощи, идти не могли. Я с ними встала позади колонны. У одного раздроблены кости рук, другой ранен в плечо, третий в ягодицу. Один обнял меня за плечи, и так, опираясь, шел. Другой держался за шинель.

Прорывались на ура, с криками и песнями, поддерживая свой дух и отпугивая противника: пусть думают, что нас много и все мы здоровые. А здоровых у нас было меньше, чем раненых. Автоматчики из лесу открыли огонь, и вся колонна легла в снег и в дальнейшем продвигалась вперед ползком.

Здесь я со своими 3-мя ранеными отстала. Им трудно было ползти. Я бросила свою буханку и начала подтаскивать одного за другим. А крики «Ура!» все больше удалялись от нас... И было темно, и глубокий снег, и страшные сугробы.

Дорогу совсем замело. Впереди кричали «Ура!», а нам нельзя было и слова сказать, чтобы не обнаружить себя. Потом мы поднялись. И я слышала у дороги шорох лыж по снегу. А мы без оружия. Тогда я закричала: «Шестой батальон — направо, пятый — влево, гранаты и пулеметы — к бою! За Сталина, за Родину, вперед!» Мы видели, как мимо пролетали пули, и след их светился в ночном воздухе. Было страшно... Наверное, противник думал, что нас много и притаился. Так мы шли, пока не натолкнулись на тела убитых товарищей. Тогда мы свернули с дороги и стали пробираться лесом, держась боковой тропы.

Сколько мы шли так, я не знаю, пока вдруг не набрали на шалаш. Там шел разговор. Один из моих раненых, карел, сказал, что это финны, и они чистят свое оружие.

— Кричите, — сказала я раненым.

— Сил нет, — шепчут они.

— Ну тогда вас убьют...

И все мы закричали «Ура!». Финны выскочили из шалаша и побежали в лес, их было двое. Я зашла в шалаш взяла финскую махорку, и мы пошли дальше.

В лагерь мы пришли еще до рассвета, к шести утра, и там все были рады, что мы остались живы. Когда совсем рассвело, надо мной стал посмеиваться начальник санитарной службы военврач II ранга Вознесенский, потому что у меня из брюк торчала вата — в ватных шароварах застряла пуля. И еще потому, что я командовала «пятым и шестым батальонами». Я не знала, что в полку только три батальона. А командир сказал: «Ай, да молодец! Не будь я командир, если ты не поедешь к Калининну».

Землянки здесь были лучше, чем наши, крепче: низкие, потолок в два наката бревен, а сверху слой земли и снега. Да иначе и нельзя было, потому что финны били сюда из тяжелых орудий.

В землянках были и другие девушки: Валя Андриенко — корректор из газеты «За советскую Родину», Надя — ветеринарный фельдшер, Нюра Костомарова, Коврайская — машинистка из штаба и Аня Смирнова. Все они были очень славные, и мы быстро подружились. У Н. Костомаровой и А. Смирновой мужья работали здесь же и находились в соседних землянках. Меня устроили на жительство в землянку, где жили женщины.

Вознесенский назначил меня начальником госпиталя, устроенного тут же, в четырех блиндажах. И мне, вместе с двумя санитарными инструкторами, пришлось ухаживать за сотней раненых. Мы стали наводить порядок. Всех заново перевязали, раны обмыли.

Землянки находились в разных местах, и приходилось весь день бегать по горушкам из одной землянки в другую. А весь лагерь наш расположился в лесу очень скученно и насквозь просматривался. Окружение здесь было посерьезнее, и вскоре из землянки в землянку стало возможным пробираться только в темноте. Днем же надо было сидеть, не вылезая. Когда появлялись раненые в других концах лагеря, я набивала сумку бинтами и по горушкам, то перебегая, то таясь, добиралась до тех, кому нужна была помощь. Вознесенский узнал об этом и запретил мне бегать под огнем. Но что поделаешь, если надо помогать.

Спать приходилось мало. Хотя я и молодая, и здоровая, но мне было тяжело спать всего по два-три часа в сутки. А больше редко когда удавалось: работы много и потом, разве долго уснешь, когда вокруг все время бьет неприятельская артиллерия и минометы.

Снаряды рвались совсем рядом, разворачивая мерзлую землю. Распыленная взрывами земля оседала поверх снега, и весь снег был вокруг темно-серым. Снаряды ссекали вершины деревьев и срывали ветки. И с каждым днем лес становился все прозрачнее, и никто бы уже не сказал, что мы живем в лесу. Так как мы были окружены, то о том, что делается на родине, знали только из самых сжатых телеграмм, которые прини-

мались походной радиостанцией и перепечатывались на пишущей машинке. Мы отбивали атаки, которые каждый день становились все сильнее.

Когда снаряды разрывались особенно часто и ложились поблизости от наших землянок, мы, девушки, запевали песни. Валя Андриенко хорошо пела украинские песни. Раненые подпевали нам, а кроме украинских песен мы пели «Раскинулось море широко», «Штурмовать далеко море посылает нас страна», «Дан приказ ему на запад»... А если кто-нибудь запевал «И никто не узнает, где могилка моя», его тут же обрывали. Наши песни разносились далеко, и их слышали не только красноармейцы, но и белофинны.

В другой раз в такие часы мы рассказывали друг другу все из своей жизни: и кто как учился, и кто как влюблялся, и какие были происшествя. Я больше слушала, потому что в жизни у меня еще ничего особенного не случилось, а о том, как я в детстве жила в деревне с родителями-колхозниками и как потом училась в семилетке, никому не интересно было слушать.

И еще говорили о том, кто какую бы еду сейчас съел. Чего только не перебирали, какие только обеды не заказывали! И галушки на сметане, и красный борщ со свиной, и баранину с картошкой и всякую всячину. Но как мы обрадовались, когда к нам в землянку связист В. А. Козырев принес записку с командного пункта. Жили мы все на одном пятачке, а виделись очень редко: нельзя было из-за огня ходить в гости к товарищам. Комиссар писал:

«Только для девушек».

«Милые девушки! Все, что можно, делаем для того, чтобы поддержать ваши силенки. Случайный кусок хлеба направляем вам, больше у нас ничего нет.

Напишите, как ваше самочувствие, не падайте духом, храбритесь! Думаем, что скоро как-нибудь выберемся из этой дыры». И при этой записке приложен был завернутый в бумагу кусок хлеба. Мы его разделили и каждая из нас получила ломтик.

Примерно раз в шестидневку В. А. Козырев нам приносил записки. Вот еще одна, ее Валя Андриенко сохранила.

«Девушки-голубушки! Извините, что так поздно беспокою, у меня коленки продрались на штанах, и задумал я починить их, но заплат не оказалось. Сделайте божескую милость! Не найдется ли у вас какой-либо темно-серой заплатинки, желательнo суконной. Выручите, пожалуйста, бедного грека. Крепитесь, голубушки, время все же работает на нас».

Связист Василий Андреевич Козырев был веселым и крепким бойцом, еще в восемнадцатом году дрался с Маннергеймом, когда меня и на свете не было. Может, кто-то подумает: «Ну, свя-

зист — ничего особенного!» А за что мы его любили и уважали? Все время под огнем и все время с шуточками... Раз пятнадцать в сутки от командного пункта до рации он ходил с шифровками, с пакетами и обратно с новостями для бюллетеня. А до рации было полтора километра. Нужна большая смелость, чтобы пройти туда хоть один раз, а он все время ходил. Километров тридцать в день под огнем набиралось... Где ползком, где бегом...

Патрульные спрашивают В. А. Козырева:

— Как дела, Василий Андреевич?

— На рацию иду, — говорит, — некогда.

Обратно возвращается, всегда подбодрит:

— Скоро нам освобождение придет.

Каждый понимал, что ему нелегко, и спрашивал:

— Ну, как, старина, ноги?

— Ничего, — отвечает, — до конца войны протопаяю.

Недаром его выбирали два раза в Петрозаводский Совет.

Не стало табаку, он и тут не унывал: первым начал курить мох. «В гражданскую войну еще и не так бывало», — приговаривал он и рассказывал разные случаи. Только один раз мы заметили, что он запечалился. Это было 16 февраля.

— Василий Андреевич, что с вами такое?

— Сегодня моей жене исполняется сорок лет, а я ей даже привета, письма не могу послать. Первый раз за всю нашу семейную жизнь такое вышло.

И так ему было обидно, даже слезы на глазах выступили. Нам тоже грустно стало и мы запели: «Где же ты, моя Сулико», он подтягивал нам сначала робко, а потом разошелся. «Связисты, — говорит, — хорошо знают все песни, — и стал дирижировать... — Вот и хор! Пойте, девушки, лучше».

И в это время снова началась атака. Наступали финские юнкера из Выборгской школы. Снаряды перестали рваться. Поднялась стрельба из автоматов, в лесу стали кричать и ругаться по-русски. Но в обороне у нас не спали, дали им жизни.

Мы тоже вылезли из землянок и услышали женские голоса и звуки бубна. Вместе с юнкерами шли женщины, пели песни и били в бубны. Юнкера надеялись взять нас с налету. Но не пришлось. Через час они повторили атаку с другой стороны лагеря, но и там наши бойцы оборону держали прочно. Боеприпасов у нас хватало. Артиллерийский обстрел на нас не действовал. Атаками они взять нас не могли.

Каждый день поступали все новые раненые, но бойцы наши держались стойко. Однажды, когда рассвело, мы увидели: на деревьях висят люди в красноармейских шинелях. Пригляделись и поняли, что это наши разведчики. Они должны были пробраться к главным силам, но на пути попали в руки противнику, и их повесили недалеко от наших окопов, думали таким образом запугать нас...

Белофинны в этот день кричали нам в рупоры: «Если вы не сдадитесь, все висеть будете!» В ответ на такие слова бойцы отвечали руганью и открывали стрельбу. «Плохо стреляете!» — крикнул один белофинн из лесу и обнаружил себя. Разведчик Кононов сразу же на голос бросил гранату. Юнкер привстал на снегу и упал уже навсегда.

Финский офицер прислал нашему командиру записку, ее сбросили с самолета. Он писал: «Коллега, сдавайтесь, иначе вы погубите ваших людей. Это не должно быть вашей целью. Если не вышлите парламентаря, в одиннадцать часов открываем огонь тяжелой артиллерии». И что ж, пришлось им открыть огонь из тяжелых орудий.

В этот час я шла из своего госпиталя делать перевязку раненым в другом конце лагеря. И рядом со мной, метрах в пятнадцати, разорвался тяжелый снаряд. Меня словно бревном ударило, швырнуло на землю. Пришла я в себя и поползла обратно в землянку, а вокруг было все тихо, тихо. Оказывается, я оглохла. Меня увидели подруги, испугались, вижу по губам, что спрашивают, а я ничего не слышу, и сама слова вымолвить не могу. Контузило. Очень обидно было ничего не делать в такое время. Ночь и день я не выходила из землянки. На вторые сутки вышла. Вижу — пули чиркают по снегу, а свиста не слышу и слова сказать не могу. Думали, что я навсегда оглохла. И вдруг на третьи сутки, рано утром, я услышала, как гудит самолет. «Надя, это наш самолет?» — спрашиваю. «Да, это наш», — громко сказала Надя, а сама рада и счастлива, что я заговорила и все слышу.

Это был не первый самолет, который прилетал к нам с продуктами. Пикируя, он сбрасывал мешки, в них было сало, масло, сухари, концентраты, сахар, табак, галеты. А белофинны в это время стреляли в него красными трассирующими пулями. Но так как мы помешались на пятачке, то самолету трудно было точно сбрасывать продукты, да еще под обстрелом, иногда случалось так, что мешок с дорогой едой попадал к неприятелю, а еще чаще ложился на снегу между нашими и финскими окопами.

Белофинны специально зажигали такие же сигнальные костры, как и мы, чтобы спутать наших летчиков. Сверху-то над лесом много не разберешь. Так и сейчас было... Один из санитаров побежал к мешку. «Куда бежишь, — говорю, — убьют!» «Двум смертям не бывать», — махнул он рукой и побежал к мешку, проваливаясь по пояс в снег. Но до мешка он добежать не успел: финский снайпер положил его с первого выстрела. И тогда мы увидели, как с финской стороны к мешку ползет их солдат. Наши тоже не дали доползти. Опять с нашей стороны полз боец. Его ранили. Потом снова от них. За день там набралось несколько человек убитых и раненых. Но в пол-

ночь один из красноармейцев все же сумел добраться до мешка и доставить его в наше расположение. В одном из мешков лежала почта: в армейской газете мы прочитали приветствия нашему отряду от Ивана Дмитриевича Папанина и экипажа ледокола «Седов». Нам было очень приятно получить от них привет.

Я снова принялась за работу. В землянках несколько дней было не топлено. Мы с санитаром вылезли по дрова. Нашли березу побольше. Снаряд подшиб ей верхушку и оборвал ветви, мы стали пилить ее под корень. На звук пилы откликнулись финские автоматчики. Вдруг наша пила сломалась. В березе засела пуля, она-то и обломала зубья нашей пилы. Пошли, отыскивали вторую пилу, и березу спилили. Дрова кололи прямо в землянках, и скоро раненым стало тепло, а на дым никто из нас не обращал внимания.

Утром опять была атака, и снова белофинны кричали нам разные слова, а затем пришел доктор Вознесенский и сказал:

— Ты, Катя, вечером подыми тех, кто может ходить...

— А что?

— Ночью прорываться будем.

Получили разрешение... Когда уже совсем стемнело, ползком, в полном молчании собрались мы все в заранее условленном месте. Мы так привыкли умело маскироваться, что и сейчас никто не сказал ни слова, никто не звякнул оружием.

Здоровых майор З. Н. Алексеев разбил на две группы: одни должны были идти вместе с ним впереди, другие — в хвосте колонны, на случай нападения с тыла. Прежде всего требовалось прорвать кольцо противника, окружавшего наш лагерь. По сигналу майора мы двинулись вперед. Шли тихо и было слышно, как бьется сердце и как дышат бойцы.

Враг не ожидал, что мы начнем прорываться, и поэтому нам удалось пройти незамеченными довольно близко к неприятельским окопам. Но шорох и дыхание тысячи бойцов выдали наше движение. В воздух взвились зеленые ракеты. И при свете этих ракет враг увидел нас и открыл огонь из пулеметов. Дальше таиться было ни к чему. Майор З. Н. Алексеев закричал: «Ура! Гранаты к бою! За Сталина!» И все подхватили его возглас. Я тоже кричала. И тоже, как и все, бежала к неприятельским окопам. Помню, вокруг нас рвались мины, рядом падали сраженные товарищи, в ушах звенело от пулеметного треска, но мы все-таки ворвались в неприятельскую оборону, в их ходы сообщений.

Все это для них оказалось столь неожиданно, что не успела подойти к ним из ближайшего лагеря помощь, как кольцо уже было прорвано. Мы двигались вперед, сжимая в руках гранаты и винтовки, раненые поддерживали друг друга.

Теперь под ногами была твердая почва, мы шли по дороге.

Но майор скомандовал: «За мной!» — сошел с дороги и сразу увяз по пояс в снегу. Я остановилась, не понимая, для чего уходить с хорошей дороги в сыпучий снег. «Ты, дорогуша моя, здоровая, — сказал майор З. Н. Алексеев, — ступай вперед, вместе будем тропу протаптывать». И я тоже сошла с дороги. Тут мы потеряли Вознесенского. Он упал раненный неприятельской пулей в живот, а когда мы наклонились над ним, он сказал: «Обо мне не заботьтесь, я врач и понимаю, что значит такая рана. Идите смело вперед, я уверен, что вы прорветесь, и когда дойдете до товарищей, будьте счастливы». И, вытащив наган, он застрелился, а мы пошли дальше. Снег был глубоким. Мы проваливались по пояс, снег оседал под ногами, и, сделав шаг, каждый чувствовал себя как в седле, и нужно было вытягивать ногу и высоко поднимать ее, чтобы сделав следующий шаг, снова провалиться и так продолжать двигаться вперед. После нескольких таких шагов сердце отчаянно колотилось и трудно становилось дышать. И хотя стоял мороз, рубашки прилипали к телу. Я сняла полушубок и бросила в снег, так и шла в гимнастерке. Другие поступали так же.

Майор все время подбадривал меня и говорил: «Ничего. Иди, иди, голубушка! Иди, милая». И я шла. Рядом шел спокойно, с шуточками В. А. Козырев и тащил тяжелую сумку. Я видела разведчиков Кононова, Анисимова. Здесь же были Валья Андриенко, политрук Клименко, редактор газеты Шульгин и много других хороших ребят. Мерзлые сучья царапали лицо. Шли молча, и только один раз З. Н. Алексеев сказал: «Жалко Вознесенского, хороший был человек!»

Иногда в лесу нам попадалась протоптанная уже тропа или лыжня. Но, даже если она шла в том направлении, в котором двигалась наша колонна, мы пересекали ее и уходили прочь по целине. Путь наш был извилист, мы шли к намеченной цели не напрямик, а делая неожиданные повороты, пробирались сквозь лесную чащу. Майор З. Н. Алексеев вел нас так, чтобы избежать встречи с противником. А как не хотелось сворачивать с тропы в сугробы. Какой приятной казалась уже протоптанная тропа, ноги так и тянуло к хорошей дороге. Но каждый раз майор говорил: «Не жалея пота, сбережешь кровь!» И эти слова обошли всю колонну. «Не пожалеешь пота, сбережешь кровь».

Так, увязая в сугробах, шли до рассвета. И когда, наконец, поднялось солнце, мы посмотрели друг на друга и увидели, какие стали — бледные, истощенные, немывтые, обросшие волосами.

З. Н. Алексеев шел впереди меня, его валенки были полны снега, потому что он первый шагал по сугробам. Снег в валенках таял, и ледяная влага морозила ноги. Подтянутый, никогда

не теряющий самообладания, он все время подбадривал бойцов. Но вдруг он остановился и сказал тихо, так, что слышали только те, кто был рядом с ним: «Не могу идти, окоченели ноги...». Тогда разведчик Анисимов сел на снег и стал стягивать с себя валенки. Он размотал свои шерстяные портянки и протянул их З. Н. Алексею: «Возьмите, товарищ командир», — сказал он, и, торопясь, сунул босые ноги в валенки.

В это время над лесом появились наши самолеты. Они искали нас и нашли. Мы стали махать им шлемами, и они отвечали нам покачиванием крыльев. Самолеты указывали нам направление, а затем уходили в сторону, заметив противника, открывали стрельбу, и мы знали, что там находятся белофинны. Тогда мы сворачивали в другую сторону. Так раза два нам приходилось сворачивать с пути, обходя опасные места. У З. Н. Алексея в рукаве был компас, по которому он все время проверял движение колонны, и мы не боялись потерять направление. Так мы шли семнадцать часов и наконец достигли линии фронта. Товарищи знали, что мы идем и, желая облегчить нам прорыв фронта белофиннов с тыла, бросили на то место, куда мы должны были выйти, полк...

И все же, когда подошли к фронту, на открытом болоте, поросшем мелким и редким можжевельником, по нашей колонне противник открыл сильный огонь. Напрягая последние силы, мы переползали опасное пространство. З. Н. Алексеев вдруг увидел за кустом станковый пулемет, возле которого никого не было. Услышав стрельбу, белофинны опротямью выскочили из землянки и бросились к пулемету, но майор З. Н. Алексеев опередил их. Если бы они добежали первыми, то могли бы перестрелять всю нашу колонну. «Стреляйте в них», — на ходу крикнул нам З. Н. Алексеев, торопясь первым добежать до пулемета. И это ему удалось. Майор бросился на него всем телом, ничком, грудью, спасая товарищей. Белофинны решили, что сейчас пулемет заработает и скрылись в кустарнике.

Но товарищ Алексеев стрелять не мог. Отдышавшись, встал, вытащил замок, и мы пошли дальше.

«Ну, сестричка, давай, давай, давай, — сказал майор, — уже совсем мало осталось!» Впереди показался холм. Мы взобрались на его вершину, и здесь были уже наши. Встречавшие нас совали нам в руки хлеб, папиросы, в глазах у них были слезы. Я вела бойца Гусева: его ранили в пути. Кто-то из бойцов увидел Гусева, бросился к нему, обнял и заплакал. А я говорю: «Не надо его расстраивать!» — а сама тоже плачу.

72-я Краснознаменная Туркестанская стрелковая дивизия

Командир дивизии — генерал-майор Павел Иванович Абрамидзе, комиссар дивизии — Иван Петрович Кабичкин.

По приказу командования Красной Армии 72-я стрелковая дивизия, освобождавшая Западную Украину, отправилась на финский фронт в конце декабря 1939 года. В первой половине января 1940 года прибыла в район Салми. А отдельный танковый батальон Рудакова почему-то двумя неделями позднее, 12 января 1940 года. Разгрузившись в Лодейном Поле, батальон прибыл в Видлицу в ночь на 13 января 1940 года.

Несмотря на то, что дивизии в районе Салми временами приходилось туговато без танкистов, командование решило задержать на несколько дней в Видлице батальон Рудакова, чтобы еще раз проверить его боевую готовность и подучить тактике ведения боевых действий вместе с пехотой в условиях горно-лесистой местности, зимой, с глубоким снегом и сильными морозами.

За четыре дня стоянки в районе Видлицы с утра до ночи, а то и ночью тренировали танки на преодолении высоких подъемов и крутых спусков, учили боевой стрельбе прямой наводкой и прорыву вражеских оборонительных сооружений, провели несколько тактических занятий в условиях гористо-лесистой местности.

Здесь же, на фронтовой материально-технической базе и артскладе, пополнились горючим, запаслись боеприпасами, продовольствием и даже получили небольшие, сборные железные печурки, прозванные бойцами ласковым именем «Шурочки».

Из Видлицы на Салми тронулись под вечер 3 февраля. На рассвете танковый батальон прибыл в распоряжение дивизии. Навстречу батальону вышли командир дивизии генерал-майор П. И. Абрамидзе и комиссар дивизии — полковой комиссар И. П. Кабичкин. Комдиву понравился доклад капитана и порядок, в каком батальон прибыл в дивизию.

С первого дня прибытия в дивизию батальон вошел в соприкосновение с противником. Происходившие здесь бои нельзя было назвать большими сражениями, но в то же время

они приносили немало жертв и требовали от воинов большого напряжения физических и моральных сил, особенно из-за природных условий: лесистые горы, кручи и лютый мороз.

На пути к г. Питкяранте, километрах в шести восточнее этого города, наступающим войскам противостоял узел сопротивления белофиннов. Центром узла была, окруженная горами и скалами, узкая долина, с раскинувшейся на ней деревней Люпикко.

Все проходы, не только в долине, но и в горах меж камней и скал, были заминированы и опутаны колючей проволокой в несколько рядов. В скалах доты и дзоты с пушками, пулеметами и с большим запасом боеприпасов.

В лощинах — «волчьи ямы», на деревьях «кукушки» — замаскированные белофинские снайперы. И все покрыто снегом, и ничего кроме снега не видно.

Много раз части 72-й и соседней 25-й дивизии штурмовали этот укрепленный район, немало было сброшено на него авиабомб, выпущено снарядов, но «орешек» оставался пока «не раскушенным».

Решающий штурм Люпикко и ее укреплений назначили на утро 23 февраля 1940 года в День Красной Армии и Военно-Морского флота. Все подготовили заранее: дивизионную и полковую артиллерию, танковые части, ударные батальоны стрелков-лыжников. В подразделениях провели партийно-комсомольские собрания и митинги личного состава, посвященные славной годовщине Вооруженных Сил и предстоящему штурму.

За последние дни танкисты Е. М. Рудакова, как и вся дивизия, почти не выходили из боев, штурмовали укрепленный Люпикко. В очень стесненных условиях маневра (густой лес, крутые подъемы и спуски, глубокий снег и туманы) действия танкового батальона в целом ставились в чрезвычайно тяжелые условия ведения боя.

Пришлось в дни боев у Люпикко батальон рассредоточить и поротно придать стрелковым полкам дивизии для поддержки их атак и для помощи в уничтожении огневых точек и живой силы противника.

...День перед решающим штурмом был, вроде бы, днем отдыха для всей дивизии, так как в минувшую ночь части провели без сна, закрепляясь на достигнутых рубежах и отражая контратаки врага то в одном, то в другом месте.

Роты танкового батальона, приданные стрелковым полкам, продолжали оставаться с полками, а для штурма правого флангового участка капитан Е. М. Рудаков в помощь одному, а точнее 187-му стрелковому полку, выделил лучшую первую роту батальона с двадцатью танками под командой старшего лейтенанта Узелина.

В 1-й роте на время предстоящего боя комбат решил остаться сам, со 2-й пошел замполит Рябовол, а с 3-й начальник штаба батальона старший лейтенант Калинин.

С утра Е. М. Рудаков побывал во 2-й и 3-й ротах, поздравил бойцов и командиров с двадцать второй годовщиной Красной Армии и Военно-Морского флота, поговорил с танкистами и в полдень вернулся в роту Узелина, довольный и уверенный в завтрашнем успехе.

«Накорми, т. Узелин, бойцов и дай им поспать до вечера, чтобы с новыми силами поутру в бой вступили, — приказал он командиру роты, — смастерите наскоро шалаши, «Шурочки» растопите, а то в танках какой сон? Пусть в них техники-водители останутся. Такая уж у них доля. Да о себе и командирах взводов позаботься. Вам завтра руководить боем...».

Подошла походная кухня, загремели котелки, фляжки, кружки, застучали топоры, заскрежетали по мерзлой земле лопаты, разгребая снег. Потекли разговоры, послышался смех, а кое-где приглушенные голоса близких сердцу песен. Слишком-то разойтись было нельзя: враг в километре. Подзаправившись горячим, на редкость вкусным обедом, рота разбрелась по шалашам и стихла под треск и убаюкивающее тепло «Шурочек».

Только Е. М. Рудакову никак не спалось, хотя и устал он не меньше других. В сторонке, на площадке, где только что отработала походная кухня, развел он себе небольшой костер, а дневальные сухого хвороста натаскали. Пристроился капитан к огню, оперся локтями в колени и стал глядеть на трепетные язычки костра, торопливо поедавшие сухие сучья валежника.

С деревьев сыпались снежинки и ледяные иголки инея. Падая на лицо комбата, они шекотали ему нос и щеки, запустили усы, брови, воротник полушубка, но он ничего не чувствовал и не замечал. Одна дума теснила голову: как пройдет завтрашний штурм Люпикко и кто из дорогих ему соратников танкового батальона не вернется из боя?..

Силы противника, находившегося на участке, против которого предстояло действовать 187-му стрелковому полку и роте Узелина, были приблизительно Е. М. Рудакову известны: человек 400 солдат и офицеров, засевших в блиндажах и траншеях, дивизион полевой артиллерии, батарея крупнокалиберных минометов, станковые пулеметы. Самое же главное — минированные поля и тропки, которые надо было преодолеть с минимальными потерями, а на флангах, в горах и скалах — скрытые доты, имевшие очень выгодные для белофиннов сектора обстрела. Войсковая разведка вывела, сколько у врага живой силы и боевой техники, но узнать, сколько у него в этом районе дотов и дзотов, не удалось. Сведения поступали разные. Говорили, что на правом фланге Люпикко этих огневых точек-

крепостей от семи до пятнадцати... Комбат не заметил в думах приближения вечерних сумерек. К костру подошел Узелин.

— Ты уже на ногах? — подняв голову, спросил его командир батальона.

— Время, товарищ капитан, поднимать роту. На моих курантах 17 часов 30 минут.

— Тогда пора. Объявляй подъем.

Танкисты во сне продрогли, поэтому поднялись дружно и построились в шеренгу перед своими машинами. Рудаков тоже поднялся от костра и стал перед строем.

— Хочу поговорить с вами, товарищи, немного, — обратился он к 1-й роте. — Половину боевого пути мы здесь одолели, как подобает воинам Красной Армии, — начал он, чувствуя, что затягивать разговор нельзя, потому как мороз прожигал людей, словно калеными шильями, — вторая половина будет трудней. Больше нам с вами до конца боя толковать не придется. Хочу напомнить, — строй подтянулся, — может, придется, да так оно и случится, попадем под сильный огонь. Не забудьте: пуля, мина и снаряд страшны тем, кто отступает или лежит на месте. Противник ведет огонь, значит, вперед! Пешком ли, в танке ли, все равно вперед! Только это заставит врага замолчать. Неспроста говорится: бесстрашие — мать победы. Смелость — самая верная броня и самое грозное оружие в бою! Старая воинская мудрость утверждает: «Побежден тот, кто чувствует себя побежденным». Значит, не отступать ни на шаг перед неприятелем и до последней капли крови держать свои позиции, либо решать поставленную задачу при атаке. Даже если перед тобой сотни врагов, если ты один против 10, если смерть глядит в лицо — все равно надо биться до конца, во имя нашей победы! Вот это, друзья мои, я хотел вам напомнить, и этого я жду завтра и всегда от каждого из вас. А теперь подождем положенного часа и... вперед! — Капитан приказал роте быстрее поужинать и быть готовой к выступлению.

На командный пункт Е. М. Рудакова прибыл командир стрелкового полка, в помощь которому придавалась рота Узелина. В последний раз утрясли вопросы, связанные со штурмом Люпикко, и пожелали друг другу боевого успеха. За час до начала штурма все двадцать танков Узелина вышли на исходные для атаки позиции.

На рассвете по всему трехкилометровому переднему краю белофинских укреплений с постепенным переносом огня в глубину обрушила удар наша артиллерия: два артполка 72-й и соседней с нею дивизии, артдивизионы стрелковых полков, приданный дивизии П. И. Абрамидзе тяжелый артдивизион резерва главного командования и несколько батарей крупнокалиберных минометов. Белофинны молчали. Казалось, что за сорок минут нашей артподготовки от их укреплений не ос-

талось камня на камне. Когда же смолк гром орудий и на штурм двинулись наши танки, а за ними ударные лыжные батальоны стрелков, противник пришел в движение: в горах и скалах «заговорили» все его доты и дзоты, из домов застрочили станковые пулеметы, забухали противотанковые пушки, из траншей и окопов загрохотали винтовочные залпы, в наступающих полетели ручные гранаты.

На левый фланг и на центр обороны белофиннов наступление шло успешней. Там сопротивление было слабее, огневых средств, видимо, меньше, подступы к укреплениям доступнее, чем на правом фланге сопротивления Люпикко. Поэтому передним краем укреплений противника, наступавшие слева и в центре два полка 72-й дивизии, с приданными танковыми ротами, овладели быстрее и к полудню продвинулись с боем километра на полтора в глубь финской территории в сторону Питкяранты, а вот на правом фланге дело затормозилось. Несколько раз атаковывался советскими войсками этот участок вражеской обороны. Были уничтожены многие огневые точки, доты и дзоты, отвоеваны важные тактические высоты, истреблены и обращены в бегство целые подразделения врага. Но финская белогвардейщина на правом фланге продолжала яростно сопротивляться. Здесь не только захлебывались огнем пушки и пулеметы уцелевших дзотов, но предпринимались и контратаки против наступавших.

Батальоны стрелкового полка несли большие потери. Первая половина дня 23 февраля принесла чувствительные потери и в танковой роте Узелина. Два танка белофинны подбили из противотанковых пушек, один подорвался на mine. Броневой пулями в танке был убит политрук роты Побережский, ранены помпотех командира роты Курдюмов и сам командир роты Узелин. Этот очень тяжело. В ходе боя командование ротой принял командир 1-го взвода лейтенант Д. Ф. Бляхер. Но скоро был ранен и он. Танки Узелина, Курдюмова и Бляхера тоже вышли из строя.

Особенно много потерь танкистам и стрелкам наносил на правом фланге один вражеский дзот, искусно скрытый среди камней у подножья высоты, которую белофинны упорно отстаивали.

Огонь этого дзота прижал к земле и заставил зарыться в снег половину стрелкового полка, штурмовавшего высоту. Его пулеметы и пушки били по танкам, появлявшимся на виду. Нужно было как можно скорее покончить с этим дзотом.

Командный пункт капитана Е. М. Рудакова находился в метрах трехстах от сеявшего смерть вражеского осинового гнезда, за небольшим укрытием. Тут же, готовый к бою, стоял его танк, подогреваемый механиком-водителем. В танке боеприпасы: 15 снарядов к пушке и к пулемету четыре диска патро-

нов. Узнав о потерях в 1-й роте и особенно о гибели Побережского, лучшего политработника части, о ранении Узелина, Бляхера и других, Е. М. Рудаков не мог больше оставаться в бездействии. Он понимал, что от взятия высоты зависит выполнение боевой задачи дивизией в целом, как и понимал то, что без уничтожения вражеского дзота, парализовавшего наступление на правый фланг противника, полк не сможет овладеть высотой. И тут сердце подсказало комбату, что дзот должен уничтожить он...

Медлить было нельзя. Предугадывая, что это может стоить ему жизни, Е. М. Рудаков не захотел подвергать опасности жизнь механика-водителя танка. Приказав ему, несмотря на протесты, оставаться на командном пункте, капитан сбросил полшубок, в легком комбинезоне вскочил в машину и занял место водителя. Рванувшись вперед, танк выскочил из-за укрытия и, ныряя в сугробах, бросился к дзоту противника. В грохоте стрельбы и в сильном волнении белофинны, очевидно, не сразу увидели закамуфлированный, сплошь залепленный снегом танк Е. М. Рудакова и продолжали бить по залегшим в снегу подразделениям полка и застрявшим танкам Узелина. Приблизившись к дзоту с левой стороны, быстро сменив в машине место водителя на место башенного стрелка и не дав врагу опомниться, открыл интенсивный огонь из пушки по амбразуре дзота прямо в упор. Стрельба была настолько частой и точной, что дзот не смог ответить ни одним ударом по танку капитана. После десятого, примерно, выстрела дзот замолчал, а Рудаков в азарте все бил и бил по этой вражеской крепости из пушки до последнего снаряда.

Наконец, опомнившись, пришли в себя оставшиеся у белофиннов на правом фланге в камнях и скалах отдельные пулеметные точки и открыли беспорядочный огонь по танку капитана. Е. М. Рудаков ударил по ним и по пытавшейся ринуться в контратаку пехоте белофиннов из пулемета... Самоотверженные действия командира батальона подняли дух танкистов роты и подразделений стрелкового полка. В едином порыве, с криками «Ура!» бросились они на высоту. К вечеру район Люпикко был очищен от белофиннов.

Только после боя воины-танкисты и стрелки вспомнили о Рудакове и его танке. Сотни людей окружили машину комбата. На лицевой стороне танка, как капли крупного дождя, пестрели следы бронебойных пуль. Открыли башенный люк и увидели Евгения Михайловича Рудакова. Без признаков жизни сидел он за пушкой и пулеметом, склонив кудрявую голову на казенную часть пулемета, и держал указательный палец на спусковом крючке...

На руках, осторожно и торжественно, перенесли мертвого командира-героя в палатку медпункта. Врачи его, истекшего

кровью, будто воскового, раздели и обнаружили на теле двенадцать пулевых ран, из которых семь сквозных.

В районе Люпикко части 72-й стрелковой дивизии после боевого дня, 23 февраля, стояли еще одни сутки. Людям требовался хотя бы короткий отдых, к тому же надо было пополниться продовольствием, горючим и боеприпасами. Предстояло отправить в тыл раненых и похоронить убитых.

С минуты гибели родного «Чапая» у танкистов на глазах не высохали слезы. Так тяжела для них была эта утрата. Гроб, старательно сделанный бойцами парковой роты старшего лейтенанта Р. И. Гольца, был установлен на постаменте, обшитом кумачом, и был поставлен воинский караул.

Весь день 24 февраля танковый батальон и полки дивизии прощались со своим «Чапаем». Бойцы, командиры и политработники длинной вереницей подходили к гробу, несмотря на лютый мороз, снимали шапки и молча проходили мимо павшего за них и за Родину командира и друга. В воинском карауле у гроба стояли лучшие люди батальона и полков: командир дивизии П. И. Абрамидзе, комиссар И. П. Кабичкин, начальник политотдела Калодзе.

Похоронили Е. М. Рудакова у лесной дороги между Люпикко и Питкярантой со всеми воинскими почестями. Похороны превратились в клятву дивизии: не пожалеть ни жизни, ни сил в борьбе за достойное выполнение заданий высшего командования в этой войне, за дело, во имя которого отдал свою светлую жизнь капитан Е. М. Рудаков.

До 13 марта 1940 года 72-я стрелковая дивизия, а с нею 394-й отдельный танковый батальон не выходили из боя. Вместе и во взаимодействии с другими частями и родами войск овладели стратегически важными островами западнее Питкяранты — Максиман-Сари, Петяя-Сари, Вуоратсу-Сари. На самоотверженные подвиги воинов-танкистов вдохновлял и бесстрашный образ погибшего их командира, продолжавшего и после гибели жить среди них и вести их вперед...

По прямому проводу
г. К. Е. Ворошилову, г. И. В. Сталину

22-45. 18.02.1940 г.

15 февраля прибыл в Салми. Обстановка здесь следующая:
1) На дороге из Лодейного Поля большой беспорядок, дорога расчищается исключительно плохо, регулировщиков мало, в большом количестве пробки. Машины больше стоят, чем идут. 16-й дорожно-эксплуатационный полк сильно растянут, дисциплина в нем низкая. По дороге я видел большое количество красноармейцев, назначенных на расчистку снега. Как правило, стоят с лопатами в руках, в шинелях, укутанные от холода. Работают плохо. От Лодейного Поля до Уксу видел только одного красноармейца, снявшего шинель и работающего усердно.

Штаб дорожно-эксплуатационного полка стоит в Лодейном Поле, командира полка я встретил в Видлице, стоял на перекрестке дорог в качестве регулировщика машин.

Помощника его встретил в Уксу на перекрестке: выполнял ту же роль. Приказал обоим поставить на это дело красноармейцев, а самим заниматься командованием. Приняли экстренные меры. И сейчас уже проехать стало легче.

2) Блокированные гарнизоны 18-й стрелковой дивизии сидят и занимаются только тем, что требуют помощи, доставки продовольствия. Связь с ними только по радио. Положение их недостаточно выяснено. Ежедневно получают от Черепанова отчаянные радиogramмы о помощи. Мне кажется, сами они настоящих серьезных попыток прорваться из окружения не предпринимают.

Не подлежит сомнению, что силы белофиннов, окружающие наши части, меньше наших сил, но они действуют более активно.

Из доклада командира полка, полковника Иовлева, видно, что он с юга никогда не имел противника перед собой и сидел в блокировке потому, что не приказано было уходить на юг.

Сколько было противника с запада, севера и востока понять трудно, во всяком случае не так много.

Иовлев рассказывает случай, когда он в начале января шел на соединение на запад, встретил около роты белофиннов, не смог пробиться своим полком и отошел обратно на место, где были сделаны землянки.

Последние дни разведка Иовлева ходила на север до двух с половиной километров и противника не обнаруживала.

Иовлев до высоты 95,4 шел 9 км около двух суток. Привел несколько людей. По дороге бросил трактора, четыре — 122-мм

гаубицы, бронемашин. Даже замки от орудий не принесли, а говорят где-то закопали в землю.

При движении Иовлев выслал вперед разведку в составе 50 человек, из которых пришло только семь человек во главе с командиром роты. Больше 30 человек красноармейцев, убитых ручными гранатами и пулями на пятачке в несколько десятков метров у дороги.

Командир роты дает путаные объяснения. Дело расследуем. Сам Иовлев во время движения до высоты 95,4 противника не встречал.

3) Недостаточная активность блокированных гарнизонов, очевидно, происходит из-за усталости и некоторого непонимания своих задач. Вчера мне показывали одного политработника Александра. Присланное им донесение через раненых, пробравшихся из окруженной 18-й стрелковой дивизии в расположение 168-й стрелковой дивизии и затем в г. Питкяранту.

Это подтверждает, что некоторые возможности пробиться из окружения есть. В письме написано: передайте т. Сталину и т. Ворошилову, что мы готовы погибнуть, но не уйдем. Повидимому, люди понимают свою задачу — не пробиваться на соединения к своим, а сидеть и ждать, пока придут к ним.

4) Не окруженные части несут большие потери. Объясняется это в первую очередь совершенно неумелыми действиями. Артиллерия не обеспечивает продвижение пехоте, стреляет без наблюдения. ПА и 45-мм пушки ведут огонь почти исключительно с закрытых позиций, на руках вытаскивать их для стрельбы прямой наводкой не хотят, считают это очень тяжелым. Взаимодействие артиллерии с пехотой не получается, сначала стреляет артиллерия, а потом с большим опозданием идет пехота, когда белофинны уже успевают опомниться и взяться за свои огневые средства.

Наблюдение за полем боя исключительно плохое, ни у одного виденного мною командира я не нашел карты или схемы с нанесенными огневыми точками противника. Отсутствует даже взаимодействие пехотного огня и движения...

Один из командиров рассказывал мне, как наша авиация дает жару белофиннам. Когда самолеты начали бомбить Пеття-Сари, белофинны, как горох, посыпались на лед. Я спросил: «Наверное, наша артиллерия и пулеметы уничтожили их на льду?» Оказалось, нет, они не были подготовлены к этому, и белофинны после того, как улетели наши самолеты, вернулись обратно на остров. Приехавший т. Гусев принимает ряд мер для более активных действий авиации.

5) В организационном отношении напутано очень много, роты и батальоны одних полков передавались другим полкам, полки передавались другим дивизиям. Создавались сводные батальоны...

б) Судя по докладам командиров и комиссаров, и по личному наблюдению политико-моральное состояние наших войск здоровое, проявляется много исключительного героизма, но есть много изъянов:

а) страшно запуганные снайперами и автоматами вновь прибывшие части. Инструктор ПУАРМА Максимцев мне доложил случай, когда целый наш батальон полчаса лежал, не поднимая головы из-за двух белофинских снайперов, которые изредка вели перекрестный огонь одиночными выстрелами.

Вчера командир 25-й дивизии комбриг Дедаев, серьезный командир, докладывая Военному совету о положении дивизии, заявил, что дивизия не может продвигаться из-за огня снайперов;

б) боятся окружения, причем, для того, чтобы большая воинская часть считала себя в окружении, достаточно небольшой группе белофиннов выйти в тыл или во фланг, и в то же время сами серьезных мер не принимают для разведки и охранения, все стараются прижаться в кучу...

Вывод: недостатков всяких много, но народ неплохой. В ближайшее время наведем порядок и добьемся успешных действий.

**Член Военного совета 15-й армии
корпусной комиссар ВАШУТИН**

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

По прямому проводу.
**Начальнику Генерального штаба
Красной Армии**

Докладываю о состоянии 204-й воздушно-десантной бригады после боя 15 февраля 1940 года. ...В итоге боя бригада потеряла: убитыми — 162 человека, ранеными — 234 человека, без вести пропавшими — 301 человека. Всего: 697 человек. В том числе убитыми 71 человек комсостава...

Причинами такого неудачного наступления и огромных потерь являются:

1) Слабая организация наступления. Времени на подготовку к операции было недостаточно. Приказ штаба бригады был получен в 22-00 14.02.

2) Взаимодействие артиллерии с пехотой организовано не было. Связь с артиллерией и с пехотой была установлена только около 6-00. В момент атаки второго батальона 204-й воздушно-десантной бригады 152-мм и 122-мм батареи не имели достаточного запаса снарядов и вели лишь беспокоящий огонь.

3) Разведка островов как штабом бригады, так и командиром 219-й с. п. майором Дементьевым организована была слабо. Так, например, командир 219-го стрелкового полка считал, что остров «Зуб» обороняется его боевым охранением, на самом деле остров занимался противником. Все это привело к тому, что бригада попала в «огневой мешок», задачи не выполнила и отошла в исходное положение, в северную часть о. Путки-Сари и Пусунсаари с огромными потерями.

Начальник штаба 15-й армии полковник ИВАНОВ
Военком штаба 15-й армии полковник ВИНОГРАДОВ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

**План предстоящей операции с использованием
37-й стрелковой дивизии 204-й, 214-й, 201-й АДБ**

20.02.1940 г. «...Действиями 25-й легкой кавалерийской дивизий, лыжбатов и личной рекогносцировкой установил, что район восточнее и северо-восточнее оз. Ниет-ярви покрыт густым лесом и имеет глубокий рыхлый снег. Дороги нет, кроме построенной саперными частями вслед за продвижением 25-й легкой кавалерийской дивизии и лыжбатов (одна Юля-Ристион — Лупикко — южный берег оз. Ниет-ярви и вторая — Лупикко — выс. 95,4).

Прибывшая 37-я стрелковая дивизия артиллерию имеет на машинах, личный состав не обучен владению лыжами (их в дивизии только 2000 пар), а 204-я и 214-я АДБ из артиллерии имеют только 45-мм орудия, которые также на машинах, минометы санных установок не имеют.

Вывод: успешных действий в районе Куикко, Леметти Южное можно ожидать только от частей, хорошо владеющих лыжами и имеющих артиллерию на конной тяге и санных установках, чего нет ни в 37-й стрелковой дивизии, ни в воздушно-десантной бригаде.

Командарм II ранга М. П. КОВАЛЕВ...»

**Начальнику Генерального штаба
г. ШАПОШНИКОВУ
Для Ставки**

Боевое донесение № 039 15

8.03.1940 г.

Салми

1) Противник оборонял острова Максиман-Сари, Петяя-Сари и Паймион-Сари.

2) 37-я стрелковая дивизия к 21-00 6 марта овладела Максима-Сари, Петяя-Сари, Паймион-Сари и утром 7 марта был взят остров Ханко-Сари.

Противником оставлено до 500 трупов. Взято 12 человек пленных.

Трофеи: три 37-мм пушки и 538 снарядов к ним; два 81-мм миномета и 400 мин к ним; 13 станковых пулеметов, 23 пистолета, 1 млн. 105 тысяч патронов, 200 ручных гранат, один прожектор, пять телефонных аппаратов, 120 пар лыж и одна лошадь.

Наши потери: убито 87, ранено 331 человек. Подбито семь и утоплено четыре танка Т-26, подбито два станковых пулемета. Сбит один самолет СБ.

3) 91-й стрелковый полк (без батальона) в 10 часов 40 минут начал наступление на остров Петяя-Сари. Первые эшелоны ползли с бронешитками. Хорошо организованное и осуществленное взаимодействие пехоты, артиллерии и штурмовые действия авиации обеспечили захват острова, 91-й стрелковый полк к 18-00 6.03. овладел островом Петяя-Сари. Противник оказывал упорное сопротивление.

4) За 5 суток до начала операции проделана следующая подготовительная работа:

а) артиллерия методическим огнем непрерывно подавляла и деморализовала противника на островах;

б) авиация звеньями, а также отдельными самолетами систематически бомбила и штурмовала противника на островах;

в) командиры и штабы с утра 3 марта проводили рекогносцировку и организовывали на местности взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации в течение двух дней.

Полковая и противотанковая артиллерия, а также пушечная дивизионная вели огонь с открытых позиций прямой наводкой, сопровождая огнем пехоту и танки;

г) авиация произвела 522 самолето-вылета, сброшено 90,4 тысячи килограммов бомб. Истребители штурмовыми действиями недопустили подхода резервов противника для контратак с материка и о. Вуоратсу и расстреливали на льду отступающие группы белофиннов. Бегством спаслись лишь отдельные солдаты противника.

Выводы. Соединение 15-й армии впервые одержало крупную победу. Личный состав убедился в том, что при правильно организованном наступлении и использовании массированного артиллерийского огня во взаимодействии с бомбардировочными и штурмовыми действиями авиации, а также при осуществлении правильного взаимодействия в самой пехоте между станковыми пулеметами, минометами и стрелковыми подразделениями войска могут решать успешно боевые задачи...

Атака подразделений 204-й воздушно-десантной бригады

о. Максиман-Сари была проведена с исключительным подъемом, люди шли в атаку на лыжах безбоязненно и организованно, воодушевленные тем, что на их глазах остров в результате исключительной плотности артиллерийского огня и авиационной бомбежки был в огне и дыму.

Бросок лыжников был стремительным настолько, что расстояние в два километра лыжники прошли в течение 15—20 минут.

Действия бригады происходили на том же поле, где в период боев 15 и 23—24 февраля бригада была почти полностью разбита и поле боя усеяно еще не убранными трупами бойцов 204-й воздушно-десантной бригады.

Командующий 15-й армией командарм II ранга М. П. КОВАЛЕВ
Член Военного совета 15-й армии корпусной комиссар ВАШУГИН

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АКТ

17.03.1940 г.

Леметти Южное

На основании приказа командарма 15-й армии командарма II ранга Курдюмова, комиссия под председательством Военного комиссара 56-го стрелкового корпуса — бригадного комиссара Серюкова, членов ИД командира 18-й стрелковой дивизии — полковника З. Н. Алексеева, и. д. Военного комиссара 18-й стрелковой дивизии — старшего политрука Нацупа, заместителя начальника особого отдела 56-го стрелкового корпуса капитана Мачалова, осмотрели район Леметти Южное и установили следующее.

Леметти Южное носит следы ожесточенных и упорных боев, представляя из себя сплошное кладбище трупов, разбитых боевых и транспортных машин. Вся площадь района обороны командного пункта 18-й стрелковой дивизии изрыта воронками от снарядов, деревья на 90% в районе обороны скошены артиллерийскими снарядами. Обнаружено 10 землянок, разрушенных артиллерийскими снарядами, с находившимися там людьми. Оставшиеся землянки в большинстве своем взорваны финнами по занятии ими Леметти. Найдено 18 трупов красноармейцев, сожженных финнами в землянках, один труп найден в землянке, привязанный проводами к нарам и расстрелян, и один труп с затянутой веревкой на шее.

Машины, деревья, железные трубы печей землянок и все местные предметы изрешечены пулями и осколками снарядов.

Все военноехозяйственное имущество и личное снесено и сложено финнами кучами вдоль дороги.

Из всех боевых машин вооружения изъяты и финнами вывезены, со всех транспортных машин сняты колеса и в значительной части моторы. Незначительная часть боевых и транспортных машин финнами вывезена, о чем свидетельствуют следы вывода машин. Вся материальная часть по своему состоянию является безвозвратно потерянной.

В районе гибели северной колонны установлено следующее: деревья в большинстве своем носят следы двухсторонней перестрелки, что свидетельствует о вооруженном сопротивлении северной группы.

При осмотре установлено, что, несмотря на наличие смертельных ранений, значительная часть погибших носит следы пристреливания в голову и добивания прикладами. Один из погибших, обутый в финские сапоги пьексы, приставлен к дереву вверх ногами. Жена инструктора политотдела 18-й стрелковой дивизии Смирнова (работавшая в политотделе) была обнаружена с вставленной между ног ручной гранатой.

С большинства командного состава срезаны петлицы и нарукавные знаки. Ордена, имевшиеся у командного состава, финнами вырывались с материей.

Путь выхода обеих колонн выбран в тактическом отношении правильно, т. к. выход из района обороны в других направлениях, в частности на юг, явился бы губительным для обеих колонн, ввиду наличия обороны противника в районе Койвуселькя, Куйкко, а также наличия большого числа огневых средств и активности противника за последнее время с юга...

**Председатель комиссии Военный комиссар
56-го стрелкового корпуса бригадный
комиссар СЕРЮКОВ**

Пусть слава не будет безымянной

Есть в Питкярантском районе долина, которую называют до сих пор «Долина смерти». Тот, кто первым назвал ее так, вряд ли отдавал себе отчет в том, что в этой долине погибли герои, которых можно сравнить с героями Брестской крепости. Кстати, там нет подобных названий. Весь мир знает крепость героев.

Приведу дословно высказывания двух генералов, участников событий в этой долине. Генерал-майор С. И. Иовлев пишет: «Какая же это «Долина смерти»?! Судите сами: при 40 градусах мороза, в снежных окопах, 54 дня без хлеба, умирали от голода и холода, но ни один не дрогнул, потому что там, в долине, знали — они защищают интересы Родины, а Родина для них превыше всего. Там погибли герои, подобные героям Брестской крепости. А потому название этой долине должно быть соответствующее».

А вот что пишет финский генерал Лемпи Толвела в своих мемуарах: «2,5 месяца мы ничего не смогли сделать против героически сражавшихся бойцов и командиров блокированных русских»...

Полковник в отставке Тимофей Прокофьевич Лесняк, приехавший в Питкяранту в 1966 году, как бывший председатель государственной комиссии по воинскому захоронению погибших в 1939—1940 годах в местах дислокации 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкой танковой бригады, осмотрев заброшенные братские могилы в Северном и Южном Леметти, да еще узнав, что эти места называют «Долиной смерти», пришел в негодование...

По просьбе красных следопытов Питкярантской средней школы № 1 вновь созданный в 1967 году исполком Питкярантского района удовлетворил просьбу ребят: бытующее название «Долина смерти» переименовать в «Долину Героев», о чем было опубликовано в газете «Новая Ладога».

Сколько же всего погибло в «незnamenитую» войну 1939—1940 гг.? По данным Ленинградского военного округа: убито, умерло от ран советских солдат 48745, ранено, обморожено — 158863 человека.

Финских солдат убито 85 тысяч, ранено 250 тысяч.

Газета «Вечерняя Москва» опубликовала другие данные: наших убито, умерло от ран 128 тысяч; раненых, обморожен-

ных — 320 тысяч. Финских — 43 тысячи и 48 тысяч соответственно.

По данным Финляндии: убито, умерло от ран — 23,5 тысячи, раненых — 43,5 тысячи, попавших в плен — 1 тысяча. Финны наши потери не считали, зато своих учли всех до единого.

Посол России в Финляндии... 19 марта 1995 года по телевидению заявил: «У вас в России никто не может назвать точных цифр погибших, тем более фамилий. В Финляндии все фамилии до единой учтены, всем поставлены памятники».

У нас братские могилы безымянные, забытые. У них могилы героев всегда ухоженные.

Несмотря на крайне тяжелые условия, воины 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкой танковой бригады сражались, отбивая одну за другой шюцкоровские атаки.

Дивизия и танковая бригада понесли большие потери, их остатки, 1137 человек, вывел из блокады начальник штаба дивизии майор З. Н. Алексеев.

Будучи в Питкяранте уже в чине генерала Зиновий Нестерович рассказывал: «Однажды по радио финны объявили: «Красноармейцы, переходите к нам и вы. У нас уже находятся ваши командиры», — и перечисляют фамилии, в том числе слышу и свою. Пришлось ползать от землянки к землянке, беседовать с бойцами, рассказывать, какую ложь они слышат по радио. При выходе из окружения я просил бойцов при необходимости громче кричать «Ура!». Большого от них требовать было невозможно, потому что шли живые «скелеты», многие из них неспособны были держать в руках винтовку.

Землянка, в которой располагался штаб дивизии, стала братской могилой, в которой похоронены в основном офицеры, работавшие при штабе.

Сколько человек погибло в дивизии, мне не известно, потому что я не знаю, сколько человек вышло из окружения из других гарнизонов и сколько попало в плен. Попробуйте узнать в архивах.

На наш запрос, что мы в 1967 году делали в ЦАМО (Подольск) и ЦГАСА (Москва), ответ отрицательный. Попробуйте еще и еще раз».

Следуя совету, еще дважды обращались (1969 и 1975 гг.) в архивы, ответ тот же: «Не значитя», как в пословице «Иван кивает на Петра, а Петр на Ивана».

По неофициальным данным в «Долине Героев» погибло из находившихся там воинских частей (до 15.01.1940 г.):

<u>18-я с. д.</u>	<u>34-я ЛТБр</u>	<u>4-й погр. п.</u>	<u>462-й с. п. 168-й с. д.</u>
14860 чел.	1160 чел.	620 чел.	800 чел.

Все они похоронены в братских могилах вдоль дороги Кясняселькя — Сюскиярви — Руокоярви. Всего за 105 зимних дней 1939—1940 гг. на Питкярантской земле убито, умерло от ран:

<u>168-я с. д.</u>	<u>72-я с. д.</u>	<u>25-я с. д.</u>	<u>11-я с. д.</u>	<u>37-я с. д.</u>
3900 чел.	920 чел.	780 чел.	1050 чел.	360 чел.
<u>204-я ВДБр</u>	<u>201-яВДБр</u>			
1700 чел.	250 чел.	= 8850 чел. + 17440 чел. - 26290 чел.		

Конечно, никто, кто называл эти цифры по воинским частям, не гарантировал их достоверность, все называли примерно столько.

Количество воинских захоронений, их размеры заставляют тоже приблизительно назвать вышеуказанное число погибших и умерших. Пройдет время и мы узнаем не только действительное число погибших, но и их фамилии.

Некоторые источники, взятые из боевых донесений, частично показывающих число погибших в отдельные дни, тем самым подтверждают общее количество жертв.

24.01.1940 г. — 316-й с. п. 18-й с. д. — убито 32, ранено 88, обморожено 242 (район Руокоярви — Сюскиярви).

23—25.01.1940 г. — 402-й с. п. 168-й с. д. — убито 89, ранено 160, обморожено 318 (район Кителя — Мурсула).

15.02.1940 г. — 204-я ВДБр. Убито 645, ранено 515 (район островов Петяя-Сари, Максиман-Сари).

До сих пор многие могилы безымянные. В. Бубелич из Николаевской области (отец его похоронен в г. Питкяранте) пишет: «Об одном болит сердце: не на всех братских могилах есть плиты, где были бы указаны фамилии погибших воинов. А ведь думается, подвигом своим они заслужили, чтобы быть известными». Об этом же пишут А. Цветков из Москвы, Т. Васильев, В. Иванов из Петрозаводска и другие.

«Мертвые сраму не имут», — так говорили в древние времена идущим в бой русским воинам.

Ну а мы, живые? Мы в ответе за все. И за память о тех погибших. Это наш долг по отношению к павшим. Это наш долг по отношению к будущим поколениям. Историю можно сделать достоверной, если сбереечь имена тех, кто оставил в ней след.

Мы плохо знаем свою собственную историю, наверно, нам никогда не удастся сказать, что о прошлом мы знаем все. Опасны незнание и домыслы.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По данным ЦГАСА в 1939—1940 гг., в составе 56-го стрелкового корпуса 8-й армии, действовавшим в боевых операциях под Питкярантой, были:

18-я стрелковая дивизия — командир дивизии комбриг Григорий Федорович Кондрашов, начальник штаба — майор Зиновий Нестерович Алексеев, начальник политотдела — Александр Разумов, начальник оперативного отдела — Сергей Иванович Иовлев.

В состав дивизии входили: 97-й, 208-й, 316-й стрелковые полки; 3-й, 12-й артиллерийские полки; 56-й разведбатальон; 97-й батальон связи; 85-й саперный батальон; 105-й медико-санитарный батальон; 64-й пулеметно-артиллерийский дивизион; 5-я зенитно-пулеметная рота; 381-й отдельный танковый батальон; 54-е авиационное звено связи.

168-я стрелковая дивизия — командир дивизии полковник Л. А. Бондарев.

В состав дивизии входили: 367-й, 402-й, 462-й стрелковые полки; 453-й артиллерийский полк; 129-й разведбатальон; 215-й саперный батальон; 209-й батальон связи; 231-й автотранспортный батальон; 216-й медико-санитарный батальон; 220-й противотанковый дивизион; 299-й полевой автохлебозавод; 456-й танковый батальон.

34-я легкая танковая бригада — командир бригады комбриг И. С. Кондратьев, полковой комиссар — Гапанюк, начальник штаба — майор Смирнов.

В состав бригады входили: 76-й, 82-й, 83-й, 86-й отдельные танковые батальоны; 179-й мотострелковый батальон (командир майор Хлюпин); 274-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон; 322-й автотранспортный батальон; 224-й отдельный разведбатальон; 84-я отдельная рота связи; 52-я отдельная саперная рота; 24-я отдельная рота обслуживания.

4-й пограничный полк — командир полка полковник Донской. Штаб полка находился в м. Уома.

Из состава 8-й армии выделилась 15-я армия, в которую включались 6 дивизий и ряд частей усиления. Командующим 8-й армией назначен командарм II ранга Г. М. Штерн, а командующим 15-й армией — командарм II ранга М. П. Ковалев.

Штаб 15-й армии обосновался в п. Салми. В состав армии входили:

окруженные 18-я стрелковая дивизия, 168-я стрелковая дивизия и 34-я легкая танковая бригада;

прибывшие вновь в январе-феврале 1940 г.:

11-я стрелковая дивизия — командир комбриг П. П. Борисов;

72-я стрелковая дивизия — командир комбриг П. И. Абрамидзе;

25-я кавалерийская дивизия — командир полковник Д. Захаров;

37-я стрелковая дивизия;

201-я воздушно-десантная бригада, командир комбриг И. С. Безуглый;

204-я воздушно-десантная бригада — командир полковник И. И. Губаревич;

214-я воздушно-десантная бригада — командир полковник А. Ф. Левашов;

4-й пограничный полк — командир полковник Донской.

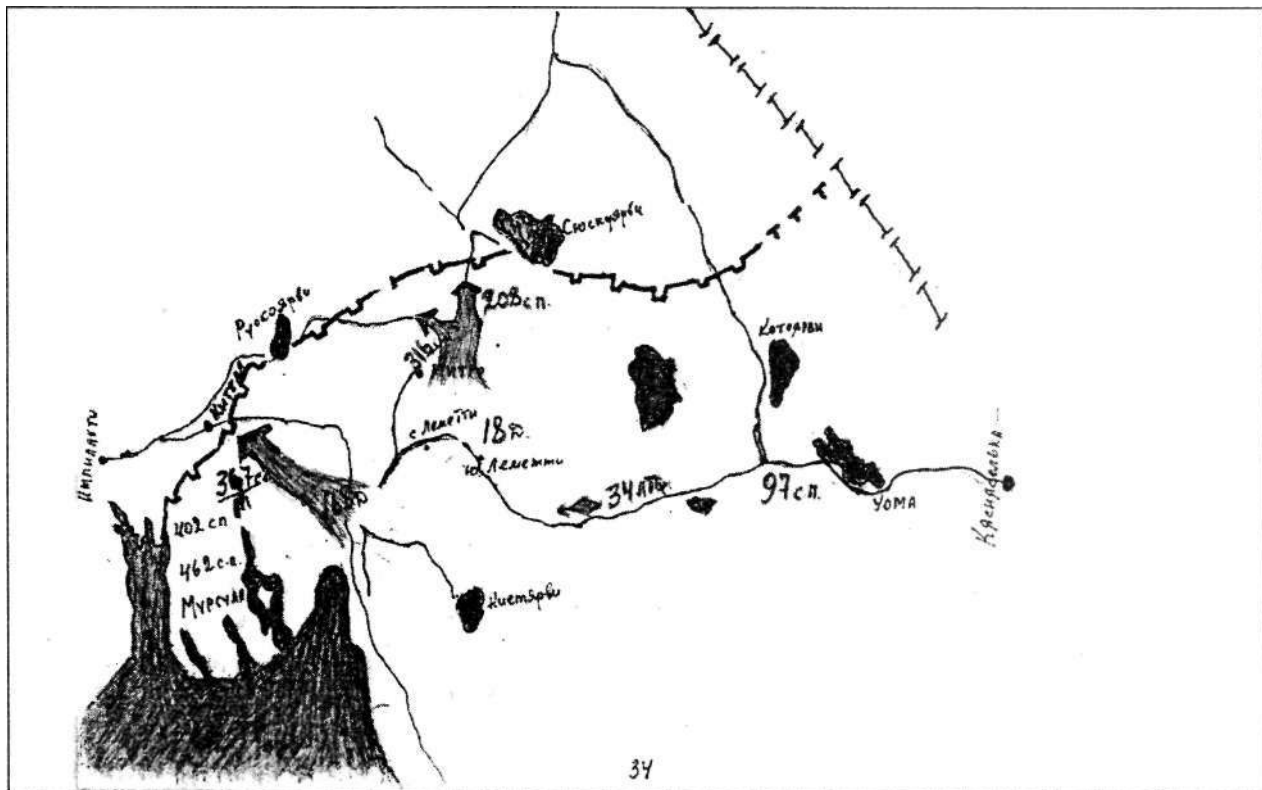

Схема расположения частей 18-й стрелковой дивизии, 34-й легкой танковой бригады, 168-й стрелковой дивизии на 11 декабря 1939 года

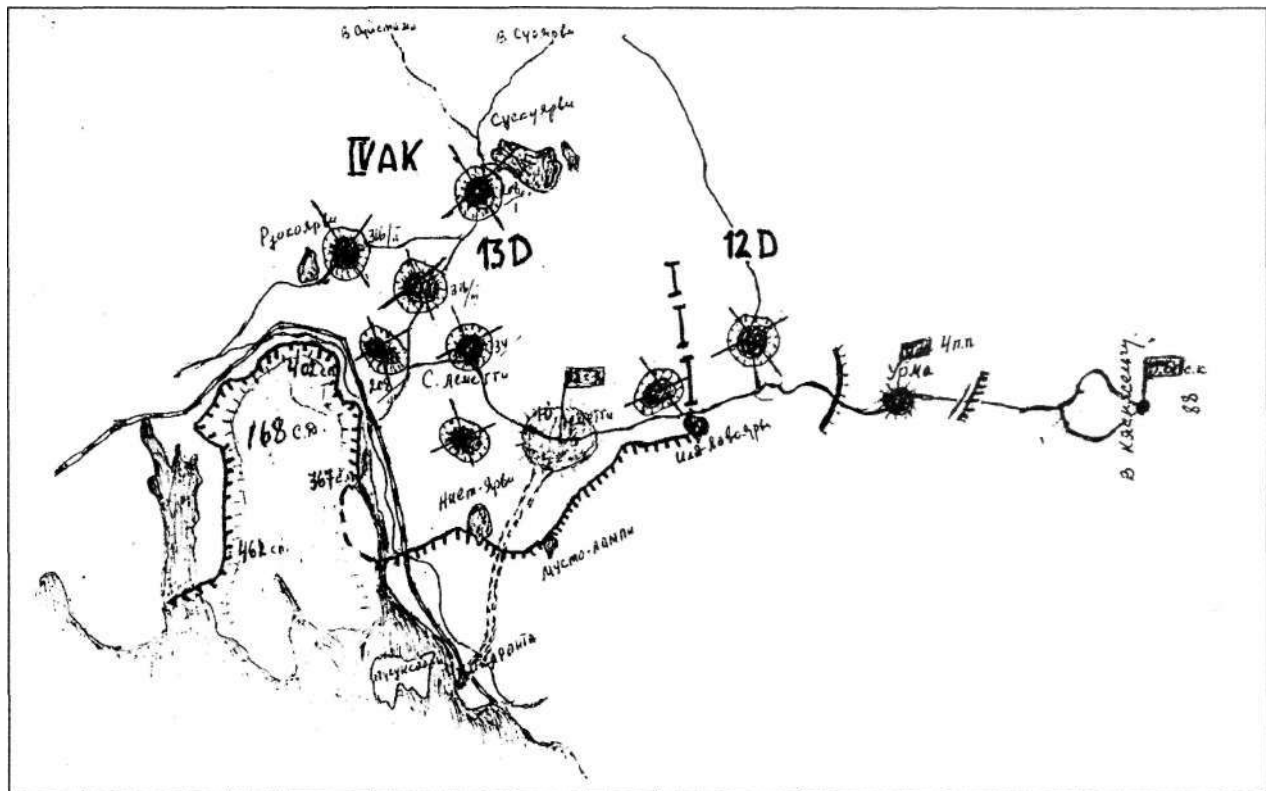

Схема расположения блокированных гарнизонов 18-й стрелковой дивизии, 34-й легкой танковой бригады и окруженной 168-й стрелковой дивизии на 22 января 1940 года

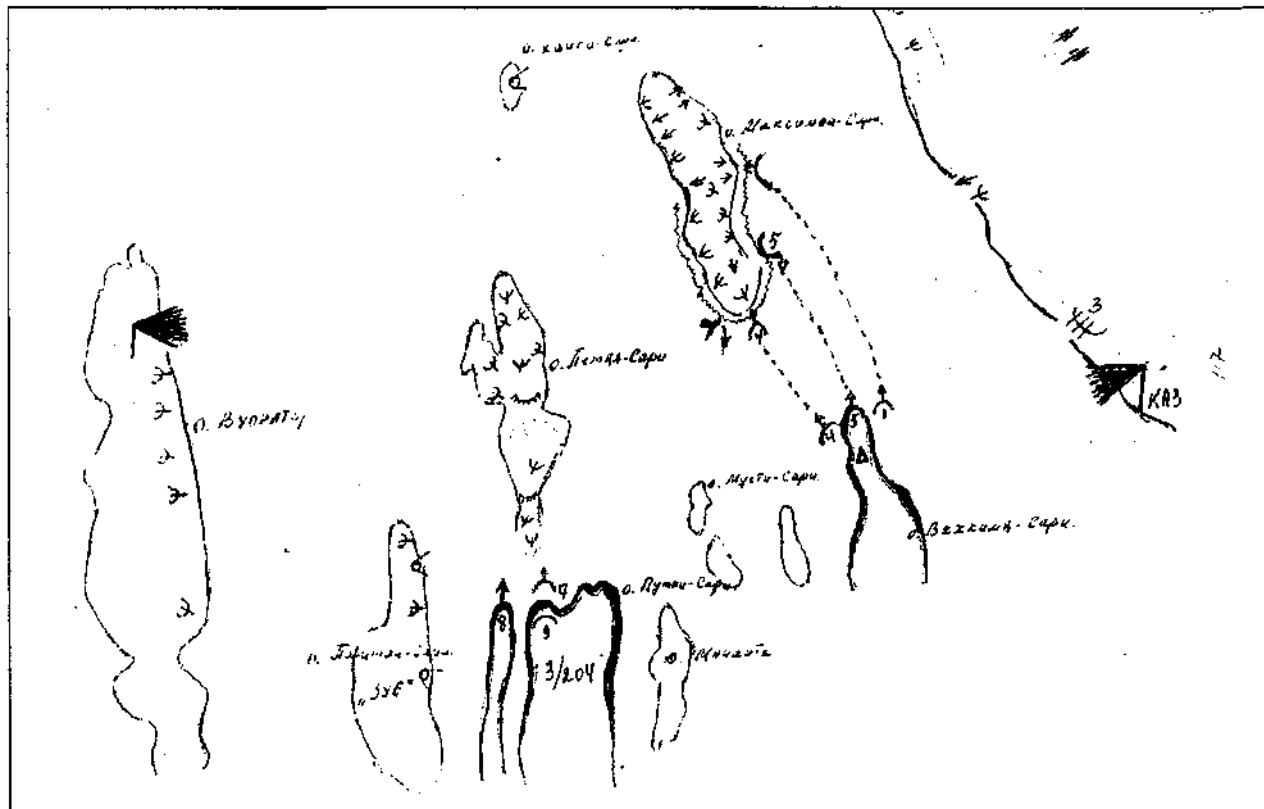

Схема обнаруженных огневых точек 15 февраля 1940 г. в ходе боя 204-й ВДБр

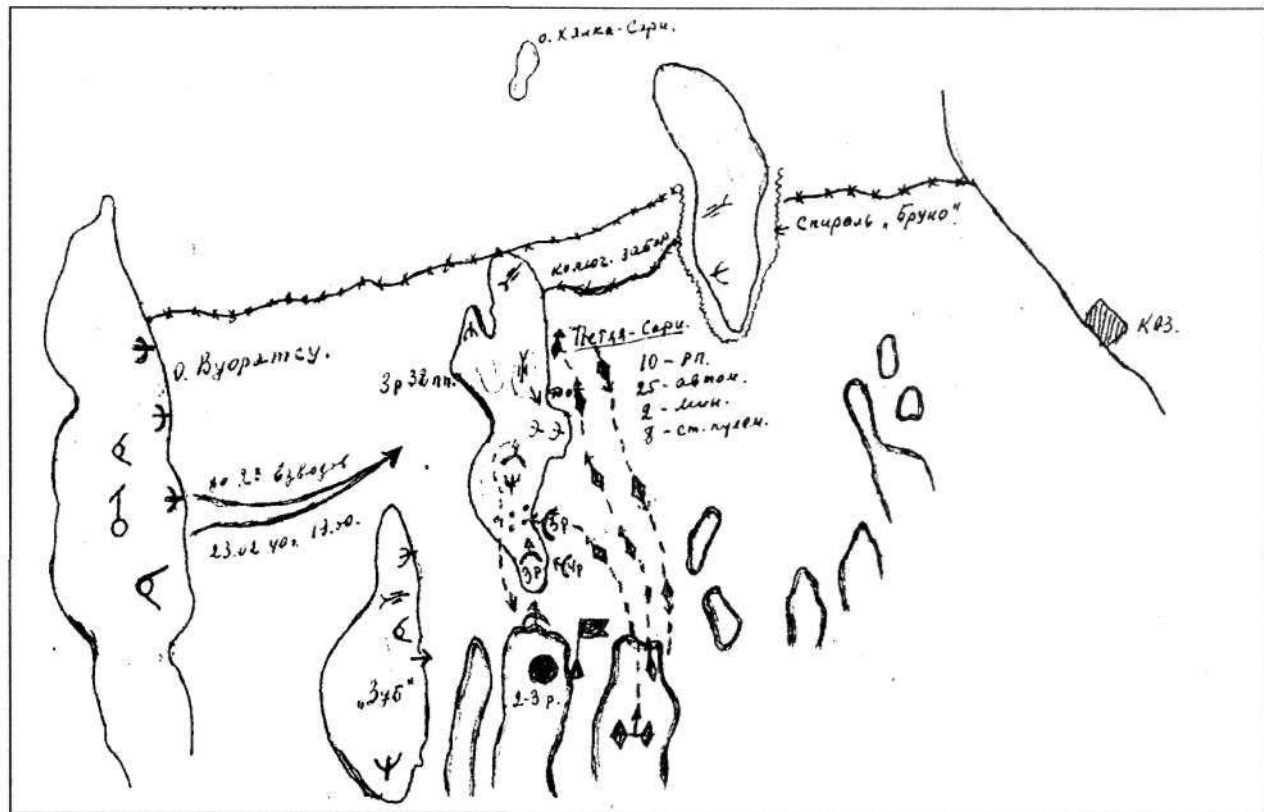

Схема наступления 1 и 2/204-й ВДБр 23 февраля 1940 г.

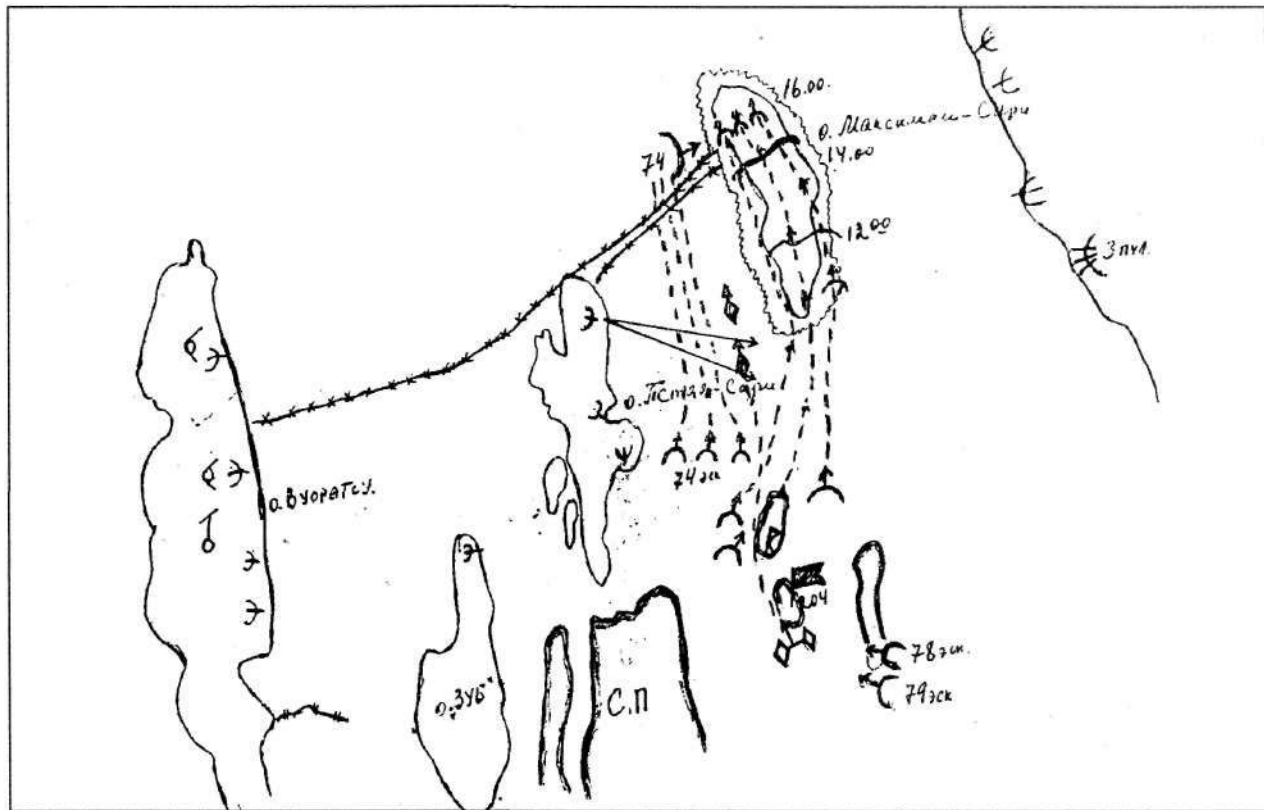

Схема наступления 1/204-й ВДБр 12 марта 1940г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	7
А. М. Митин. Война с белофиннами.....	25
А. И. Трегубенко.....	29
В. Степаков.....	31
А. И. Жаров.....	36
И. Г. Клещевников. Бойцы сражались в глубоких снегах.....	39
В. Петрикеев. Под знаменем 168-й.....	45
Н. Т. Клименко.....	47
Н. И. Гиацинтов.....	48
П. И. Абрамидзе.....	49
С. И. Иовлев. Рекомендация в партию.....	50
А. Н. Рожков.....	55
С. М. Тихомиров.....	56
Г. Парамошков. Остались в «Долине смерти».....	58
А. Г. Морозов. 204-я воздушно-десантная бригада.....	59
В. Роткин, В.Золотов.....	75
Н. Колязинцев.....	76
Л. Сузи.....	79
З. Н. Алексеев.....	96
Г. Фиш, В. Холодков. История Кати Андреевой.....	99
В. К. Соловьев. 72-я Краснознаменная Туркестанская стрелковая дивизия.....	111
В. Ф. Себин. Пусть слава не будет безымянной.....	125
Приложения.....	128

